

Валерий Воскобойников

ВЕЛИКИЙ ВРАЧЕВАТЕЛЬ

О тех, кто первым ступил на неизведанные земли.
О мужественных людях — революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремленьях
И беззаветно к цели шел своей.

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1980

А В И Ц Е Н Н А

Выпуск 68(28)

Scan AAW

Валерий Воскобойников

ВЕЛИКИЙ ВРАЧЕВАТЕЛЬ

■ Ж И З Н Е О П И С А Н И Е ■

Ж
И
З
Н
Е
О
П
И
С
А
Н
И
Е

Ж
И
З
Н
Е
О
П
И
С
А
Н
И
Е

■ Ж И З Н Е О П И С А Н И Е ■

72.3
Б76

Издание второе.

В **70803—033**
076(02)—80 **—061—80.** **4800000000**

© Издательство «Молодая гвардия», 1972 г.
© Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

Тысячу лет назад в Бухаре жил гениальный человек по имени Абу Али Хусайн ибн-Абдаллах ибн-Хасан ибн-Али ибн-Сина.

Это длинное имя кажется странным, как и многие восточные имена того времени, хотя на самом деле все в этих именах просто. Немного позже станет ясен смысл его имени.

Кто он — Ибн-Сина? Врачи говорят, что он великий врач.

— Нет, он известный астроном, математик, — скажут математики.

— И большой поэт, писатель, — скажут литераторы,

— Он ведь теоретик геологии, — скажут геологи,

— И теоретик музыки, — скажут музыканты.

— И философ, — скажут философы.

И все они будут правы.

Кто же он — вечный скиталец, то главный министр, везир, то брошенный в заключение, в замок?

Почему через сто с небольшим лет после его смерти по приказу религиозных фанатиков в Багдаде на главной площади горят философские книги Ибн-Сины?

А еще через несколько сотен лет в Европе после изобретения печатного станка сразу после Библии печатают огромные пять томов «Канона врачебной науки». И автор их — Ибн-Сина. «Авиценна» — так в Европе произносят его имя.

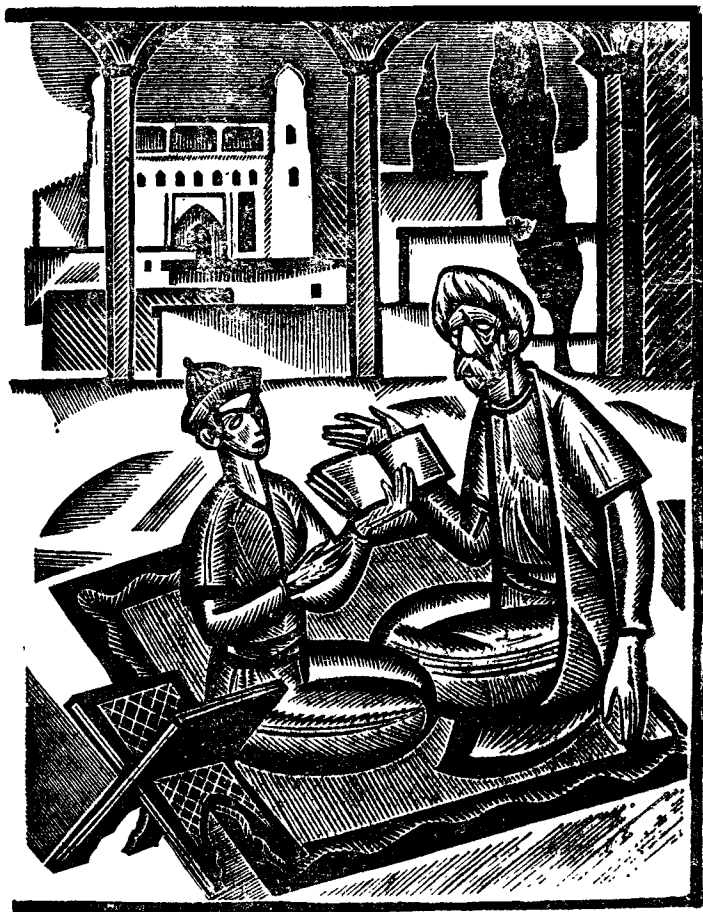
Мусульманские библиотеки бережно сохраняют его книги, и редким людям разрешено прикасаться к ним. О многих книгах мы знаем лишь понаслышке. Переписчики старательно переписывали книги Ибн-Сины. На печатных станках множили их в разных странах Европы, переводили на разные языки.

В Средней Азии рассказывают и поют о нем легенды.

В 1980 году все люди на земле празднуют тысячелетие со дня его рождения.

Кто же он — этот человек, Ибн-Сина?

Детство и юность

«**А** когда родится у тебя сын, то первое — это дай ему хорошее имя», — учили в то время все книги о воспитании.

Молодому Абдаллаху нравилось имя Хусайн. И жене его Ситоре-бану тоже нравилось это имя. И давно уже было решено — первого сына назвать Хусайн.

А можно дать и кунью — почетное прозвание. Так поступали в благородных домах. «У моего мальчика обязательно будет свой сын! — смеялся Абдаллах. — Так пусть же не мучается мой мальчик Хусайн. Я уже дал имя его будущему сыну — Али». А про себя думал: «Ну, конечно же, в честь праведного халифа Али». Кунья сына будет Абу Али, что значит отец Али. А потом пойдет само «исм» — имя Хусайн, а потом, присоединенное через арабское «ибн» — сын, имя отца, а потом имя деда, прадеда, прапрадеда.

И новорожденного ребенка, отважного крикуна, радость семьи, уже звали так: отец Али, Хусайн сын Абдаллаха, сына Хасана (так звали деда), сына Али, сына Сины.

Радовался молодой Абдаллах. По десять раз в день бегал он на женскую половину, где лежала счастливая жена его Ситора (что значит «Звезда»), где познавал первые приметы мира маленький Хусайн.

И как ему, Абдаллаху, было знать, что напрасно он выдумал эту затею со вторым именем. Не будет у Хусайна сына. И семьи у него своей не будет. А станет скитаться он всю жизнь по караванным путям от города к городу, от правителя к правителю.

Но это потом. А пока улыбается радостный Абдаллах.

И было это в сентябре девятьсот восьмидесятого года.

Маленький Хусайн родился накануне самого большого праздника — Михраджана. Этот древний праздник наступал осенью, когда сухая пыльная жара постепенно слабела. Все дарили друг другу подарки, двор и армия получали зимнюю одежду. Народ выбрасывал в этот день старые, засалившиеся ковры, подстилки, разную ветхую утварь. Надевали новое, красивое, купленное заранее, сбереженное в сундуках.

«Как обновляется все вокруг, так обновилась и жизнь моя, — думал Абдаллах. — Только человек, производший на свет сына, может считаться по-настоящему взрослым, зрелым. Теперь у меня начнется новая жизнь».

Это удивительно, как много может запомнить маленький человек, если он умеет уже говорить и думать.

В женской половине у матери пахло тонкими душистыми маслами. А в мужской половине — кожами и потной лошадью, это когда возвращавшийся из поездок отец обнимал сына, прижимал его крепко.

Если тихий ветер пролетит сквозь куст джуды, который растет во дворе, проскользнет в дом, то ветер этот

будет пахнуть остро и сладко, почти как душистые масла, которые привозит отец в подарок маме из Бухары.

Отец часто уезжает по делам. Он важный человек. Он управляет селением Рамитан. Это одно из самых больших бухарских селений. Отец еще молодой, и в его годы мало кому доверяют управлять такими селениями.

...Однажды Абдаллах проезжал через маленькое сельцо Афшана. Оно было близко от Рамитана. Афшану окружали сухие голодные земли, отданные в надел студентам высшей духовной школы. Это селение Афшана давно бы могло заглухнуть, если бы не «святая» соборная мечеть, построенная когда-то полководцем арабских завоевателей Кутайбой.

Каждое большое село мечтало о соборной мечети. Если есть мечеть, село может называться городом. Но редко кому селу разрешали строить мечеть. А вот Афшане повезло. В Афшану приходили молиться даже из Бухары.

Проезжая через это село, Абдаллах слез с коня для какой-то мелкой надобности. Внезапно он услышал красивый голос девушки. Он даже слов почти не слушал в тот первый раз, только голос. Потом, когда он ехал на коне своем дальше, он вспомнил и слова и удивился, какие они были разумные.

На другой день Абдаллах снова поехал через село, хотя дел особых у него не было. В том же месте он слез с коня, но голоса девушки не услышал. «А может, и не девушка это вовсе, а женщина-мать, жена или — еще того хуже — рабыня. Да и неприлично человеку моего звания торчать около чужих домов», — подумал Абдаллах и сел снова на коня.

Он бы уехал так и, может быть, навсегда забыл и голос и слова, если бы вдруг прямо из этого двора не

выехал знакомый молодой купец Райхан. Купец этот был не очень богат, но весьма образован.

— Здравствуй, — обрадовался Райхан, — как хорошо, что аллах даровал мне возможность тебя увидеть сегодня. Ты мне нужен по важному делу.

Райхан уговорил Абдаллаха зайти к нему в дом. Райхан был не женат, это Абдаллах знал.

Мальчик принял лошадей, увел их в глубину двора. Абдаллах вошел в дом Райхана.

Служанка принесла угощение. Вошла, громко шаркая ногами, и голос был у нее старый.

Слова Райхана словно плавали вокруг Абдаллаха. Абдаллах же вслушивался в разные звуки. Вот звякнуло ведро. Вот кто-то засмеялся. Да-да, это тот самый голос. Вот эта девушка что-то сказала снова, вот она пропела какие-то слова, снова засмеялась, снова пропела. Ого! Да это же из Рудаки, которого Абдаллах любил и почитал больше всех поэтов.

— Тебя отвлекают разговоры моей сестры. — И Райхан поднялся. — Сейчас я скажу, чтобы она замолчала.

— Нет-нет, не надо, прошу тебя. Я внимательно слушаю.

Райхан советовался с Абдаллахом, пытался разузнать у него как у опытного человека, не поднимутся ли в этом году цены, каков урожай...

— Ситора, сестра моя, — сказал как бы между прочим Райхан, прощаясь, — как раз достигла возраста, когда пора выходить замуж. Все некогда заняться ее делами, да и человека хочется найти ей приличного. Она все-таки из хорошей семьи и воспитание получила хорошее. И, я тебе по секрету скажу, очень она красива и добра, о начитанности ее говорят все в нашем селении. Вот только застенчива уж слишком. Даже со мной ста-

ла стесняться разговаривать. Узнала бы, что ты, мой гость, слышал ее голос, убежала бы к себе и до вечера не показалась. Жаль, отец наш умер. А у меня столько дел, сам понимаешь!

...Через несколько месяцев Ситора стала женой Абдаллаха. Он и дом купил в Афшане, и первый его сын, радость отца, маленький Хусайн, родился здесь. Вот он, сынок, ползает по ковру, слушает разговоры старших и все запоминает. Старшие только удивляются и вспоминают аллаха. Не знают они такого, чтобы ребенок, не научась еще ходить, уже умел бы разговаривать. Да так разумно, что и парню другому поучиться бы в пору.

Сначала маленькие дети не умеют говорить. Они понимают многие слова, но сказать их не могут.

Маленький Хусайн был очень любопытным мальчиком. Как только научился он поднимать голову, так стал вертеть ею во все стороны, оглядывая разные предметы. Потом он понял, что для каждой вещи люди придумали имя. Если при нем произносили «ухо», он хватался за ухо. Говорили «стена», он хлопал рукой по стенке. Однажды он держал глиняную игрушку и неожиданно ее уронил. Игрушка, конечно, разбилась. И тогда маленький Хусайн сказал первое слово. Он спросил:

— Почему?

Он очень удивился: только что была целая, красиво раскрашенная игрушка — и вдруг на полу просто глиняные обломки.

С тех пор это слово он повторял много раз в день. У соседей рос маленький мальчик Умар.

Умара часто приносили в дом Хусайна. Умар тянул ко всем вещам толстые ручки и кричал:

— Дай! Дай! Дай!

А Хусайн удивлялся:

— Почему?

— Каким хозяйственным растет ваш сын! — говорила Ситора, мать Хусайна. — С малых лет уже все к себе.

«А ваш-то глупенький какой, — думала мать Умара. — Ничего не понимает. Все почему да почему».

Про Хусайна рассказывают такую историю. Это случилось, когда из всех слов он умел говорить только «почему».

Служанка показывала золотое кольцо Хусайну и нечаянно уронила его в мешок с крупой. А в этот момент ее отвлекли, куда-то позвали, и она про кольцо забыла. В мешок насыпали крупы доверху и вынесли из дому — хранить. Все это видел маленький Хусайн.

На другой день про драгоценное кольцо вспомнила мать, смотрит — а его в доме нет. И заподозрила служанку: «Только ты и могла украсть, в доме никого посторонних не было». Служанка заплакала. Ей не поверили и выгнали ее из дому вон.

Хусайн махал руками и громко кричал. Никто не знал, почему у него испортилось настроение. Он плакал два дня.

Очень скоро он научился говорить слова так, что его стали понимать взрослые. До этого он несколько дней повторял одни и те же звуки, но в них никто не узнавал слова. Первая его фраза была о служанке. И о кольце. И о несправедливости.

Взрослые удивились, принесли мешок, вспороли его, высыпали крупу, смотрят — прав маленький Хусайн.

Нашли служанку, извинились, наградили ее, но она назад не вернулась, хотя все следующие годы рассказывала эту историю про удивительного малыша Хусайна.

Кто не знает веселых и печальных, язвительных и ласковых четверостиший-рубай, которые сочинил Адам поэтов Рудаки! Кого не тронут напевные его касыды — песни, тот чурбан, бездушный пень, и ему нечего делать в жизни людей!

Говорят, он написал миллион триста тысяч стихотворных строк. А ведь известно, что не всякий смертный может даже сосчитать до тысячи. А многим людям от рождения до смерти хватает двадцати тысяч дней. Вот оно как, если сопоставить числа.

Там, где родился Рудаки, в садах-зарослях стоит гора. Ее называют «гора соловьев». Туда часто уходил Рудаки, он учился петь у соловьев, ручьев и леса и пел вместе с ними...

Он пришел в Бухару, во дворец эмира, из горной деревушки. Его песни были песнями самой земли, песнями людей, обрабатывающих эту землю. И даже поэтическим именем своим он взял название родного села. Села, о котором слышал редкий купец. Почет и богатство окружили Рудаки при дворе эмира.

Одна касыда, спетая поэтом, могла подействовать на эмира так, как не действовали ни слова воинов, ни угрозы приближенных.

Но зыбким было счастье Рудаки. Соловей может забыть свой лес и петь в золоченой клетке. Истинный поэт не забывает о своем народе. И когда в Бухаре отчаянные люди поднялись за веру и справедливость, и когда покатались их головы под ударами мечей, Рудаки был бы заурядным соловьем в золоченой клетке, если бы не вступился за них...

Ослепленным, старым и нищим возвратился в родное село изгнанный из дворца великий поэт. Но народ по-прежнему был счастлив любить его.

Примерно такой разговор шел в доме Абдаллаха.

Был вечер, в комнате горели светильники. На ковре сидели Абдаллах, Райхан и дядя Райхана.

Дядя приехал из Бухары навестить племянника и племянницу. Да и дела кое-какие у него были. Абдаллаха он видел второй раз, и нравился ему Абдаллах все больше. И образованный, и почтительный со старшими. Около Абдаллаха сидел маленький Хусайн. Сидел тихо, слушал беседу взрослых.

Говорят, он даже слова произносит, этот маленький мальчик. Но какие слова может сказать ребенок, если в жизни он сделал еще только несколько боязливых шажков?

Каково же было удивление дяди Райхана, когда этот ребенок вдруг заговорил стихами. Самыми настоящими стихами! Дядя Райхана, рассказывая о каком-то своем знакомом, решил процитировать строки из Рудаки.

— «Тех, кто, жизнь прожив, от жизни не научится уму», — сказал он и вдруг забыл следующую строку. Всегда знал, а тут забыл. Он даже пальцами хрустнул от нетерпения.

И вдруг маленький Хусайн продолжил:

— «Никакой учитель в мире не научит ничему».

— Да-да, именно так у великого Рудаки, — сказал дядя Райхана, а потом вдруг уставился на мальчика в немом изумлении.

И ночью дядя Райхана не мог заснуть. Ворочался, поражался и охал, возвращаясь в мыслях к ребенку, которого родила племянница Ситора.

А потом родился у Хусайна маленький брат. Редко капризничал, мало плакал, рано стал улыбаться. Научился садиться, ползать, ходить.

— Хороший мальчик, — хвалили соседи.

Но отец ждал большего. Он никому не говорил об этом, конечно, но ждал. «Неужели аллах дарует мне и второго ребенка такого же удивительного, как Хусайн?» — мечтал он.

Махмуд сказал первые два слова. Первые его слова были «дай» и «мама».

Отец взял маленького Хусайна с собой в Рамитан.

Был конец августа, жара спала, но земля кругом оставалась сухой. На земле выступил белый налет.

Хусайн сидел на коне впереди отца, отец легко придерживал его. Маленький Хусайн первый раз в жизни уезжал из своего селения Афшана, где он родился и прожил ровно шесть лет.

— Это несчастная земля, сынок, — говорил Абдаллах маленькому сыну. — Бесплодная земля. А ведь сто-ит подвести сюда арык, оросить участки, и место это превратится в цветник. Только кто сейчас станет заботиться о нищей земле. Правитель наш Нух ибн-Мансур привык, что за него распоряжаются мать и везир. — Абдаллах на всякий случай оглянулся. — И никто не задумывается, что если нищает земля, то нищают и люди. А если нищают люди, то нищает и власть.

Они проехали уже немало. На дороге иногда попадались редкие арбы да всадники. На полях работали кетменями люди в лохмотьях, навстречу шли крестьяне в рваных халатах, робко кланялись, завидев издали Абдаллаха.

— Сейчас ты увидишь другие земли. Смотри, здесь посевы ровнее, а там, впереди, сады. Это мой Рамитан. К нему подведен широкий арык.

Теперь уже каждый встречный человек уважительно здоровался с отцом Хусайна.

Потом они въехали в ворота Рамитана.

— Это самое древнее село, — объяснил отец Хусайну. — Его так и зовут — «древняя Бухара». А основал его сам Афрасиаб, сказочный царь. И еще четыреста лет назад, задолго до того времени, когда всадники Кутайбы появились под стенами Бухары, бухарские правители любили здесь отдыхать зимой от своих дел.

Они подъехали к самому берегу арыка. Отец слез с коня, снял сына.

Зажатая берегами, быстро текла желтая мутная вода. От нее шел прохладный ветер.

— А видишь на другом берегу развалины? Это тоже древнее селение — Рамуш. Его выстроил враг Афрасиаба. Он построил храм огнепоклонников, и к этому храму до сих пор раз в году тайно собираются на свой праздник маги.

Около них остановился бедно одетый человек. Чалма была несвежа. Он робко стоял, несколько раз хотел заговорить, но не решался.

— Если ты хочешь сказать что-нибудь, говори смелее, — улыбнулся ему Абдаллах.

— Я не смею нарушить твою беседу с сыном, — сказал человек. — Просьба моя так незначительна для тебя и так велика для меня...

— Что же ты хочешь? — спросил Абдаллах.

— Я прошу тебя... — Человек замолчал снова. — Я прошу освободить меня от уплаты налога в этом году.

— Но почему? Или ты долго болел? Или погибли твои посевы? Может быть, их вытоптали воины?

Человек отрицательно качал головой.

— Я пишу книгу. Это книга стихов о подвигах наших предков. Мне осталось лишь переписать ее, чтобы принести во дворец.

— Но разве твое имя Фирдоуси?

— Нет, — удивленно сказал человек. — Я Хасан ибн-Асир. А кто тот почтенный человек, которого зовут Фирдоуси?

— Фирдоуси поэт, который уже лет двадцать сочиняет книгу, подобную твоей. И его, я слышал, освободили от всех налогов, потому что он с утра до вечера сочиняет свою книгу. Хорошо, поезжай спокойно домой. Я освобождаю тебя от налога в этом году.

— Я небогатый человек и смогу отблагодарить тебя только касыдой. Я сложу касыду в твою честь.

— Не надо, — засмеялся Абдаллах, — касыды ты сочиняй в честь нашего эмира или везира.

В это время к месту, где они стояли, примчался всадник. Он осадил лошадь. Это был Райхан.

— Абдаллах, я всюду ищу тебя! — сказал он и посмотрел на поэта.

Поэт сразу отошел в сторону, а потом побрел по улице.

— Тебя требуют срочно в Бухару. Двое всадников ждут тебя у твоего дома. Эмир сменил везира. Новый везир хочет изгнать всех, кто верно служил старому, Утби. Я выехал тайно, предупредить тебя. Может быть, тебе скрыться? Что, если тебя посадят в тюрьму? Я и денег привез... А твою семью я буду беречь...

— Не надо, — Абдаллах уже усаживал Хусайна на коня. — Я честный человек и от налогов не присвоил ни одного дирхема. И мне было бы стыдно и неразумно бежать. Я поеду в Бухару сам, а сына ты свезешь домой. Успокой Ситору, скажи, что я скоро вернусь.

— Но что сказать воинам, которые ждут тебя у дома?

— Пусть возвращаются в Бухару. Я буду там раньше их.

Они проехали улицы Рамитана. Абдаллах спокойно встречал на поклоны встречных людей.

От ворот шли две дороги: одна, прямая и широкая, — на Бухару, другая, поуже, — в Афшану.

Абдаллах погладил маленького Хусайна по голове, пересадил его на коня Райхана и поехал по широкой дороге.

Ночью Хусайн слышал шаги матери. Она не ложилась. Плакал маленький брат Махмуд.

Утром пришел Райхан.

— Не появился? — спросил он, тревожно озираясь.

— Нет, — сказала мама, горестно вздыхая.

— Я его предупреждал. Я его так предупреждал. Подожду день и поеду в Бухару, буду узнавать у верных людей.

Но ехать не понадобилось. Отец вернулся сам.

— Ну что новый везир? Я ведь говорил, ты чист перед аллахом и тебя не за что упрекнуть, — заторопился Райхан. — Как я рад, что все благополучно кончилось.

Отец загадочно улыбнулся:

— Я сегодня ночевал у друзей в Бухаре. Поблизости от них продается дом. Утром я осмотрел его. Очень хороший дом. И на хорошем месте... Я думаю, надо его купить...

— А везир? Ты видел нового везира? — не отставал Райхан.

— Видел. Занят тем, чтобы остаться в этой должности...

— Но ты... тебя-то он оставил?

— Ты сам сказал, что я чист и меня не в чем упрекнуть, — засмеялся Абдаллах, — вот и везир оказался одинакового с тобой мнения.

Скрипят арбы по широкой утопанной дороге. А недалеко от этой дороги проходит другая, еще шире, еще утопанней. Та дорога называется Царской, она соединяет два города — Самарканд и Бухару.

Но и здесь, на своей дороге, тоже интересно. Вот промчались навстречу всадники — посторонись арбы! Потянулся караван верблюдов. Один, другой, третий, десятый. Не спеша идут они, колышутся тюки с товарами. Караван тоже охраняют всадники. А вот четыре такие же арбы скрипят навстречу. Только движутся они еще медленней, запряжены в них совсем худые волы. Неизвестные люди сидят на арбах, и дети — мальчик и девочка. И такую же утварь домашнюю везут — ковры, да занавеси, да медную посуду. А на другой арбе — ларь для одежды и столик. Дорога широкая, не только две, даже три арбы могут разъехаться.

А по сторонам поля. Справа поля и слева. Тихо дует ветер, трутся пшеничные колосья друг о друга. Проходит ветер волнами по посевам. А высоко в небе кружится плавно птица. И когда выезжали из селения, она кружилась над дорогой, и сейчас плывет в небе. То ли та же самая птица, или новая...

Переезжает Абдаллах со своей семьей в Бухару. Давно пора было переехать. В Бухаре столько образованных людей! И чиновники-дабири, и ученые, и философы, и архитекторы. Прекрасные мечети в Бухаре. А райские сады Мулийана!

И вообще ему, Абдаллаху, управляющему одним из самых крупных бухарских селений, конечно, пристало жить в столице.

Внезапно огромное стадо баранов пересекло дорогу. Остановились арбы, остановились пешие крестьяне. Проснулся младший брат Махмуд. Подъехали три всадника в высоченных меховых шапках.

— Смотри, сынок, эти люди издалека, из Хорезма эти люди. Только хорезмийцы носят такие высокие шапки. Прошли бараны. Можно двигаться дальше.

— А вот и стена Бухары, — показывает Абдаллах. — Рамитанские ворота. Сейчас уплатим пошину и въедем в город. А там, в новом хорошем доме, поужинаем и отдохнем.

Афшану мог обойти даже маленький Хусайн. Где кончается Бухара, Хусайн не знал. Одна улица переходила в другую, другая — в третью; красивые мечети, дворцы вдоль арыков, густые сады, базары.

Однажды отец взял Хусайна с собой, показывал Бухару.

В центре на возвышении стоял укрепленный дворец. Дворец охраняли гулямы — воины. В том дворце жил эмир со своей семьей.

— Счастлив человек, которого коснется взгляд эмира. А уж во дворце бывают только избранные, — говорил отец.

Недалеко от дворца на площади стояли десять длинных зданий. Это были министерства — диваны. Отец показал Хусайну диван, в котором служил он сам. Всеми диванами правил везир — главный советчик эмира. В каждом диване служили чиновники. И в каждом диване был свой начальник — сахибдиван.

Хусайн видел сахибдивана отца. Отец очень почтительно с ним разговаривал и несколько раз кланялся. А сахибдиван смотрел почему-то в сторону. Но ведь и отец был важный человек, вон как его уважали в Рамитане!

Еще, окруженный гулямами-воинами, промчался во дворец богато одетый человек. Ему издалека уступали дорогу.

— Это большой военный начальник, — тихо сказал отец, — Симджури, а может быть, Себюк-тегин, а может, и другой полководец, Фаик. Самые главные люди после эмира. Они даже везира не боятся. И сам эмир часто их слушается.

Широкие улицы в Бухаре — свободно могут разъехаться две арбы.

А базары — какие базары! Можно заблудиться, потеряться до ночи среди лавок, лотков, криков зазывал, среди нагруженных тюками осликов, верблюдов, волов, запряженных в арбы, среди спящих торговцев. Хусайн крепче сжал руку отца.

А дальше идут кварталы ремесленников — рабад. Здесь улицы узкие, помещения крошечные. В одном квартале живут и работают ткачи, в другом — портные, в третьем — оружейники. Есть квартал кузнецов, квартал ювелиров, квартал переписчиков книг. И всюду тесно, смрадно. Только в квартале, где готовят сладости, пахнет приятно. Кварталы отделены друг от друга стенами. Если ты сапожник, ночью тебе не попасть к переписчику книг — на ночь запирают ворота, ходит стража.

Но, конечно, самое лучшее место — Джуи Мулийан. Джуи Мулийан — это райские рощи, где поют соловьи и важно бродят павлины. Джуи Мулийан — это дворцы самых знатных людей. Там никогда не бывает жарко, потому что текут арыки. Дом Абдаллаха тоже недалеко от Джуи Мулийана. У них тоже есть арык.

Самая красивая мечеть — на площади Регистан, в центре города. Небесное солнце переливается в голубых изразцах мечети. Ее выстроил бывший везир Утби.

Еще есть прекрасное здание — легкое и почти прозрачное, словно мастера строили его не из белого обожженного кирпича, а вязали из кружев, из тонких нитей.

Это мавзолей Исмаила Самани, первого правителя Двуречья. Все нынешние эмиры — его внуки и правнуки. И все они чтут его память.

А потом отец взял у лавочника миндальное печенье.

Хусайн очень любит это печенье.

И они пошли домой по мостовой. Говорят, мостовых нет ни в одном городе, только в Бухаре люди ходят и ездят по мощеным улицам.

Солнце еще едва осветило купола минаретов, а уже призывает к молитве всех мусульман муэдзин.

У муэдзина обязательно должен быть красивый голос. Первым в мире муэдзином был абиссинец Билаль, раб, отпущенный на волю самим пророком. О голосе его до сих пор слагают легенды.

Старик Убайд не муэдзин. Он хатиб. Много ли надо муэдзину — только красивый да звучный голос, чтобы издалека слышали мусульмане призывы к молитве. Хатиб же должен обладать искусством чтеца, большими познаниями. Потому что хатиб делает более важное дело.

После того как прокричит свой призыв муэдзин, после того как соберутся в мечеть мусульмане, забирается на мимраб — возвышение хатиб. В руках у него большая грамота. Хатиб читает хутбу. В этой хутбе, конечно же, хатиб славит бога — милостивого, милосердного. Потом он славит заместителя бога на земле — багдадского халифа. А потом и самого эмира, приближенного к халифу, а значит, и к богу.

И на всей земле мусульмане, разложив свои молитвенные коврики, в этот час совершают поклоны рака-ты в сторону Мекки.

Каждый мусульманин должен знать главную книгу, свод законов земной жизни — коран. Коран — святая

книга, составленная по-арабски, и ее нельзя переводить на другой язык.

Коран изучают в мактаб — в мусульманской школе.

Через несколько дней после переезда в Бухару Абдаллах отвел Хусайна в мактаб.

Пятнадцать мальчиков, подложив под себя коврики, сидели вокруг хатиба Убайда. И самый маленький среди них — Хусайн. Хатиб читал нараспев по-арабски суру — главу из корана. Многие мальчики плохо знали арабский. Они знали фарси, язык древних таджиков и персов.

Хусайн сразу подступил к Убайду с вопросами.

— Откуда на небе звезды? — спрашивал он.

— Учи коран, — говорил учитель Убайд, — там на все есть ответы.

— Почему умирают люди? — снова спрашивал Хусайн.

— Рано тебе задавать такие вопросы, — сердился учитель, — выучи сначала коран.

Многие люди учили коран. Многим этого учения хватало на всю жизнь.

— К следующему дню выучите главу — суру «Преграды», — говорил учитель.

— Можно, я выучу еще что-нибудь? — спрашивал Хусайн.

— Нет, только «Преграды».

Но даже и эту суру не могли рассказать ученики в следующий раз и учили заново.

Каждый день, кроме вторников и пятниц, собирались в школу ученики. Они занимались в маленькой пристройке к мечети, а иногда и прямо в самой мечети. Учитель садился спиной к колонне, а ученики, подстелив коврики, рассаживались кругом.

— Можно мне выучить к следующему разу еще что-нибудь? — спрашивал Хусайн, рассказав наизусть целую суру.

— Что задано всем, то задано и тебе, — сердился Убайд. — Не торопись.

Одновременно Хусайн ходил к другому учителю. Тот обучал словесным наукам, арабскому языку, грамматике, стилистике. Даже писать в рифму учил Хусайна учитель.

Однажды хатиб Убайд заболел. Вместо него месяц читал хутбу другой человек. Человек этот был неряшлив, в бороде у него постоянно висели какие-то крошки и даже клочки бумаги.

Потом вернулся Убайд. И мальчики снова собрались в мактаб.

— Я выучил весь коран, — сказал Хусайн. — Теперь я могу задать свои вопросы?

— Зачем ты так нехорошо обманываешь меня, — обиделся учитель. — Коран учат долгие годы, и то редкие мусульмане знают его наизусть. Им дают почетное звание — хафиз.

— Значит, я хафиз, — сказал Хусайн, — потому что я выучил все до последней главы — суры.

— Хорошо, — сказал учитель, — тогда перескажи мне суру «Идущий ночью».

Он открыл нужную страницу и стал следить, точно ли Хусайн говорит.

Хусайн не пропустил ни одного слова.

— Это очень короткая сура, ты перескажешь мне суру «Корова». Ее так и не выучил никто из моих учеников.

Маленький Хусайн рассказал и эту суру.

— А суру «Подаяние»... а суру «Совет»...

Хусайн рассказывал все.

Так не знал коран даже сам учитель — важный хатиб Убайд.

— А теперь, — спросил Хусайн, — я могу задавать тебе свои вопросы?

— Я не знаю, — ответил учитель растерянно. — Вот что, я скажу твоему отцу, чтобы он больше не приводил тебя. Ты в самом деле хафиз, знаешь коран наизусть. Когда-то в своем детстве я задал учителю такие же вопросы. Он больно выпорол меня. С тех пор я понял, что все ответы лежат в коране, и перестал спрашивать других и себя. Если же ты не найдешь в коране ответы, тебе будет плохо жить. Трудно и плохо. — Так сказал старый Убайд.

С тех пор Хусайн не ходил в мактаб.

Про Хусайна рассказывают такую легенду.

Хусайн был очень умным мальчиком. Еще в раннем детстве благодаря своей чуткости он мог «разделить волосок на сорок частей».

Все ученики удивлялись его способностям.

Однажды ученики решили испытать его. Они пришли в школу раньше Хусайна и подложили под коврик, на котором всегда он сидел, листок бумаги.

Пришел Хусайн, явился учитель, начались занятия.

Все ученики следили за поведением мальчика. Хусайн вел себя странно. Он то поднимал голову к потолку, то опускал ее вниз.

Потом удивленно сказал:

— Не знаю, или потолок в нашей школе немного опустился, или чуть-чуть поднялся пол, но только высота стены изменилась.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

За триста семьдесят лет до рождения Хусайна появилась религия, которая очень скоро стала одной из самых могущественных и жестоких религий в мире.

На Аравийском полуострове, на главном караванном пути из Сирии в Йемен, у источника Земзем стоял торговый город Мекка. Площадь его, как сказал один древний путешественник, была «не больше двойного полета стрелы в квадрате». Мекку строили в узкой долине. Слева и справа громоздились горы. Ни один куш не мог обойти эту долину, а значит и Мекку, если он отправлялся из Йемена в Сирию. Не было в Мекке ни хлебопашцев, ни садоводов, даже ремесленников было мало, а жили лишь одни торговые люди. Богатые купцы снаряжали караваны, бедные жители уходили погонщиками верблюдов с этими караванами, да и сами кое-чем при торговывали, стараясь пробиться к богатству.

Была большая выгода городу от своего храма. К храму ходили на поклон многие племена, называли его «запретным домом бога». А город, в котором храм находился, считали священным, запретным для войн, хотя жизнь кругом была беспокойной. Храм стоял рядом с базарной площадью и имел форму игральной кости — кубика. Он даже назывался «Каба», то есть «игральная кость». По сторонам храма торчали идолы — грубо вырубленные каменные боги. Самый большой идол помещался внутри храма над колодезем. В этот колодезь обычно складывали приношения — жертвы. В стену храма был вделан небольшой черный камень в полторы ладони. Этот камень, возможно, когда-то упал с неба, ему тоже поклонялись племена издавна.

В Мекке родился пророк Мухаммад.

Но сначала он не был пророком, а был сиротой, бедным племянником небогатого купца Абу Талиба. Потом он женился на зажиточной вдове Хадидже. Они прожили вместе двадцать лет, у них было несколько детей. Особенно известной стала дочь Мухаммада Фатима. Могила жены Мухаммада, Хадиджи, находится на кладби-

ще к северу от Мекки, она сохранилась и считается у мусульман священной.

В городе не было никаких законов. Если кто-то хотел сообщить горожанам важное, он забирался на скалу около площади и громко кричал. На крик сходились люди, выслушивали. Человека охранял не закон, не город, а род. Если тебя обижали, то вступались в защиту родственники. За убийство они мстили убийством, за обиду — обидой. В то время город в Аравии отличался от деревни лишь по размерам. А жизнь в них была одинаковая.

Род Мухаммада был знаменит только бедностью. Мухаммад не знал грамоты. В юности он не прочитал ни одной книги. О жизни других стран и племен он помнил лишь понаслышке от приезжих людей. Он не думал, что до него были уже мудрейшие философы, были республики и империи. Вокруг себя в своем городе он видел толпы полунищих, оборванных бедняков и богатых людей, обвешивающих и обмеривающих, грешащих каждую секунду жизни своей.

«Ну как они могут жить так жестоко, в беззаконии и грехе?» — думал Мухаммад, страдая за своих соплеменников.

Часто в Мекку заезжали купцы — евреи и христиане. От них Мухаммад узнал о боге. Бог был всемогущ. Он карал всякого, кто дурно жил на земле, и отсылал в рай для блаженства верующих.

«Так вот почему они грешат, мои соплеменники, — они не знают о боге едином! Надо им обязательно внушить, рассказать о боге, чтобы они одумались и зажили по добрым законам. Иначе всех их ждут адские мучения. Но как? Как им рассказать? Кто поверит мне! — мучился Мухаммад. — Как сделать, чтобы мои соплеменники узнали о боге?»

Не раз Мухаммад просыпался со стоном. Жаркое солнце не прогоняло его страданий. Кто поверит ему, простому человеку?!

Но однажды сомнениям пришел конец.

В ту ночь он особенно долго думал о несчастьях своего народа, не знающего про бога, единого и всемогущего. Он вышел из дому. От земли поднимался густой пар. Плоская луна маячила

в небе. И вдруг показалось Мухаммаду, что там, на высоте небосклона, появилась огромная тень. Вот эта тень стала приближаться, вот она совсем близко, на расстоянии двух выстрелов.

«Да это же дух! Сам дух спустился ко мне!» — вздрогнул Мухаммад. И подумал еще Мухаммад, что, значит, не простой он смертный, раз отмечен он «духом», посланным самим богом — аллахом.

«Я сделаюсь пророком, — понял Мухаммад, — так повелел мне аллах. Пророками были Моисей и Иисус, а теперь буду я».

Он рассказал о своем видении жене Хадидже, и жена поверила ему. Он рассказал племяннику Хадиджи. И племянник тоже поверил. И двоюродный брат Мухаммада, Али, поверил в видение.

Мухаммад решил обратиться ко всем жителям Мекки.

Ранним утром он поднялся на скалу Сафа, находившуюся у восточного конца базарной площади, напротив Кабы, и начал созывать народ.

— О утро! — кричал Мухаммад.

Этим криком предупреждали горожан о готовящейся опасности.

Постепенно собралась небольшая толпа.

И тогда Мухаммад стал призывать ее к справедливой, праведной жизни.

— За ваши грехи вам грозят наказания и муки после смерти! — говорил он.

Как захохотала толпа! Какими словами она обругала своего будущего предводителя! Как разозлились все эти люди за то, что Мухаммад оторвал их от дела из-за пустяков!

И этот неграмотный парень, который совсем недавно бродил по улицам оборванцем, который бегал без штанов сопливым мальчишкой мимо наших домов, который и разбогател-то, женившись на пожилой женщине, он смеет мнить себя пророком и говорить от имени бога! Он уверяет всех, что бог един, а на самом деле богов столько, сколько камней в храме, и они хороший доход приносят городу.

Но Мухаммад не успокоился. Он продолжал собирать бедных, рассказывал им о своем видении, о том, как он понимает бога.

Родные, даже те, которые не верили в Мухаммада как в пророка, считали позором не защитить своего родственника. Но позднее, когда умер дядя Абу Талиб, Мухаммада со дня на день могли просто убить.

Кому это нужно, чтобы по городу бродил свой же парень, отрывал людей от торгового дела, сыновей от отцов, проповедовал о едином боге, о равенстве людей перед этим богом, призывал защищать бедных и сирот?

На расстоянии пятнадцати переходов от Мекки было другое поселение — Ятриб, которое Мухаммад потом переименует в Медину (Город пророка). В этом селении жили земледельцы. Им требовался законодатель и судья. В Медине жило несколько племен: язычники, христиане, евреи. Постоянно они враждовали. И когда язычники побеждали, христиане и евреи грозили им новым пророчком — Мессией, который скоро придет на землю и расправится со всеми неверными. Тогда язычники из Медины решили перехитрить христиан и евреев. Они узнали, что в запретной для войн Мекке уже появился какой-то пророк.

— Надо нам пригласить его быстрее на свою сторону, пока не пронюхали о нем евреи и христиане, — решили они.

И однажды Мухаммад вместе со своими друзьями-единоверцами тайно бежал в Медину. Это случилось в 622 году. С этого года, со времени побега — хиджры, — начинается мусульманское летоисчисление. Мусульманские страны и сейчас считают годы по хиджре.

Совсем недавно Мухаммад говорил, что всюду власть в руках грешников и что с властью надо бороться.

Теперь он сам стал главой города, властью. Сам стал вводить законы о послушании. Первые законы были просты. По первым законам мединцы были обязаны называть его уважительно, а не так, как звали они друг друга. А если они приходили к нему с делом, то должны были ждать, когда он к ним выйдет сам, а не вызывать его громкими криками из внутренних комнат.

Увеличивалось число верующих, менялась жизнь Мухаммада. Он вводил один закон за другим. Строго запретил всем верующим пить вино и играть в азартные игры, назвав это дьявольским делом.

Меккский храм Каба был объявлен «киблой всех мусульман», то есть стороной, куда поворачивались верующие во время молитвы. Молились в мечети, в открытом для неба храме. Председательствовал с жезлом в руках сам Мухаммад. После молитвы он вершил общественные дела, мирил рассорившихся, решал споры о наследстве.

Постепенно в подчинение ему переходили все соседние села.

— Нет бога, кроме Бога, и Мухаммад — посланник божий, — молились верующие, повернувшись лицом к Мекке.

Мухаммад уверял, что сам он не придумал ни одного закона.

— Все законы, все наставления передает ему бог через архангела Гавриила. Мухаммад лишь проводит их в жизнь, — говорили друзья Мухаммада и он сам.

Неподчиняющимся пророк объявлял священную войну за веру. Военную добычу делили между собой воины. Пятая часть добычи шла в пользу бога, в пользу Мухаммада — божьего посланника, его родственников, а также в пользу сирот, бедных и путешественников.

Скоро из наивного мечтателя, осмеиваемого пророка, Мухаммад превратился в рассудительного и хитрого властителя...

Богатая военная добыча шла его войску, богатея Медина. Казалось бы, совсем недавно юный Мухаммад страдал за обездоленных сирот, требовал справедливости для бедняков, а теперь его религия стала религией жестоких завоевателей с обязательными священными грабительскими походами за веру.

— Перед богом равны все верующие. Их имущество неприкосновенно. А неверного можно брать в плен, делать рабом, делить его вещи.

Падали в пыль под ударами мечей головы неподчинившихся. Кричали их дети и вдовы. Все больше воинов становилось у Мухаммада. Еще бы — богатая добыча шла им в руки. Скоро и в Мек-

ку, ту самую Мекку, где прошло его голодное детство, где бродил он, осмеянный и униженный, в Мекку, где забрасывали его камнями, в святую Мекку вошел он победителем. И богатые купцы, самые страшные враги его, от расправы которых когда-то тайно бежал он, теперь стали его друзьями. Богатые купцы присоединились к нему, в его вере. Потому что вера, от которой можно обогащаться, была купцам выгодна.

Вся Аравия лежала у ног Мухаммада.

Мухаммад умер внезапно, после короткой болезни, 8 июня 632 года. И хотя часто он говорил, что сам он смертный человек, единоверцам трудно было поверить в это. Могилу ему вырыли в одну ночь и похоронили на том же месте, где он и умер.

Сначала могила пророка едва возвышалась над землей. Потом на этом месте построили большую мечеть, а могилу заменили пышной гробницей.

После смерти Мухаммада началась борьба за власть. Сначала халифом стал Абу Бакр, самый близкий друг Мухаммада. Абу Бакра сменил другой сподвижник Мухаммада, Умар. Умара сменил Усман, тоже друг Мухаммада.

Мухаммад не записывал свои проповеди, он писать не умел. Мудрый, но необразованный человек, Мухаммад часто вставлял в проповеди рассказы, которые он слышал со стороны. Он был уверен, что его бог — аллах и Бог христиан — одно и то же. И что он, Мухаммад, пришел на смену Иисусу. Он удивлялся, когда христиане не верили ему.

Проповеди Мухаммада записывали другие люди. Кое-что они добавляли в проповеди от себя. Проповеди, собранные в одну книгу, Мухаммад назвал кораном. Вся жизнь мусульман, суд, воспитание — все должно было делаться по корану. Но коранов через десять-пятнадцать лет после смерти Мухаммада оказалось много, и все они были разные.

Третий после Мухаммада халиф, Усман, приказал сжечь все разные кораны и оставить лишь один. С этого одного были сделаны копии и разосланы в большие города.

Приказы не понравились врагам Усмана. Они начали против него восстание. Усман был убит. Он встретил убийц с кораном в руках. Считают, что этот коран, забрызганный кровью Усмана, хранится в ташкентском музее.

После смерти свергнутого халифа Усмана стал править Али, двоюродный брат самого Мухаммада. Он к тому же женился на дочери Мухаммада Фатиме. Через несколько лет Али тоже погиб от руки убийцы.

После смерти Али мусульмане раскололись на несколько партий. Главные партии существуют и сейчас, это сунниты и шииты.

Черный дым накрывал равнины — это горели города; гибли в сражениях тысячи людей — это рвались на новые земли арабские всадники, борцы за веру, созданную Мухаммадом. А огромная завоеванная территория распадалась на государства. В государствах была общая религия — ислам. Но во главе одних стран стояли сунниты, во главе других — шииты. Друг друга они называют неверными. Сунниты рубили головы шиитам, шииты — суннитам. Шииты говорили, что власть должна принадлежать только родственникам Мухаммада. Мухаммад якобы не мог полностью рассказать о смысле своей религии необразованным племенам. Секрет, как толковать многие непонятные фразы в коране, сохраняют лишь родственники Мухаммада.

Потомки Али и дочери Мухаммада Фатимы стали править Египтом. Этих правителей называли фатимидами. Они были, конечно, шиитами.

Сунниты же уверяли, что все в коране надо понимать буквально и заместителем Мухаммада на земле может быть самый правый мусульманин, обязательно внук или правнук пророка.

Конечно, чаще религиозные споры были только поводом, а главной причиной была борьба за власть.

— Все равны перед богом — аллахом, нельзя обижать несчастных, унижать верующих! — кричали проповедники в мечетях.

Но унижали. И сами верующие, и сами проповедники.

Захваченные земли подчинялись халифам. У суннитов был ха-

лиф свой, у шиитов — свой, Бухарой, где жил Хусайн, большими окружными землями и городами правили эмиры, наместники халифов. По имени основателя их династии Исмаила Самани эмиров называли саманидами. Они подчинялись багдадскому халифу. Багдадский халиф был суннитом, из всех сил он боролся с шиитами.

Персам, таджикам, другим народам, которыми правили саманиды, не хотелось подчиняться чужому багдадскому халифу. Поэтому среди них было много людей, тайно сочувствующих шиитам. Тайным шиитом был и отец Хусайна, Абдаллах. Даже кунью своему сыну Абу Али он дал в честь любимого всеми шиитами праведного халифа, двоюродного брата пророка, Али.

В доме у Абдаллаха часто бывали гости.

И к этому вечеру он тоже начал готовиться с утра. На базаре купили съедобную глину из Нишапура. Она была зеленоватого цвета, жирная на вкус, и ее любили пробовать приезжие из Египта гости. Принесли персики, ядра фисташек, вымытый в розовой воде сахарный тростник. Запасли кувшины с розовой водой и кувшины с вином.

По строгой традиции хозяйка не имела права принимать гостей. Обслуживать их должна была служанка. «Троекратных побоев заслужил тот, кто, будучи приглашенным в гости, обращается к хозяину с такими словами: «Позови хозяйку, чтобы она села вместе с нами», — эту поговорку хорошо знали все гости.

Служанка расстелила большую скатерть, принесла угощение.

В этот вечер собралось особенно много гостей.

Пришли три приезжих певца со своими инструментами. Все трое ходили друг на друга, потому что у них были одинаково покрашены волосы в шатеновый цвет и одинаково зачесаны по моде на висках вперед,

«наподобие скорпиона, который изогнулся оттого, что подошел слишком близко к пламени щеки», как говорили тогда.

Певцы приехали из Египта, из Мемфиса, и через несколько дней они собирались предстать перед глазами эмира. Вместе с ними в гости пришел богатый купец, «образованный в философии, архитектуре и искусстве человек» — так сказал о нем Абдаллах. Пришли еще несколько человек и с ними старик, приехавший изда-лека, — Натили, ученый и философ.

Гости расселись, стали есть угощение, пить вино, беседовать. Хусайна отец посадил рядом с собой, разрезал ему персик, косточку бросил в таз для мусора.

Когда певцы угостились, они начали петь. Они пели и сами подыгрывали себе на струнах. Они пели о разлуке, о свидании, о верности и жестокости.

— Какая радость слушать сладкие голоса этих юношей! — сказал старик Натили Абдаллаху. — Вероятно, только очень уважаемый человек смог заполучить их в дом.

Абдаллах улыбнулся и развел руками.

Потом, когда певцы кончили петь, их стали расспрашивать о дороге, о жизни в Египте.

— Верно ли это, что на базарах в вашей стране принято говорить только правду? И если кто-нибудь солжет покупателю, то его сажают на верблюда, дают в руки колокольчик и возят по городу?

— Это и я могу подтвердить, — вмешался богатый купец. — Провинившийся при этом звонит в колокольчик и кричит: «Я сказал неправду и теперь несу наказание, ибо всякий, кто солжет, достоин наказания!»

— Такой порядок возможен лишь в стране, где правит истинный халиф, потомок пророка.

— Это верно, — сказал богатый купец. — Здесь, в

Шарге, например, на базаре меня просто обманули. Подсунули поддельную расписку. А когда я на другой день, обнаружив обман, потребовал товар назад, все стали смеяться. «У нас так принято: если обман не обнаружил сразу, товар назад не даем».

— Во всех странах, где правят сунниты, выдающие себя за правоверных, царит беззаконие, — сказал один из певцов.

— А уж о Багдаде и говорить нечего, — снова вмешался купец. — В Багдаде совсем недавно везир, взяв своего врага в плен, учинил над ним такое, что ни благочестивый, ни даже просто здравомыслящий человек не смог бы счесть за правильное. Везир натянул на своего врага обезьянью шкуру и заставил его плясать во время своих попок.

— Он и пьянством занимается? — удивился ученый старик Натили.

— Еще как занимается!

— Чего нельзя сказать о нашем халифе ал-Азизе, — заметил певец. — Он высокий и стройный, как кипарис. Отважный охотник, лучше его никто не знает породы коней, он понимает драгоценные камни. А когда он взял в плен своего врага, то велел предоставить ему собственный шатер, лошадей и все, в чем тот нуждался. Халиф возвратил ему даже перстень с печатью и доверенных лиц. А во время первой встречи он приказал подать врагу чашу шербета, и когда увидел, что тот колеблется, боясь отравы, первым отпил из чаши.

— Так поступают настоящие благородные люди, потомки пророка, — сказал Натили.

Конечно, если бы в дом пришли посторонние люди, гости были бы осторожнее, говорили бы иначе. Но сегодня все гости в доме у Абдаллаха принадлежали к общей вере. Все они были шиитами. И они с удовольстви-

ем ругали своих врагов и хвалили единомышленников.

— Чем ты думаешь заняться в нашем городе? — спросил Абдаллах ученого старика Натили.

— Я пишу книгу, в которой хочу изложить свои знания по философии, астрологии и некоторым светским наукам. Может быть, меня представят ко двору и я получу содержание.

— У тебя есть близкие или знакомые?

— Нет, я одинок и все свое богатство ношу с собой.

— Но ведь, чтобы закончить книгу, тебе придется некоторое время пожить без содержания.

— Я знаю это. Мне много не надо. И может быть, я найду себе ученика или несколько учеников.

Абдаллах задумался.

Согласится ли этот ученый старец с благородной внешностью стать учителем Хусайну. Было бы очень хорошо, если бы согласился. Тем более что он шиит.

Абдаллах не знал, что у старца не было денег и за весь день до прихода к Абдаллаху старец съел только то, что ему подали, — кусок ячменного хлеба да пиалу воды. Он не знал, что старец, едва войдя в дом и увидев Хусайна, чуть не подпрыгнул от радости. «У образованного человека и дети должны учиться, — подумал он. — Может быть, меня возьмут учителем к сыну?»

— Для моего сына нужен учитель, — сказал Абдаллах. — Я не хочу обидеть тебя своим предложением, но, если ты согласишься, я бы с радостью принял тебя в мой дом.

«Конечно, соглашусь», — подумал Натили, но вслух сказал другое:

— А достаточно ли преуспел в учении твой сын? Ведь логика, и геометрия, и те другие знания, которые

я ему стану преподавать, очень сложны для юного ума.

— Ты измеришь глубину его знаний, если согласишься поговорить с ним, — ответил Абдаллах.

Вечер кончился.

Красавцы певцы забрали подарки и пошли в дом, где они остановились.

Богатый купец ушел ночевать к другу.

Другие гости разошлись по своим домам.

Натили остался ночевать у Абдаллаха.

На следующее утро отец пошел по служебным делам. Махмуда отвели в школу — мактаб — учить коран. А старый Натили и Хусайн сели рядом.

У Натили были три книги. Одной из них он гордился особенно. Она была сочинена Порфирием Тирским и называлась «Введение в логику».

— Логика — это мерило всех истин, — любил повторять Натили запомнившиеся ему слова мудрецов.

— Итак, мальчик, я понимаю твои волнения и страхи перед этой наукой, — решил успокоить Натили Хусайна. — Я тоже смущался когда-то, и смущение мое не исчезло до сих пор. Я слышал, ты хафиз, знаешь коран наизусть. Память ребенка бойка, но непостоянна. В детстве я тоже мог стать хафизом. И те словесные науки, которые ты изучил, даже законоведение и индийский счет — все это только первый шаг на пути к познанию. Наука широка, границы ее скрываются во мраке невеждения, и только логика помогает нам на пути к знанию. — Натили помолчал. Он был доволен таким вступлением. — Ты понял все, что я сказал тебе?

— Да, я все понял.

— Хорошо. Тогда приступим.

Натили осторожно перелистал несколько страниц.

— Так, это посвящение. Это вступление. Вот, вот здесь... Объяснения рода, вида и видового отличия. Это тебе покажется трудным сначала, но потом, я надеюсь, ты все-таки поймешь. Я сам постигал разницу между родом и видом, когда учился, две недели. Слушай, я читаю тебе. — И он начал читать, водя пальцем вдоль строк: — «Род — это то, что говорится о многих вещах, различных по виду, в ответ на вопрос «что это?». Не понял? — спросил он Хусайна.

— Мне кажется, я понял.

— Нет, ты подумай. Хочешь, я прочитаю тебе еще раз или еще несколько раз. Или на, только осторожнее, не порви страницы, прочитай сам.

— Я уже понял, — сказал Хусайн.

— Ты не волнуйся, я сам обдумывал это понятие две недели...

— Мы говорим: дом и дворец. Мы знаем, что каждый дворец — это дом, но не каждый дом — дворец. Значит, понятие «дом» — это род, а понятие «дворец» — это вид. То есть более широкое понятие является родом по отношению к менее широкому.

— Как? Как все это ты сразу понял? — удивился Натили. — Неужели это я тебе так хорошо объяснил?

— Это нетрудно. Животное и верблюд. Животное — род, верблюд — вид. А еще... — Хусайн засмеялся. — Человек и дурак. Человек — род, дурак — вид.

— А если верблюд и верблюжонок? — Натили хитро прищурился. — Или, например, дворец и дворец эмира.

— Тогда верблюд и дворец — это род, а верблюжонок и дворец эмира вид.

— Что же нам с тобой теперь делать? — удивился Натили. — Я думал, что у нас на это уйдет неделя. Ну хорошо, будем учиться дальше.

Они изучили объяснение определения и описания; объяснение того, что такое суждение, объяснение отношения противоречия суждений и двигались все дальше. И уже Натили не пытался объяснять своему ученику. Он только читал ему определения. А ученик мгновенно постигал смысл этих определений и сам объяснял учителю. При этом Хусайн объяснял так понятно, доходил до таких тонкостей, о которых у учителя не было даже представления.

После третьей молитвы пришел отец.

— Ты доволен прилежанием моего сына?

Натили стоял, забыв все слова... Он даже заплакал от волнения.

— Я недостоин учить твоего сына, — сказал он, оправившись. — Самый лучший учитель в мире мог бы лишь мечтать о таком ученике. Отец такого сына... — Тут старик снова сбился.

— Я понимаю тебя, — отец улыбнулся, — и я рад, что мой сын тебе понравился. Сейчас мы будем обедать, а потом, Хусайн, ты подсчитаешь кое-какие счета, которые я принес из дивана.

— Нет, нет, — неожиданно для себя вмешался Натили. — Разум ребенка надо беречь, не загружать его посторонним делом. Ничего не должно занимать его, кроме наук. Прости, что я вмешиваюсь, но лучше я сам подсчитаю эти счета. Я ведь тоже немного владею индийским счетом.

— Видишь ли, дело в том, — Абдаллах замялся, — дело в том, что нам с тобой не под силу это сосчитать за один вечер, а Хусайн сделает в пять минут и без бумаги, просто в уме. Это для него забава, игра.

Весь обед старик молчал, благоговейно поглядывая на своего ученика.

Когда-то в Афшане у маленького Хусайна был со-

сед — маленький Умар, тот самый, который любил кричать «дай, дай, дай!».

Теперь родители Умара неожиданно получили наследство. Разбогатев, они переехали в Бухару и снова стали соседями Хусайна. Умару было одиннадцать лет. Его собирались отдать учеником поварского искусства. Брат матери Умара служил пловщиком при самом эмире.

Хусайн и Умар часто гуляли вместе.

Однажды они шли по улице.

— Вот бы так идти, идти и вдруг деньги найти, — сказал Умар.

И в то же мгновение на этом месте они нашли деньги.

Кожаный мешочек с деньгами лежал в пыли на улице, и его никто не видел. Улица была пуста. Лишь издавка медленно приближался старик на ослике.

— Поровну! Деньги поровну! — обрадовался Умар. Он отбежал за поворот, сел у края за пыльный камень, осторожно высыпал деньги, мешочек бросил за камень и стал делить.

Что можно было сделать на десять дирхемов?

Купить сладостей и наесться ими так, что станет во рту горько.

Или купить забавные меховые игрушки, которые привезли из Хорезма, а в Хорезм привезли из далеких холодных стран.

Или дать деньги нескольким заклинателям змей. Заклинатели заиграли бы на свирелях, каждый свою песню, и все змеи сразу затанцевали бы, каждая свой танец, и получился бы ужасный змеинный хоровод.

Наконец, можно было даже купить осла, конечно, не очень молодого, не очень сильного, не очень зрячего и, может быть, даже глухого.

Вот сколько денег лежало в кожаном мешочке на одной улице.

— Я люблю сладкий орех, — сказал Умар и пошел покупать свой сладкий орех. — Если я принесу деньги домой, у меня их заберут.

Хусайн пошел за ним.

— Ты тоже покупай, а то, если ты будешь стоять рядом, а я буду есть, мне придется делиться. А это нечестно, денег у нас поровну.

Но Хусайн уже завидел торговца книгами.

Торговец прятался в тени, и все-таки чалма его была мокрой. На лбу торговца выступали тяжелые капли пота. Сам он был человеком не слишком грамотным, но всю жизнь он любил книги. Жил около книг, спал рядом с ними. И любил он людей, которые любили книги. А поэтому любил Хусайна. Торговец даже позволял ему рыться в них, в книгах для продажи, хотя знал, что у мальчика нет своих денег.

Но сегодня деньги были. Мало того, у торговца была редкая книга, о которой Хусайн давно мечтал. И стояла она как раз пять дирхем.

— Я с тобой больше не буду находить деньги, — ворчал Умар, идя рядом с Хусайном, потому что Хусайн на все свои деньги купил только книгу.

Хусайн не отвечал. Он не смотрел под ноги. Он сразу стал читать.

— Сейчас ты наткнешься на верблюда и верблюд укусит тебя за ухо, — сказал Умар.

Хусайн не отвечал.

— На, угощайся моим орехом, так и быть, я добрый. — Умар прочитал название: — «Толкование к геометрии Эвклида». Купил бы хоть новую, с картинками, про Синдбада, а то собираешь старье.

До вечера Хусайн читал свою книгу.

Умар успел съесть все орехи.

Хусайн читал.

— Пойдем к нам играть в наездники, — звал Умар. Но Хусайн не замечал его.

На другой день они снова вышли на улицу.

— Ты чего бы хотел сейчас больше всего? — спросил вдруг Умар.

— Многого... — Хусайн улыбнулся.

— А я, знаешь, что хочу? — Он оглянулся. Улица, как и в прошлый раз, была пуста, Умар закрыл глаза. — Я хочу, чтобы мы снова нашли деньги. Ну, еще раз, последний. — Он сразу открыл глаза и взглянул на землю. Денег на земле, конечно, не было.

Наконец они стали изучать книгу, к которой Натили отнесился с благоговением. Натили даже не мог точно сказать, хорошо ли он знает сам то, что написано в этой книге. Книга называлась «Альмагест, или Великое построение астрономии». Ее написал александрийский астроном Клавдий Птолемей.

Конечно, и до Птолемея люди занимались астрономией, наблюдали за звездами. Но только Птолемей внес в эту науку строгий, четкий порядок.

Не все древние люди считали, что Земля — плоскость, лежащая на семи китах. Некоторые ученые говорили, что Земля — цилиндр и вокруг нее твердое небо. А звезды, как гвозди, вбиты в это небо. Были и другие, которые уверяли, что лун и солнц несколько и для каждой страны загорается своя луна и свое солнце.

Лишь древний мудрец Аристотель, духовный наставник Александра Македонского, утверждал, что Земля — шар. Но даже и он считал, что Земля, конечно же, центр вселенной. Иначе, что было бы делать во вселен-

ной богу, если бы Земля не была центром. Только Архимед говорил, что шарообразная Земля вовсе не центр, а обычная небольшая планета, которая крутится вокруг огненного облака — Солнца.

Птолемей создал свою астрономическую систему. Он использовал все достижения древних астрономов, а заодно оставил место и для бога.

В молодости Натили часто перечитывал первые страницы «Альмагеста». Он знал многие куски наизусть. Но чем дальше, тем трудней становилась книга. Поэтому Натили сказал:

— Изучай эту книгу самостоятельно, а потом рассказывай мне. Я буду проверять тебя и объяснять непонятное.

Из книги Птолемея Хусайн узнал, что Земля большой неподвижный шар. Вокруг Земли вращаются прозрачные оболочки — сферы, к которым прикреплены разные светила. Самая близкая к Земле — сфера с Луной. Потом идет сфера с Меркурием, потом с Венерой, потом с Солнцем, потом с Марсом, потом с Юпитером. Седьмая сфера — с Сатурном. На восьмую прикреплены все неподвижные звезды. А на девятой сфере прячется «первый двигатель», который заставляет двигаться планеты и весь окружающий мир. «Первый двигатель», конечно, полностью зависит от воли и силы бога.

Этой теорией были довольны и астрономы и богословы. Лишь через много лет польский ученый Коперник решится на спор с Птолемеем.

Птолемей вычертил схемы движений всех планет.

Натили уже забыл, как чертятся эти схемы. Но Хусайн разобрался и в них. Он с удовольствием вычертил схему вращения для каждой планеты. И сам объяснил все Натили.

Пришло время, когда старый Натили передал мальчику Хусайну все свои знания. Лишь одной науки пока не касались они. Немало людей в то время зарабатывали себе на лепешки и похлебку — шурпу — с помощью этой науки.

— Я научу тебя предсказывать судьбу людей по звездам. Это называется астрологией, — сообщил однажды Натили таинственным голосом.

По ночам Хусайн и учитель стали забираться на минарет, на высокую башню. Старик тяжело ставил ноги на большие каменные ступени лестницы. Он шел согнувшись, чтобы не ударить голову, громко кряхтел, часто останавливался, опираясь о плечо маленького Хусайна. Наконец они забирались на самый верх. Неясная тень старика маячила на плоских крышах домов. Старик запахивался в халат. Хусайн держал его за руку, и они тихо стояли, глядя на черное молчащее небо. Потом старик начинал говорить, и его голос казался странным в этом скрытном, темном, ветреном мире.

— Вега, утренняя звезда, — показывал старик. — Ее хорошо видно под утро... Кто рождается вот под этим созвездием, тот будет богат, а кто под тем, долго проживет, если проявит осмотрительность.

Ветер снова раздувал халат учителя. Учитель закутывается еще плотнее и все вглядывается в едва заметные точки — звезды, мерцающие в черной глубине.

Скоро Хусайн находил все планеты и созвездия быстрее старика.

— Для чего они все-таки, звезды? — спрашивал иногда Хусайн. — Они не греют и почти не светят.

Старик молчал.

— Для чего весь мир?

Старик молчал.

— Для чего я?

— Все создано волей аллаха. И один аллах знает, для чего нужен весь этот беспорядок, — отвечал наконец Натили, предварительно оглянувшись, чтобы его не подслушали. — Когда ты станешь взрослым, я, может быть, открою тебе одну тайну, — сказал старик в один из таких дней. — Правда, я сам в ней все-таки сомневаюсь.

— Я и так достаточно взрослый. Видишь, какой я большой, — вытягивался Хусайн.

— Ты мальчик еще, хотя, конечно, ум твой не по годам бойкий.

— А знаешь, мне кажется, что расположение звезд мало влияет на судьбу человека...

— О-о-о! — схватился за голову старик. — Такие мысли нельзя произносить вслух. Кто тебе сказал это?!

— Я сам узнал. Если обдумать то, что пишут мудрые книги, сопоставить события жизни, обязательно поймешь это. Ведь созвездия расположены одинаково для всех людей, однако в одной деревне — урожай, а в другой — засуха.

— Ты и это понял сам? — удивился старик. — Что же мне теперь делать, старому человеку? Я буду снова скитаться и нищенствовать! Ты понимаешь, что ты надеялся?

— Разве я обидел тебя?

— Лучше бы обидел... Где я найду такой хороший дом? Где я найду другого такого способного ученика!

— Разве мы тебя прогоняем?

— Я сам, сам должен уйти из вашего дома. Я не могу даром есть вкусный ваш плов, носить красивый халат. Я, бедный старик, всю жизнь думал о законах мира, скитался в пустынях, голодал в городах, изучал движение небесных светил и под конец жизни дознался, открыл то, что ты сказал мне минуту назад. Страш-

но так думать, но мне кажется, что расположение небесных тел действительно мало влияет на судьбу человека. Но ты никому, кроме меня, не сказал об этом?

— Нет.

— И ответь, хотя недостойно учителя спрашивать так, я давно хотел узнать, зачем тебе все эти знания, зачем ты не спишь по ночам, сидя над книгами? Или у твоего отца мало денег? Или у вас плохой дом? Неужели ты не понимаешь, что знания не дают счастья? Ты будешь в постоянных муках, всегда терзать самого себя — вот что тебя ждет. Неужели ты еще этого не понял?

— Но я не могу иначе, — ответил Хусайн.

А старик внезапно подумал: «Он совсем не мальчик, нет, он только кажется мальчиком. Может быть, он взрослей меня».

— Я не могу прожить часа, не узнав хоть немного нового, — продолжал Хусайн. — Я должен постоянно узнавать новое о мире, иначе я просто не могу жить.

— У тебя будет тяжкая судьба. Но когда-нибудь, через тысячу лет, говоря о тебе, люди вспомнят и мое имя — Натели. Я ведь все-таки учил тебя, хоть немного.

Вечером отец ходил по дому мрачный. Должны были прийти гости, но не пришли. Певцы из Мемфиса тоже не пришли. Они тихо собрались и уехали.

— Ну что они делают, наш эмир и везир?! — повторял отец. — Народ недоволен, на город надвигаются враги, а они вводят новые налоги. Ситора, ты знаешь, если я умру, то часть нашего имущества перейдет в казну. Вместо того чтобы помочь семье покойного, они еще сдирают с нее налог! Так решил сегодня наш властитель. И он надеется, что народ выступит в его защиту. А я, несчастный, должен исполнять его волю. Если

завтра умрет мой друг, с какими глазами я приду к его семье забирать имущество!

— Если это воля самого эмира, ты должен смириться.

— Я-то смирюсь. А что делать крестьянам, с которых я срочно должен собрать налог за будущий урожай? Ты понимаешь, за будущий! А потом казна эмира вновь опустеет, за какой год он будет собирать налоги? Может быть, в счет жизни нашего Хусайна!

— А ты не торопись, — сказала мать, — ты не спеши.

— Надо спешить. Я должен внести налоги через неделю в казну.

— На базаре передают страшные новости. Военачальник Фаик потерпел поражение под Самаркандом. Бугра-хан победил наше войско и идет прямо на Бухару. Говорят, что эмир со своей свитой собирается покинуть город. Я думаю, детей лучше не выпускать на улицу.

— Да, лучше их держать дома.

— Если эмир уедет, в чью казну ты соберешь налоги? Не дай аллах этому произойти, но если город захватят воины Бугра-хана, то налог станет их добычей. Ты подожди дня три-четыре. А там все станет ясно.

Ясно стало назавтра.

Рано утром, когда солнце еще не вышло на небо и купола минаретов не отражали его лучей, послышался лошадиный топот.

Рано утром воздух всегда прозрачный. Днем солнце сушит пыль, поднимает ее. Ночью пыль ложится на землю, на крыши, на листья.

Жители, испуганные ранним лошадиным топотом, выглядывали из дверей.

На могучих конях мчались сытые всадники — гулямы, личная охрана эмира. Погонщики гнали навьюченных верблюдов — личное имущество эмира. Окруженные толстыми евнухами, верхом на мулах ехали красавицы под черными покрывалами — гарем эмира. Снова гулямы. Затем сам эмир. И опять вооруженные всадники.

Стало совсем тихо. Только птицы да редкие крики ослов. Да пыль, которая медленно оседала на улицах города. А люди, поднявшиеся на стены, видели, как от горизонта с востока, закрывая солнце, надвигалась другая туча пыли. Сначала она была похожа именно на тучу. Некоторые чуткие люди ложились на землю, ухом к камню, и слышали уже громовой топот конницы Бугра-хана.

Стены города никто не охранял, ворота были открыты. Если сам властитель сбежал из города, то разумнее не сопротивляться диким всадникам.

Некоторые еще надеялись, что приближающаяся туча обойдет их, как иногда обходят город небесные грозовые тучи.

Но предусмотрительные уже крепче запирали ворота и двери. Улицы стали пустыми, только сор катился по земле да птицы смело прыгали посреди мостовой.

Гул и топот все приближались. И вот он уже на улицах! Тысячи всадников мчатся по улицам, сбивая все встречное: несчастного человека, осла, груз.

Бугра-хан въехал во дворец эмира. Дворец ему понравился, и он решил здесь остановиться, среди садов и бассейнов — хаузов.

Воины-кочевники не привыкли жить в душных домах. Они жили в шатрах, которые возили повсюду за собой. И вокруг Бухары появился новый город — шатровый.

Эмир не успел вывезти с собой всю казну — ценности, которые копили его деды и прадеды.

«Неплохая добыча мне досталась, — радовался Бугра-хан. — Пожалуй, я прикажу не слишком беспокоить жителей города, тем более что они не сопротивлялись».

На улице громко стонал человек.

— Что-то случилось, надо выйти, помочь, — тихо сказал отец.

— Я боюсь, — так же тихо ответила мать, — если там воины Бугра-хана, они могут ворваться к нам.

— И все-таки надо посмотреть. Слышишь, как громко он стонет.

Отец, слуга Рустам и Натили подошли к двери, выглянули на улицу. Улица была пуста. Около стены лежал человек. Левой рукой он прижимал книгу, правая была неуклюже повернута. Рядом валялась чалма.

— Грамотный человек, надо ему помочь, — шепотом сказал Натили.

— Помочь ему надо в любом случае, даже если он и неграмотен, — отозвался Абдаллах.

Они выбежали на улицу, подхватили лежащего и внесли в дом. Человек стонал, по-прежнему прижимая левой рукой книгу. Подошел Хусайн.

— Надо его привести в чувство, — сказал Натили.

Он стал хлопать стонущего человека по щекам, дуть ему в рот, тереть ладонями уши.

Лицо стонущего показалось Хусайну знакомым.

Натили еще раз дунул человеку в рот. Тот открыл глаза и спросил тихим голосом:

— Где моя книга?

— Здесь твоя книга, успокойся. Где ты живешь, в каком квартале?

— Покажите мою книгу.

Хусайн протянул книгу. Книга была разорвана копытами коней.

— Мальчик, не сын ли ты Абу Хусайна Абдаллаха ибн-Сины, да будут счастливы его дети? — вдруг спросил человек.

— Сын, — ответил Хусайн и лишь теперь понял, кто этот человек.

Человек с книгой жил в Рамитане. Это он просил отца освободить его от налогов. Это он писал поэму и хотел посвятить ее эмиру.

— Я принес свою книгу в Бухару, чтобы поднести самому Нуху ибн-Мансуру, да продлит аллах счастливые дни его жизни.

— Плохое время ты выбрал для своего дела, — горько улыбаясь, сказал подошедший отец. — Я вижу, силы к тебе возвращаются. Что у него с рукой? — спросил отец Натели.

— Я думаю, кость цела. Но лучше бы позвать костоправа.

— Не надо, не надо обо мне беспокоиться. Мне уже сейчас нечем отплатить за добро, которое вы сделали для меня.

— На нашей улице остановился знаменитый Абу Сахл Масихи, врач из Хорезма. Рустам, ты знаешь этот дом, сходи туда осторожно. Масихи не нашей веры, он христианин. И его жизни сейчас угрожает опасность. Воины Бугра-хана будут хватать всякого, кого заподозрят в неверии, а уж христианам-то и вовсе придется плохо. Но все-таки попроси его прийти к нам.

Рустам ушел и скоро вернулся с человеком, закутанным в черный плащ, в высокой меховой шапке.

Это и был Абу Сахл Масихи. Он приехал из Хорезма с караваном к своему другу и теперь не мог выбраться из Бухары.

Он осмотрел больного. Потом неожиданно дернул его за руку. Больной громко вскрикнул, но Масихи сразу успокоил:

— Теперь уже все в порядке. Это твоя книга? — спросил он у больного. — Я вижу, ты поэт.

— Я неудачливый поэт. Я писал свою поэму долгие годы. И наконец, когда переписал ее начисто, встал рано утром, приехал в Бухару, во дворец, чтобы поднести эмиру, дворец оказался пустым. Потом туда ворвались всадники, я прижался к стене, но они сбили меня своими лошадьми, а книгу растоптали и разорвали. Они даже отняли у меня кинжал. Хорошо, что они были неграмотны, и книга им не понадобилась. Я шел, не разбирая дороги, и меня сбили во второй раз. К счастью, во второй раз меня сбили у дома Абдаллаха ибн-Сины... И это верно, что ты — сам Абу Сахл Масихи? Я много слышал о твоей учености.

— Я Масихи. Но об этом сейчас не стоит говорить.

— Я понимаю. И никому не скажу. Мне уже достаточно того, что я говорил с тобой, что ты лечил меня и что я был в доме Абдаллаха ибн-Сины.

Масихи не принял платы, которую предложил ему Абдаллах, попрощался, снова закутался в черный плащ и ушел.

Больного поэта оставили ночевать. Утром он почувствовал себя совсем хорошо. Абдаллах дал ему мула, и поэт отправился в Рамитан.

После этого Масихи заходил к ним несколько раз.

Они разговаривали с отцом о законоведении — фикхе, о философии. Хусайн внимательно слушал.

— Я удивляюсь нынешней молодежи, — сказал как-то раз Масихи. — Выучат кое-что из толкования корана — тафсира, запомнят кое-что из фикха, узнают два-три

предания о пророке и считают, что они уже получили образование. А для них осталось столько еще неизвестного!

— Хусайн, сын мой, — сказал Абдаллах, — он у нас хафиз — знает весь коран наизусть.

— Да? Интересно... Хотя я придерживаюсь другой религии, но уважаю людей, которые стремятся больше узнать в своем деле. Что же, он у вас готовится в проповедники?

— Он изучает и другие науки.

— Кем же ты хочешь стать, Хусайн? — спросил Масихи.

— Я не знаю пока. Мне интересно все.

— Он изучил не только «Введение в логику», а даже все комментарии, — гордо сказал Натили. — А в разъяснении фигур из геометрии Эвклида, мне кажется, ему нет уже равных во всей Бухаре. Сейчас мы с ним изучаем «Альмагест» — астрономию Птолемея.

— Только не увлекайся астрологией. Выбери лучше медицину. Я это же и Бируни советовал, есть у меня такой ученик, очень способный юноша. Но его притягивают науки естественные. Самое доброе дело — медицина. Врач нужен всем: эмирам и странникам, пророкам и младенцам.

— Ты хорошо доказал это нам недавно, когда вправил руку несчастному поэту из Рамитана.

— Конечно, быть факихом — законоведом — тоже неплохо, но бывают такие обстоятельства, когда тебе не помогут ни законоведение, ни, — тут он невольно оглянулся, — предания о пророке, и только медицина спасет тебя всегда. Даже от нужды. И конечно же, один врач полезнее десятка проповедников. — Масихи рассмеялся. — Хотите, расскажу историю, как

известный врач ар-Рази вылечил отца нынешнего эмира от паралича?

И стал рассказывать:

— Эмир Мансур ибн-Нух был нервным человеком. Часто у него тряслись ноги и руки, и однажды с ним случился паралич. Отнялись обе ноги. Хочет встать эмир, а ноги не слушаются. А чтобы верхом или из комнаты в комнату перейти самому — об этом он и не думал уже. Врачи долго лечили его, но эмиру становилось все хуже. И тогда послали за ар-Рази. Тот долго отказывался. Попробуй-ка вылечи запущенный паралич. Дело кончилось тем, что врачу связали руки, втащили его в лодку, перевезли через Амударью и силой привели во дворец. Так ар-Рази пришлось взяться за лечение. Лечил он усердно, перепробовал все средства, но облегчения не наступало. Тогда он решил испытать последнее лекарство. Он знал, что эмир человек нервный и паралич наступил от сильного расстройства. И вот ар-Рази сказал эмиру: «Завтра я применю другое лечение, но ради этого лечения придется тебе потерять коня и мула». А это были самые быстрые в Бухаре животные. Дали ему коня и мула, запрягли их. И приказал он своему гуляму держать животных у дверей бани. А сам с помощью слуг повел эмира из дворца в ту баню. Кругом сады, павлины бродят между деревьев. Эмир идет и плачет — неужели ему так и не придется выйти самому в Мулийан. Врач посадил эмира посреди бани, велел слугам уйти. Затем облил эмира несколько раз теплой водой, дал микстуру, которая придает суставам силу. Снова посадил на скамью, вышел оделся, вернулся к эмиру и стал его ругать самыми страшными словами. «Ах ты такой-сякой, это ты приказал, чтобы меня связали и силой привезли. Это из-за твоих паршивых ног меня казнят палач. Если я за это сам не отниму у тебя жизнь, я не ар-Рази!» Эмир очень рас-

сердился, он даже привстал, забыв о своем параличе. Ар-Рази вытащил кривой нож и принялся ругать эмира снова. Эмир, перепуганный, разгневанный, поднялся совсем и стал отступать назад. Тут ар-Рази засмеялся, выбежал из бани, вскочил на коня, гулям — на мула, и они помчались изо всех сил к Амударье. Там они переправились через реку и долго нигде не останавливались. А потом ар-Рази послал объясняющее письмо.

— А эмир? — спросил Хусайн. — Он снова стал здоровым?

— Конечно. В тот момент, когда ар-Рази выбежал из бани, эмир потерял сознание. Потом он пришел в себя, вышел из бани, позвал слуг и спросил: «Где врач?» — «Разве ты сам его не отпустил?» — удивились слуги. — Врач сел на коня, гулям на мула, и они ускакали». Эмир все понял. Он устроил большой прием. Все радовались, раздавали милостыню. А врачу эмир послал коня со снаряжением, дорогое платье, чалму, оружие, гуляма и невольницу. Этот почетный дар он отправил с именитым человеком.

Над историей, которую рассказал Масихи, все долго смеялись.

Потом Масихи и отец о чем-то долго шептались.

На другой вечер Масихи не пришел в гости.

— Уехал, — сказал отец. — Я договорился со знакомым торговцем, тот дал ему коня, верных провожатых, и рано утром Масихи уехал в Хорезм. — Отец протянул книгу Хусайну. — А это он просил передать тебе. Он сказал, чтобы ты обязательно посмотрел эту книгу.

Книга называлась «Теоретическая и практическая медицина». Ее написал известный врач и ученый Фараби. Хусайн слышал о Фараби, но впервые держал его книгу.

Однажды утром к дому Хусайна подъехали два всадника и приказали Абдаллаху ибн-Сине срочно прибыть в диван.

— Не обойтись без меня, — сказал отец.

Он надел новую чалму, отряхнул халат и вышел.

Часа через четыре, ко времени третьей молитвы, когда солнце заметно стало клониться к западу, отец вернулся.

— Тебя не спрашивали про Масихи? — сказал Хусайн.

— Не спрашивали, хотя они его ищут. Бугра-хан болен, и они надеются призвать Масихи для лечения.

— Зачем же они вызывали тебя? — спросила Ситора.

— Старая история. Я не успел собрать налог в казну эмира, теперь я должен собрать для Бугра-хана. Мне еще не так трудно. А каково тем, которые сдали деньги за будущий урожай эмиру, а теперь должны сдать снова Бугра-хану?

— Должно быть, и у Бугра-хана плохи дела, если он так торопится. Урожай ведь собран еще не весь, — вздохнул Натили. — Может быть, аллах поможет вернуться нашему эмиру.

— Я уже вчера знала, что Бугра-хан болен, — сказала Ситора. — Ходят слухи, что он заболел от нашего климата и от каких-то плодов, которые не привык есть. Говорят, он скоро уйдет из Бухары.

— Если бы это было так! — обрадовался Натили.

— В любом случае торопиться с налогом не стоит, — сказала Ситора. — Лучше ты на несколько дней скройся. А если будут спрашивать, мы скажем — собирает налоги.

Ситора была права.

Уже несут на паланкине — крытых носилках — больного Бугра-хана его воины. И складывают они свои

палатки. Туча пыли уходит вдаль, в сторону Самарканды.

А потом началась охота. Бухарские жители ловили на улицах отставших воинов Бугра-хана, стаскивали их с коней.

— Ты у меня коня отнял? Отнял! — кричал незнакомый старик на улице. — Теперь я у тебя отниму. Ты меня грабил? Грабил! Теперь я заберу у тебя оружие.

— На дороге обоз Бугра-хана с разным добром, с одеждой и утварью застрял! — кричали люди. — Догоним, отнимем!

И сразу собрался отряд человек в тридцать торговцев, ремесленников и мелких чиновников. Все они схватили оружие и помчались к обозу.

А через несколько дней, семнадцатого августа 992 года эмир Нух ибн-Мансур с почетом въехал в Бухару.

— Может быть, твой отец — главный человек, который помог эмиру в этой победе, — сказал Натили. — Если бы отец не отправил Масихи, тот остался бы в Бухаре и, как знать, вдруг вылечил бы Бугра-хана. И тогда Бугра-хан не ушел бы со своим войском, а эмир — да продлит аллах счастливые дни его жизни — скитался бы по городам.

Отец вернулся вслед за войсками эмира. Он прятался в Рамитане у верных людей. Хотя его никто не искал. Видимо, Бугра-хану стало так плохо, что он уже забыл о налогах.

И точно, через несколько недель Бугра-хан умер.

— Теперь, когда в ваш дом вернулся покой, я должен покинуть вас, — сказал Натили.

— А кто же станет руководить обучением Махмуда? — отговаривал Абдаллах.

Но Натили решил твердо.

— Меня зовут в Гургандж, у моего родственника много детей, и их требуется учить.

Это была правда. Натили написал родственнику, тот приглашал его. Рано утром Натили уехал из Бухары.

— Кем ты хочешь стать? — спрашивал Абу Сахл Масихи у Хусайна. Он не подозревал, что уже тогда Хусайн задумывался над этим вопросом.

Знания приносят мало пользы — вот что открыл внезапно Хусайн!

Несколько лет он читал книги с утра до вечера, отрываясь лишь для обязательных молитв-намазов да для еды. Ночами он продолжал изучать эти книги, и даже во сне к нему приходили решения неясных проблем. И вдруг один короткий вопрос остановил его: «Для чего?»

Он знал чванливого законоведа — факиха. Факих из всех сил показывал «глубину своих знаний». Но мир от этого лучше не становился. Даже законы нарушали по-прежнему.

А что толку, если знаешь, например, коран наизусть. Или теоремы Эвклида. Или даже логику. Люди поступают не по законам логики, а как им захочется в данную минуту.

От простого крестьянина, выращивающего хлеб, от ремесленника, шьющего сапоги, было больше пользы, чем от набитой знаниями головы факиха.

«Я тоже могу стать факихом, — думал Хусайн. — Могу стать даже важным чиновником, как мой отец. А могу и не стать. Зачем, для чего мне это нужно?»

Во всей жизни людей Хусайн увидел страшное несоответствие. «Зачем живет человек? — думал, мучаясь ночами, Хусайн. — Неужели, чтобы умереть? Зачем же

он тогда радуется и страдает? Зачем ученый всю жизнь тратит на знания, наконец набирает этих знаний достаточно и тут же умирает? Неужели он всю жизнь искал знания, чтобы унести их в могилу? Для чего живу я сам? Главная жизнь моя будет в загробном мире — так учат богословы. Значит, сейчас я живу неглавной жизнью?»

В это Хусайн не хотел поверить.

«Сейчас я живу неглавной жизнью». — От этой мысли болело сердце. Ум не соглашался с этой мыслью.

«А если бы человек жил на земле столько, сколько хотел? Тогда бы и наша жизнь стала главной, — думал Хусайн. — Если кто хочет в загробную, пусть он туда отправляется. Только... никто не хочет туда отправляться. Все хотят жить здесь, на земле».

«Неужели я, здоровый, сильный, однажды умру и меня на земле не будет! — думал Хусайн. — Я не хочу умирать. Я хочу жить долго».

И вдруг Хусайн поразился простой мысли: «Для этого же и существует медицина! Как я раньше не догадался об этом! — думал он. — Медицина нужна для того, чтобы продлить жизнь человеку на земле. А может быть, кто-то захочет жить вечно. Может быть, уже есть такие лекарства, которые делают людей вечными? Надо больше читать книг».

С этими мыслями он ходил по улицам и улыбался этим мыслям.

Едущий мимо старичок на ослике даже не догадывался о том великом деле, которое задумал странно улыбавшийся встречный юноша.

«Я развяжу узел смерти! — думал Хусайн. — Для этого стоит жить. Главным моим делом станет медицина. Я сделаю людей долгими жителями. Вот для чего я буду жить».

Теперь Хусайн постоянно читал медицинские книги.

Отец взял у знакомого и привез на осле в тюке тридцать томов «Вместилища медицины» ар-Рази. То-го самого врача, о котором рассказывал Масихи. Ар-Рази, как узнал Хусайн, ведал первой построенной в Багдаде больницей. В больнице работали двадцать че-тыре врача.

Ар-Рази подробно пересказывал достижения древних медиков — Гиппократ и Галена. В книгах были описаны многие лекарства.

Эти книги Хусайн изучал почти год. Порой в них встречались невероятные советы.

«Считают, что если поймать зайца, изжарить его в шкуре и при этом смотреть, не отводя глаз, на живот-ное, то такое помогает от простуды».

«При чем тут заяц?» — удивлялся он.

Через год Хусайн уже запомнил все, что было напи-сано в медицинских книгах. К нему начали приходить первые больные.

Хусайн писал записки, по которым аптекари готовили лекарства. Несложные лекарства он научился готовить сам.

Все чаще за советами стали приходить и врачи.

— Хусайн, ты не помнишь состав лекарства, которое помогает при перебоях сердца? — спрашивал пожилой, но мало знающий врачеватель.

И Хусайн сразу называл состав:

— Сумбул, китайская корица, дикий имбирь, семена укропа настаивают на виноградном вине.

А потом его стали звать к тяжелобольным. Иногда приходилось перебирать в памяти все, что говорилось в книгах о симптомах их болезней, и принимать решение самому.

Книги ничего не говорили о строении внутренних ор-ганов.

«Как мало мы знаем о человеке, — думал Хусайн. — Из чего состоят почки? Что такое легкое? Почему здоровые люди внезапно умирают от болей в правом боку и при этом у многих вздувается живот?»

Хусайн ходил к мяснику, исследовал желудки и сердца верблюдов, баранов, лошадей.

— Неужели ты считаешь, что мое сердце похоже на сердце этого жирного барана? — смеялся мясник.

Даже верблюд и баран имели разное строение мышц, желудка, кишечника. Как же сильно должен отличаться от них человек!

Иногда Хусайн решал на время отказаться от лечения людей. Знания, построенные на предположениях, могут принести только вред. Но приходили больные, изнуренные люди, и Хусайн не мог отказать им в помощи. Другие врачи знали не больше его, а меньше. Он был обязан помочь больным. Он старательно осматривал их. Чутко слушал дыхание, пульс, различные шумы тела. Выписывал лекарство. И лекарство часто помогало.

Но порой, когда Хусайна вызывали к больным, он так до конца и не мог понять, что же случилось там, внутри недавно здорового организма. В таких случаях врачи выписывали общеукрепляющее лекарство, чтобы оставить больному хоть небольшую надежду.

Путь к изучению строения человека был закрыт. За изучение трупа сам врач по закону был бы сразу превращен в труп.

Хусайн вспоминал свои мечты о продлении жизни всем людям. Какими далекими они были! Он ненавидел свое бессилие. Но выхода, казалось, не было.

Однажды возле книжных развалов к Хусайну подошел известный бухарский врач Камари.

— Как тебя зовут, юноша? — спросил Камари.

— Хусайн.

— Слухи о твоём удачном врачевании дошли и до меня, — сказал Камари негромко, как бы раздумывая.

Хусайн не ответил, он только горько улыбнулся. Какое уж тут удачное врачевание!

— Вот что, приходи сегодня вечером в дом за городской стеной, там где Рамитанские ворота, — сказал вдруг Камари и сразу отошел.

«Зачем он позвал меня?» — думал Хусайн, проходя вечером через городские ворота. В этом доме давно уже никто не жил. Дом превратился в развалину, но оконце было почему-то плотно завешено. Внутри горели светильники. Внутри дома был один лишь Камари.

— Скажи мне, юноша, ты часто мукаешься от того, что строение человеческого тела почти неизвестно тебе? — спросил Камари.

— Но как его изучить? Живого человека резать нельзя, а мертвого — запрещает закон. Хотя, если бы была такая возможность, я бы обязательно изучил тело мертвого человека, чтобы помочь живым.

Хусайн уже начал догадываться, зачем его позвал Камари.

— Я долго не решался это сделать, страдая от своей беспомощности, когда надо было лечить сложные болезни. Но теперь я стар и терять мне нечего. Сейчас сторож кладбища принесет нам захороненного сегодня человека, и мы узнаем причину его смерти. Я его долго лечил от болей в животе, но лечение помогало мало.

До утра Хусайн и Камари при свете светильников исследовали органы умершего человека. Они обнаружили неизвестный отросток толстой кишки. Этого отростка Хусайн не видел у животных. Камари тоже первый раз узнал об отростке. Покрытый язвами отросток был нагноен, разорван, и гной, разойдясь из него, воспалил брюшину.

Теперь многие непонятные болезни стали ясными. И путь к их лечению уже можно было нащупать.

Эта ночь дала Хусайну знаний не меньше, чем книги.

Еще не раз по вечерам Хусайн и Камари, оглядываясь, не следят ли за ними, шли к развалившейся хибаре, что стояла рядом с домом кладбищенского сторожа.

«Философия — мать всех наук, — часто слышал Хусайн. — Ученым можно стать, лишь познав философию».

Уже двадцать раз он прочитал «Метафизику» древнего грека, мудрого Аристотеля с первой строки до последней, знал ее наизусть, но ни одной главы постигнуть не мог.

«Это книга, пути к пониманию которой нет», — подумал он.

Он решил отбросить ее, не думать о ней, забыть,

Утром к нему пришли два больных человека. Один был ремесленник, ткач. У него от ходьбы опухали ноги. Хусайн приготовил мазь для втирания. Второй был торговец самаркандской бумагой. У него часто дергалась левая бровь. Ему Хусайн посоветовал часто, насколько хватит терпения, дергать бровью, так же, как она дергается сама.

И через несколько дней сама по себе бровь уже ни за что дергаться не станет. Торговец кивал, недоверчиво улыбаясь. Хусайн с трудом убедил его.

Больные отвлекли от книги Аристотеля. «Но ведь все считают метафизику главной наукой. Неужели они лгут, прячут свое невежество, — подумал Хусайн. — Так быть не может. Значит, я недостаточно понятлив».

Хусайн не знал, что книгу эту много раз переводили с языка на язык. Каждый переводчик вставлял от себя

сбазы и целые страницы. И в таком исковерканном виде книга дошла до него.

Вечером Хусайн долго бродил по улицам, потом вышел на площадь, где был книжный базар. Тут можно было купить книгу по любой области знаний. Лежали толкования корана — тефсиры — на арабском языке и на персидском, переводы медицинского трактата Гиппократа, книги по астрологии, книги стихов и поэм. Сюда сходившие образованные люди всей Бухары, они рылись в рукописях. Хусайн уже знал знаменитого поэта Абу-ал Фатха Бутси, он писал стихи на двух языках, на арабском и на фарси, писал об идеальном братстве людей, выступал против войн и усобиц. Другой знаменитый завсегдатель — врач Камари — стал другом Хусайна. Все эти люди и многие другие знакомые и незнакомые обсуждали рукописи, читали друг другу стихи, спорили, даже ругались и, наверно, не могли жить друг без друга.

Хусайна поманил продавец.

— Совсем дешевая книга. Всего три дирхема. Продает студент. Очень, говорит, хорошая книга. Только он сильно нуждается.

Хусайн взял книгу. Книга была не толстой. Он прочитал название: «Комментарии к метафизике». «Опять метафизика», — усмехнулся он.

Автором комментария был сам Фараби. «Вряд ли даже Фараби поможет мне», — подумал Хусайн.

— Три дирхема, так ведь дешево, — уговаривал продавец.

Хусайн вынул три серебряные монетки, протянул продавцу.

По дороге он прочитал первую главу, потом вторую, третью.

Все было понятно. Все было совершенно ясно.

«Да ведь это все так просто! Как же я мог не понять

Аристотеля! — удивился Хусайн. — Объяснение того, что материя тел не отделена от формы, понятно. Все понятно!»

Теперь, после книги Фараби, Хусайн радостно шел от фразы к фразе Аристотеля...

На другой день он попросил у отца денег, пошел на базар и раздал их нуждающимся.

Однажды Хусайн встретил на улице своего соседа Умара.

— Здравствуй, — сказал Умар, — давно я тебя не видал. Все книги читаешь?

— А на тебе новый халат!

— Халат! Ты посмотри, какая у меня дорогая чалма. А сам я, посмотри, какой я сытый и веселый!

— Рад за тебя, Умар, если тебе хорошо.

— Мне-то хорошо. Я стал помощником самого пловщика великого эмира. А ты? У тебя есть дело?

— Учусь лечить людей.

— Лечить? Много на этом не заработаешь. Так и быть, когда я стану сам пловщиком, возьму тебя во дворец. Будешь мне помогать, вместе росли все-таки.

Умар важно пошел по улице дальше.

А через несколько дней он попросил помощи у Хусайна.

Нет, Умар был здоров. И отец его был здоров. И женщины на женской половине были здоровы.

Болел старший брат Умара. Много дней не мог он подняться от слабости, потому что ничего не хотел есть. Много дней он не разговаривал с родственниками, а лежал, отвернувшись к стене.

Старшего брата лечил доктор. Он давал ему толченую скорлупу ореха и «китайское питье». Не помогало. Он советовал посадить скорпиона на ногу больному,

чтобы от укуса ядовитого паука брат подпрыгнул. Скорпиона поймали, паук задумчиво ползал по неподвижной ноге и не кусал ее.

Брат слабел все больше и больше.

— Ну что, о таких болезнях не написано в твоих книгах? — спросил Умар, когда Хусайн осмотрел больного.

— Я думаю, нужно узнать причину болезни.

— Думаешь, не узнавали? Он и раньше был скрытный, а теперь вовсе молчит. За месяц не сказал ни единого слова. Уволят скоро его со службы на мою шею.

Брат в самом деле не обращал на них внимания. Он по-прежнему лежал лицом к стене, лишь иногда тихо вздыхая.

— А я не буду с ним разговаривать, — сказал Хусайн.

Он взял руку больного, нащупал пульс и вдруг стал называть по очереди все кварталы Бухары.

— Ты что это делаешь? — удивился Умар.

Но Хусайн махнул ему рукой: тише. Потом спросил:

— Помнишь улицы большого торгового квартала?

— Еще был Там живет сам пловщик великого эмира.

— Называй их по очереди.

Умар стал называть.

Хусайн по-прежнему щупал пульс. Потом Умар по просьбе Хусайна перечислил дома на одной из улиц.

— Ну вот, адрес нам известен, — сказал Хусайн. — Может быть, твой брат сам расскажет теперь о болезни?

Но брат молчал, как и раньше. Он не сопротивлялся и, когда Хусайн держал его руку, не отнимал ее, будто это была чужая рука. И вел он себя так, будто был где-то далеко, а у стены лежал кто-то другой. Он же только наблюдал со стороны, что с этим другим делают.

— Ну что ж, — сказал Хусайн Умару, — называй все женские имена, какие можешь вспомнить.

Хусайн по-прежнему не отпускал руку и прощупывал пульс.

— Стой! — скоро сказал он. — Я понял причину болезни. — При этом Хусайн оглянулся на больного и заговорил громко, чтобы тот его хорошо слышал. — Твой брат влюблен. Предмет его страсти зовут Диляра. Она живет в доме возле новой бани, в большом торговом квартале. Отец, вероятно, закрыл ее в доме, пряча от всех посторонних глаз.

— Как ты узнал? — вдруг заговорил старший брат слабым голосом, так и не поворачиваясь к ним. — Эту тайну я скрываю в сердце своем.

— Я и узнал по биению твоего сердца. Сердце замирает, когда люди произносят близкие ему, сердцу, слова. Пульс при этом сбивается. Я знаю только один способ, как помочь твоему брату, — сказал Хусайн Умару. — Он влюблен. И свадьба его должна быть скорой и счастливой.

Через месяц Умар и Хусайн снова встретились на улице.

— Здоров ли твой брат? — спросил Хусайн.

— Скоро его повысят на службе. Через неделю свадьба. Ты будешь почетным гостем.

— Я не могу присутствовать на свадьбе. Сейчас я лечу больных холерой. Никто, кроме меня, не осмеливается ходить за ними.

— Как ты можешь быть рядом с людьми, больными такой страшной болезнью! — удивился Умар. — Нет, все-таки ты странный человек. Ты обязательно заболеешь, заразившись от них. Но я не оставлю тебя: буду ежедневно присылать тебе плов.

У великого эмира заболел живот. Живот болел временами и раньше, но боль быстро проходила. А теперь

эмир лежал на подушках. С утра до вечера, а потом всю ночь вокруг него суетились врачи и прислуга, но помочь ничем не могли. Боли повторялись сразу после еды, и эмир, не желая унижать себя криком, громко скрежетал зубами.

— Неужели во всем городе нет ни одного настоящего врача, кроме вас, беспомощных неучей! — закричал наконец эмир однажды ночью, когда боль стала совсем нестерпима. — Отвечай! — спросил он главного среди врачей.

— Есть, — ответил главный. — Я не знаком с ним лично, но, говорят, он лечит таких больных, от которых сам аллах отступает. Он ученик Камари. Самого Камари, к сожалению, нет в городе, мы докладывали...

— Почему ты молчал об ученике?

— Он слишком молод. Я бы сказал, даже юн — ему семнадцать лет, и я боюсь, что случай, а не лекарское умение помогает ему справиться с болезнями.

— Веди его сюда! Привести немедленно! — замахал руками эмир.

Открылись ворота дворца. И по темным улицам помчалась конная стража.

— Наверно, ловят важного преступника, — шептались разбуженные жители. — Только бы мимо, мимо нашего дома...

Они могли спокойно спать. Гулямы искали молодого врача Хусайна.

Скоро вся улица была поднята громкими криками всадников, грохотом ударов в ворота.

А потом стражники увезли сына уважаемого всеми человека, Абдалла ибн-Сины, мальчишку Хусайна.

— Не мы ли предупреждали: «Брось эти книги!» — перешептывались участливые соседи.

— Слышали? Его повезли лечить больного эмира, —

шептали другие. — Ну хорошо, он лечил нас, смертных. Но нас ведь легко вылечить, мы простые люди. А у великого человека — у него и болезни великие! Пропала голова мальчика!

Хусайна провезли по садам Мулийана, ввели во дворец.

— И этот мальчишка будет указывать нам, известным знатокам медицины! — Врачи, стоящие группой у стены, насмешливо закивали головами.

Но Хусайн смело подошел к лежащему эмиру.

— Ты кто такой, мальчик? — спросил эмир.

— Я врач, и я пришел исцелить тебя, — ответил Хусайн.

В голосе его не было страха или неуверенности.

Он долго осматривал эмира. Эмир послушно переворачивался с боку на бок, напрягал и расслаблял голый живот.

Потом принесли для эмира пищу.

Повара один за другим выстроились, каждый со своим блюдом. Среди них стоял и пловщик, в учениках у которого работал Умар.

— Разреши, я осмотрю твою пищу? — спросил Хусайн.

— Уж не думаешь ли ты, что пища отравлена? — заволновались врачи.

— Мы не только осматриваем ее, мы пробуем ее каждый раз перед тем, как подать нашему господину, — сказал главный среди врачей.

— И всегда эмир ест такую жирную пищу? Плов и шурпу?

— Да как ты можешь спрашивать это? — удивились все. — Или наш эмир нищий, что он будет есть тощего верблюда? Или ты не знаешь, что для кухни эмира специальные люди откармливают специальных баранов?

— Тогда мне понятны причины болезни, — сказал Хусайн. — Вы готовите правильные лекарства, — повернулся он к врачам. — Но главное — уберите всю эту жирную еду. И сделайте вот что: сварите постный бульон и засушите лепешек, выпеченных из лучшего пшеничного хлеба.

— Уж не эмира ли ты хочешь поить этим бульоном? — улыбнулся эмир.

— Да, — подтвердил Хусайн. — Эмир носил в себе свой желудок во всех походах, и теперь желудок устал, требует отдыха. Жирный плов — слишком трудная для него работа.

— Можно, конечно, и унизиться до этого младенческого бульона. Но понимаешь ли ты, что тебя ждет, если бульон не поможет? — спросил эмир.

Но бульон помог.

На другой день Хусайн заказал новую еду для эмира.

А повеселевший эмир лежал на своих подушках и больше не скрежетал зубами.

— Какую награду ты просишь себе, юноша? — спросил однажды эмир. — Лечение твое хорошо помогло.

— Вы слышите, — задвигались придворные, — эмир предлагает ему любую награду! Счастливчик мальчишка!

— Я не знаю, смею ли просить об этом... просьба моя очень велика, — начал Хусайн, а все придворные сразу умолкли и вытянули шеи.

— Проси, проси смело, что хочешь.

— Я давно мечтал о посещении дворцовой библиотеки. Я хотел бы читать книги в этой библиотеке.

— И только! — тихо засмеялись придворные.

— Как бы не так! — зашептали другие. — Библиотекой дозволено пользоваться только членам семьи эмира.

— И это все? — спросил, усмехнувшись, эмир.

— Я понимаю, что моя просьба велика. Ведь эта библиотека — она единственная, в мире больше не осталось...

— Можно, конечно, можно, — ответил эмир.

— Какой наивный! — зашептались придворные. — Нам бы такое везение. Уж мы бы выбрали себе награду.

— И еще, — сказал эмир, и шепот снова мгновенно затих. — Ты назначаешься придворным врачом. Отныне тебя не тронет ничья рука. Ты будешь жить под охраной стражников.

— Благодарю, благодарю скорей, — подтолкнул Хусайна главный среди врачей.

— Благодарю за большую честь, — поклонился Хусайн. — Но я бы хотел лечить и других, у кого нет...

Эмир уже не слушал его. Он повернулся к придворным.

Отец, мать, младший брат, слуги — все расспрашивали Хусайна об убранстве дворца, о том, как выглядит эмир. Мысли же Хусайна были заняты единственным — библиотекой.

В огромном длинном здании библиотеки было много комнат. В каждой комнате стояли сундуки с книгами.

Хусайна встретил хмурый горбатый старик.

Кроме этого старика да нескольких уборщиков, в помещении никого не было. Старик повел Хусайна по комнатам. В одной комнате были только медицинские книги, в другой — книги по астрологии, в третьей — книги о приключениях.

Через много лет, рассказывая ученику Джузджани свою биографию, Ибн-Сина так вспомнит об этой библиотеке:

«Я нашел в этой библиотеке такие книги, о которых не знал и которых не видел больше никогда в жизни. Я прочитал их, и мне стало ясно место каждого ученого в своей науке. Передо мною открылись ворота в такие глубины знания, о которых я не догадывался».

Лишь один человек заходил иногда в библиотеку — старший сын эмира Мансур. Хусайн здоровался с ним издали. Мансур отвечал ему. В библиотеке они почти не разговаривали.

Я в мягкий шелк преобразил горячими стихами
Окаменевшие сердца, холодные и злые.. —

эти строки из Рудаки Хусайн знал еще маленьким мальчиком, когда жил в Афшане. Позже, в Бухаре, учитель словесных наук объяснил ему правила стихосложения.

Рифмовать, складывать строки в определенном размере-ритме, умели многие грамотные люди. Но лишь когда в этих строках смеялось и тосковало собственное сердце, когда и другие сердца не оставались равнодушными, заслышав эти строки, лишь тогда рифмованные фразы становились стихами.

Первые стихи Хусайн сочинял для забавы. Это было интересно — будничные слова вдруг становились то торжественно-величественными, то печальными. Постепенно все больше чувства и мысли было в его стихах. Их уже знали многие в Бухаре, передавали друг другу. Вот и сейчас, только что, появилось стихотворение. А случилось это так.

Возвращаясь из библиотеки, Хусайн встретил муфтия — главного священнослужителя Бухары. Муфтий остановил Хусайна и с пристрастием стал допрашивать его о том, какие книги он читает в библиотеке эмира. Конечно же, Хусайн не сказал муфтию, что как раз вчера за-

кончил чтение книги ар-Рази «Обман пророков». В этой книге знаменитый врач сомневался во всех чудесах, что творили пророки. Да и о других книгах Хусайн не соби-
рался рассказывать муфтию.

— Я читаю хадисы — сказания о деяниях Мухаммада, — ответил Хусайн.

Муфтий остался доволен.

Хусайн тоже остался доволен.

Они разошлись, и в голове у Хусайна уже рождались стихи:

Когда к невеждам ты идешь высокомерным,
Среди ложных мудрецов ты будь ослом примерным.
Ослиных черт у них такое изобилие,
Что тот, кто не осел, у них слышет неверным.

И так же, как год назад, в ночь на пятницу четырнадцатого раджаба 387 года хиджры, то есть 23 июля 997 года, застучали по улице копыта коней. Всадники остановились возле дома Абдаллаха.

Несколько часов назад муэдзин открывал азан — призыв к пятой молитве. В душном воздухе расплзались запахи ослиной мочи и цветущей воды из прудов — хаузов. Люди и животные спали, видели сны — продолжения дневной жизни.

— Хусайну ибн-Абдаллаху срочно во дворец эмира! — кричали гулямы.

Хусайн быстро собрался.

— Опять плохо эмиру. Очень нездоровый был у него вид, когда я прощался с ним, — сказал он разбуженному отцу.

В этом году созрел большой урожай яблок. Ветви под тяжким грузом изгибались к земле. Садовники привязывали их к подпоркам.

Хусайн ехал на коне вслед за воинами среди яблонь Мулийана. Луна хорошо освещала путь. От сильного

ветра по земле пошел перестук — это падали яблоки.

Во дворце не спали. Двое людей выскочили Хусайну навстречу. Одного из них Хусайн сразу узнал — это был средний сын эмира.

Тут же к Хусайну вышел везир эмира. У везира было странное лицо. Ни слова не говоря, везир взял Хусайна за руку и потащил туда, где лежал эмир.

Эмир лежал на спине, закатив к потолку глаза.

Хусайн встал на колени перед ним, взял его за руку, пощупал пульс. Пульса не было.

Эмир умер.

Тихо вошли сыновья эмира: старший — Мансур, средний — Абд-ал-Мелик, младший — Исмаил.

Везир сделал знак рукой Хусайну. Они тихо вышли.

— Стражники проводят тебя домой, — сказал везир.

Он прошел немного рядом с Хусайном.

— К утру приготовь объяснение болезни и смерти. Надо объявить народу. — Везир поехал, как будто стало ему холодно. — Страшная ночь. Боюсь, что скоро страшные ночи последуют одна за другой.

Сын эмира Мансур, сам ставший теперь эмиром правоверных, вызвал к себе всех старших чиновников. На этом приеме был и Абдаллах.

Мансур призвал сохранять порядок и поддерживать законы. Везиром своим он оставил старого везира отца.

Абдаллах рассказывал, что везир важно стоял вблизи от эмира, иногда наклонялся к эмирову уху, что-то шептал, и эмир кивал головой, вникая в его советы.

Эмир был молод, здоров, и доктора ему не требовались.

Хусайн спокойно сидел в библиотеке, иногда встречая там последнюю молитву. Все стражники знали его, пропускали безмолвно. Однажды он, как обычно, про-

сидел в библиотеке до вечера. Со двора доносился шум, но мало ли шумов может быть во дворце? Горбатый библиотекарь отлучился куда-то среди дня, да так больше и не вернулся. Когда уже было совсем темно, Хусайн сам запер библиотеку и пошел к воротам. Внезапно его грубо окликнули.

— Кто ты такой? — спросил его незнакомый воин.

— Я врач, — удивился Хусайн. — Личный врач эмира Мансура, — добавил он с важностью, чтобы пресечь грубость стражника.

Стражник схватил его за руку.

— Что ты тут замышляешь неугодное богу? Твой эмир еще днем сбежал в свой замок, в Амуль. Сейчас мы узнаем, кто ты такой!

— Я в самом деле врач, — растерялся Хусайн.

— Где же твои больные? Кого ты мог лечить здесь этим вечером, если все сбежали. Лучше сознавайся, что тебе надо?

На шум подошел другой стражник, тоже совсем незнакомый. Судя по одежде и вооружению, он был старшим в чине.

— Я читал книги в библиотеке эмира, а сейчас ее запер, — он показал ключи, — и направляюсь к себе домой.

— Нечего с ним разговаривать, — сказал старший. — Не наше это дело, разбираться. Наше дело поймать его, и мы свое дело сделали.

Хусайна отвели в подвал, заперли в сырой пустой комнате с истершейся циновкой на полу.

Пока его вели, он из разговоров понял, что военный начальник Фаик, перессорившись с другими военачальниками, занял Бухару со своими тремя тысячами воинов. Эмир же на всякий случай решил еще до прибытия Фаика укрыться в замке.

В камере было холодно. В углу скреблись мыши. Только под утро он заснул.

Утром его выпустил сам начальник стражи дворца. Начальник был тот же, что и всегда. И Хусайна он знал в лицо. Только стражников у начальника сейчас не было. Воины Фаика подчинялись своему старшему.

— Он? — спросил старший.

— Он, — сказал бывший командир стражи. — Хусайн ибн-Абдаллах, личный врач. Он всегда читает до наступления ночи.

Двор пересекал верхом на красивом коне какой-то важный толстый военный начальник. Он остановился и поманил всех: и Хусайна, и воинов, и бывшего командира стражи к себе.

Командир стражи и воины поклонились, поклонился и Хусайн.

— Это сам Фаик, — успел шепнуть Хусайну бывший командир стражи.

Фаик был стар, толст. Щеки, подбородок, шея — все колыхалось от малейшего движения. Заговорил он неожиданно тонким голосом.

— Так это тебя схватили ночью мои люди? — спросил он Хусайна.

— Его, его, — сказал старший воин.

— Ночью трудно разобраться, врач ты или имеешь дурные намерения. Я приказал строго охранять дворец Мансура, эмира правоверных. Пока он веселится в своем замке, в Амуле, ни одна пылинка не должна упасть с его имущества. Так поступает каждый верный слуга. И так поступаю я. Я служил его отцу и служу ему. Завтра эмир вернется в Бухару и возблагодарит меня за службу.

Бывший начальник стражи продолжал кланяться и кивать в ответ на слова Фаика.

— А ты как следует следи за имуществом, — сказал ему Фаик. — И смотри, сам не укради, не свали позор на моих воинов. Я не враг эмиру, я его преданный слуга, — добавил он, — и пришел защитить эмира от засилья его везира, от самовольничания военачальников.

У ворот Хусайна ждал взволнованный брат Махмуд.

— Отец уже пошел искать верных людей, чтобы попытаться спасти тебя, — сказал Махмуд. — Сейчас он обрадуется.

В Бухаре настали смутные времена.

Один везир сменял другого. Новый везир отправлял старого подальше, в глубь страны. Окончательно перессорились военачальники, и эмир Мансур не успевал мирить их.

Сын бывшего тюркского раба, а потом полководца Себюк-тегина, Махмуд Газневи захватывал один город за другим. Его проповедники-хатибы еще убеждали народ в мечетях, что Махмуд по-прежнему верно служит эмиру правоверных Мансуру. «Меч ислама» — такой дали титул Махмуду. Меч ислама исправно рубил головы неверным. Он, желая завоевать любовь багдадского халифа, грозил истребить всех шиитов. Меч ислама был молод, силен, энергичен. Он мечтал о славе и власти, сам хотел стать главою державы. Пока эти мечты приходилось таить при себе.

Ссорившиеся друг с другом военачальники помирились на короткое время, чтобы общими силами расправиться с Махмудом Газневи. Уж очень самостоятелен он стал. Они вышли в поход, и с ними вышел эмир Мансур. Эмир еще надеялся помирить военачальников с Махмудом. Он колебался, не хотел начинать сражения. Эта нерешительность эмира была подозрительной. Не раз изменял Фаик своему эмиру, своей присяге. Еже-

дневно хитрили, натравливали первого на второго, второго на третьего, изменяли присяге другие военачальники.

«Как бы он не перешел на сторону Махмуда», — шептались начальники по ночам об эмире Мансуре.

А он хотел просто помирить их, обойтись без сражений.

Три недели назад выходил эмир Мансур во главе войска. А теперь везут на верблюде молодого слепца. Неверными руками трогает слепец мир впереди себя. Одет слепец в одежды эмира Мансура.

Да это же сам бывший эмир! Его низложили и ослепили верные его слуги, Фаик и другие. Уж больно нерешителен был эмир. Всех успокоить хотел бывший эмир.

Посмотрим, как средний брат станет править, надолго ли его хватит.

Скачут ежедневно сотни всадников навстречу расцвету, покидают Бухару.

Станные слухи ходят в разных городах. Уже и до Багдада слухи дошли, и до Хорезма. Рушится огромное государство, которым почти двести лет правили люди из рода Самани. Со всех сторон надвигаются тучи пыли — огромные армии конников идут на Бухару. Если не захватит престол Махмуд Газневи, если он помедлит, захватят столицу другие. Мальчиком был в Бухаре сын Бугра-хана Наср, теперь он уже вырос, стал повелителем тюркских войск. Помнит он сладкий запах садов Мулийана, ночное пение птиц, перезвоны ручьев.

Ходит по двору слепой старший брат, ощупывает каждую вещь дрожащей рукой. Водит его на прогулку слуга. Укрывается во дворце после неудачных сражений с Махмудом Газневи средний брат. Бежали вместе с ним все его военачальники.

Очередной везир сзывает чиновников и требует срочно собрать налоги в казну.

— Народ гол и нищ, с него уже нечего взять, — отвечают чиновники. — Если раньше надел, обрабатываемый парой быков, стоил три тысячи дирхем, то сейчас его можно получить почти задаром. У людей не осталось денег.

— Ничего, возьмите с них то, что оставили они про запас.

— То, что оставили они про запас, мы уже взяли при прежнем везире.

И снова отправляются амили — сборщики податей — на места. Плетью, пытками стараются они вытянуть деньги.

— Если бы я был молод, я бы покинул Бухару немедленно, — говорит Абдаллах Хусайну. — Купцы заворачивают караваны. Не пришел караван из Хорезма, который ежегодно приходит в это время с мехами. Из Египта не пришел караван. Да это и ребенку ясно — кто захочет торговать в наше страшное время.

Взывают хатибы в бухарских мечетях.

— Идет на нас ужасный враг, сын Бугра-хана Наср. Воины его жадны и злы. Не пощадят они ни мужчин, ни женщин! — кричат хатибы. — А сам Наср — неверный мусульманин, и все войско его неверное. Ремесленники и торговцы, беритесь за оружие! Вы погибнете в сражении, но отстоите веру, эмира и дома свои.

Слушают горожане хатибов, переговариваются.

А рядом суфий в черном плаще молится на коврике, беснуется. Он уже закатил глаза и, не помня себя, рвет с груди плащ, рвет волосяную рубашку, хлещет себя плетью, и пена пузырями исходит изо рта суфия. Несет ветер клочья рубашки. Хватают эти клочья горожане, прячут. Суфий — святой человек, и клочья его одежды святы.

А потом, отмолившись, отдышавшись, говорит суфий обычным голосом собравшейся вокруг толпе:

— Какие же они неверные, воины Насра?! Они самые правоверные мусульмане. И сам Наср — правоверный. Они правовернее нашего эмира. Эмир не признал нового халифа в Багдаде, а Наср признает.

— Верно, — шепчутся в толпе горожане.

— Все к оружию, защищайте город, защищайте нашего эмира — оплот веры! — кричат хатибы.

— Хорошо оплот веры, — шепчут в толпе суфии. — Столько неверия вокруг наплодил. Шииты спокойно собираются по домам и ведут свои разговоры. Книги, насквозь пропитанные вольными мыслями, продаются и покупаются. Нам нужна сильная власть. Сильная власть укрепит веру.

В понедельник 23 октября 999 года сын Бугра-хана, предводитель тюркских всадников Наср въехал в город. Навстречу ему не вышел ни один вооруженный человек. Наср овладел казной. Казна была скудной.

Воины Насра грабили дома.

— Изгоним всех неверных из Бухары! — радовались они, деля имущество ограбленных.

По улицам даже днем было опасно ходить. Любой встречный всадник мог ни за что огреть прохожего плетью. Женщин не выпускали из дому одних.

Люди разговаривали шепотом, кругом бродили шпионы. И все же служба в диване у Абдаллаха продолжалась.

— Мы стали самыми нужными людьми, — говорил дома отец. — Наместник объявил о новых налогах. Но кто их будет платить? Люди покидают свои земли и убегают в спокойные места. Скоро участки станут раздавать задаром, их никто не возьмет.

В Бухаре правил наместник Насра.

Занятия Хусайна в библиотеке, к которым он так привык, оборвались в один день. Книги сгорели. Он не получал теперь жалованья, потому что у наместника были свои лекари.

Ученые люди — поэты, математики, философы и архитекторы — исчезли из города. Никто не приходил в гости к Абдаллаху. В гости вовсе перестали ходить.

— Если знакомые люди боятся свободно разговаривать друг с другом, значит, стране их грозит гибель, — сказал однажды Абдаллах.

Зато город заполнили разные прорицатели, гадалки, суфии. Они сидели у мечетей, бродили по площадям, корчились в молениях.

Однажды в дом к Хусайну пришел человек с их улицы. Он был богат, но Хусайн мало знал его. Хусайн только здоровался с ним при встречах. Абдаллаха не было дома, но человек не уходил, и Хусайн пытался догадаться, зачем же гость пришел в дом.

Они поговорили о разных мелочах, о погоде, о будущем урожае.

Гость как бы между прочим передал слух о том, что младший брат эмира сбежал из плена, переодевшись в женское платье. Он назвал себя Мунтасиром — Непобедимым и сейчас собирает войска, чтобы идти на Бухару.

Гость рассказывал это так, что было не ясно — радуется ли он, ждет ли прихода Мунтасира или, наоборот, горюет.

Хусайн осторожно поддакивал.

И наконец гость заговорил о деле:

— Тебе, наверное, трудно жить. Ведь ты лишился жалованья при дворе эмира.

— Все в руках аллаха, — сказал Хусайн.

— Да-да, и столько книг сгорело в библиотеке эмира. Говорят, вторая в мире была эта библиотека. Это верно, что эмир позволил тебе однажды посетить ее?

— Верно, — отвечал Хусайн, — я занимался науками в библиотеке два года.

— Да-да, такое богатство сгорело. И ты многое успел узнать, занимаясь в этой библиотеке?

— Много, — сказал Хусайн уклончиво, — но недостаточно.

— Так не сможешь ли ты составить для меня книгу, в которой будет рассказано обо всех знаниях. Я понимаю, что не в силах заплатить за это с такой щедростью, на какую способны лишь цари, но и моя благодарность будет полезна в такое время.

— Это невозможно. Чтобы рассказать, что содержится в тысяче книг, надо написать новую тысячу книг. Я, конечно, помню все наизусть и мог бы все восстановить, но для этого нужна жизнь.

— Я прошу коротко. Очень подробно не надо. Ведь об одном дне жизни можно рассказывать день, а можно и минуту.

Хусайн согласился. Все-таки это был заработок.

Он писал днем и ночью. И написал довольно быстро. Получилась толстая книга. В ней было рассказано обо всех науках, кроме математических. Иногда Хусайн не удерживался и вместо пересказа начинал спорить с древними авторами. Споры тоже были записаны в сборник. Книга так и называлось «Собранное». Сосед был счастлив. На всю жизнь он теперь обеспечен ученостью. Ученость хранилась у него дома — он мог почерпнуть ее в любую минуту.

Хусайн еще не успел кончить первую книгу, как при-

шел другой сосед, ал-Барки. Родом он был из Хорезма, о чем говорила его высокая шапка. Он был правоведом, знал комментарий к корану — тафсир, изучал историю мусульманских сект. Раньше Хусайн часто видел его на книжном базаре.

Ал-Барки не мялся, не запинался, а говорил важно и требовательно. Он хотел, чтобы Хусайн написал книгу разъяснений по правоведению — фикху. Еще он хотел, чтобы Хусайн написал книгу по этике, о правилах поведения людей на земле. Он, конечно, хорошо платит.

Хусайн принял и этот заказ.

Законов в то время было много, с ними была большая путаница. Разъяснения законов заняли около двадцати томов. Ал-Барки удивлялся. Он-то считал себя всезнающим правоведом. Зато теперь действительно он мог им быть. Книга по этике называлась «Книга благодеяния и греха».

В работе прошли осень, зима, лето, новая осень.

Хусайн редко выходил из дому.

По улицам ползли слухи. Иногда город заполняли всадники. Это возвращался в Бухару младший брат эмира, тот самый, который бежал из плена, переодевшись в женское платье. Тот самый, который назвал себя Мунтасиром — Непобедимым. Потом Мунтасира побеждали, и он убегал из Бухары. Потом снова побеждал он, и снова входил в Бухару. И опять побеждали его.

Горели дома. Дома врагов Мунтасира — когда побеждал он. Дома сторонников Мунтасира — когда побеждали его.

Любой дом могли поджечь в любой день. Стоило только крикнуть, что хозяин его враг чей-нибудь или, наоборот, друг. Сейчас же сбегались желающие позабавиться: воины, просто бродяги.

Однажды, еще в спокойное время, врач Камари принес Хусайну письмо.

— Это письмо от молодого Бируни, ученика Масихи. В письме есть такие вопросы, для ответа на которые знаний моих недостаточно. Может быть, ты ответишь ему. Он старше тебя лет на шесть-восемь.

Хусайн ответил. Он объяснил ученику Масихи, почему «если взять круглый, чистый и прозрачный стеклянный сосуд, наполненный чистой водой, то им можно пользоваться вместо хрустальной лупы для зажигания. Пустой же сосуд не будет ни зажигать, ни собирать лучи».

Хусайн объяснил также, каким образом и почему можно видеть то, что находится под водой; почему лед, сочетая качество холода и форму камней, все же всплывает над водой.

На все вопросы Бируни ответил Хусайн старательно. Но задал и несколько своих вопросов.

Бируни скоро прислал ответ. Теперь письмо принесли прямо Хусайну. Оказывается, Бируни и Масихи жили уже не в Хорезме. Оба они были теперь в далеком Джурджане на службе у эмира Кабуса.

Бируни не просто задавал свои вопросы. Он имел уже по ним собственное мнение. С некоторыми ответами Хусайна он был не согласен.

«Ты утверждаешь, что в природе не бывает пустоты. Почему же, если пососать горлышко стеклянного сосуда, а затем перевернуть его в воду, то вода будет входить в сосуд, постепенно поднимаясь?» — писал Бируни.

Во втором письме Бируни задавал такие вопросы, которые мучили и самого Хусайна, потому что на них никто не мог четко ответить.

«Кто из двух прав, тот ли, кто утверждает, что вода и земля движутся к центру вселенной, а воздух и огонь от центра, или тот, кто говорит, что все эти элементы

стремятся к центру, но что более тяжелые из них опережают?» — спрашивал Бируни.

На другой день Хусайн уже отсылал подробное письмо.

Так началась их переписка. И оба не предполагали, что через несколько лет станут они друзьями и необходимостью в письмах отпадет, потому что они будут ежедневно приходить друг к другу для того, чтобы и поспорить, и посоветоваться, и вместе повеселиться.

А пока Бируни стал присылать Хусайну отрывки из книги, которую писал. Книга называлась «Хронология древних народов».

Хусайн видел отца часто. И не замечал, как тот стареет.

Хусайн работал днем и нередко, вернувшись из мечети, ночью. Кроме заказанных книг, он составлял еще многотомный медицинский словарь.

А когда заметил он слабость отца, было уже поздно...

В тот день отец пытался сесть на коня и не смог — подкосились ноги. Он прошел в комнаты. Лег и лежал до вечера.

Вечером он подозвал к себе Хусайна, Махмуда. И Хусайн только тут увидел бледность отца, почувствовал слабость его руки.

— Заботьтесь о матери, берегите ее, — шептал Абдаллах. — А ты, Хусайн, отправляйся на службу к другому правителю, там, где мир и закон. В Бухаре уже не будет покоя. Уйди дальше от нее. Лучше всего в Хорезм. Устройся там на службу, вызови семью... Я верю в вашу судьбу, — говорил Абдаллах.

Потом возле него сидела мать. Они долго и тихо разговаривали.

Хусайна после смерти отца позвали в диван и предложили быть писцом. Должность эта была низкой для знаний Хусайна, но надо было кормить семью. Ведь ему было уже двадцать три года.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эта история облетела многие города.

Жил в городе Тусе молодой помещик — дикхан Фирдоуси. Он увлекся сказаниями, которые слагал народ о своих богатырях. Стал записывать легенды, собирать древние мифы, перекладывать их в звучные стихи. Когда-то этим же делом занимался другой поэт — Дакики. Дакики умер, и незаконченные его стихи Фирдоуси тоже включил в свою поэму. «Эта поэма расскажет о благородных делах наших предков, — мечтал Фирдоуси. — Она расскажет о народных богатырях, о добрых и отважных воинах». Все дела хозяйственные запустил Фирдоуси ради поэмы. Поместье его обеднело, потом поместья и вовсе не стало. Сборщик податей освободил его даже от налога. «Пусть пишет», — решил сборщик.

И Фирдоуси писал. Он писал и десять лет, и двадцать, и тридцать. И уже немолодым он был, а стал стариком — вот и шестьдесят ему. Фирдоуси мечтал подарить огромную книгу — поэму какому-нибудь крупному правителю. Получить за это большую награду и на награду провести к своему родному селению канал.

Образованные люди ждали эту поэму во многих городах. Поэма называлась «Шахнаме», то есть «Царская книга». Люди любили читать вслух отрывки из этой еще не законченной поэмы. Наконец Фирдоуси полностью закончил книгу. Но к тому времени не было уже в Бухаре великого властителя — эмира. Зато появился другой крупный властелин — султан Махмуд Газневи.

Махмуд завоевал огромные территории, присоединил к себе обломки государства Саманидов и стал султаном. Столицей своей он сделал город Газну.

Вблизи, за горами, лежала богатейшая страна Индия. И султан решил отправиться на нее войной. А чтобы оправдать свой грабеж, султан объявил, что война его священная — газават. Он призвал присоединиться к священной войне за веру, к газавату, добровольцев из соседних земель. И к нему шли добровольцы, желающие повоевать да пограбить, даже из далекого Хорезма. Самой мощной на Востоке была армия султана Махмуда. В нее входили даже боевые слоны. Воины из сотен племен, говорящие на разных языках, были старательно перемешаны, чтобы случайно они не объединились и не восстали.

В Газне были самые дешевые рабы. Там даже на улицах валялись редкие индийские вазы. Воины возвращались из Индии, увешанные драгоценностями.

Багдадский халиф, которому подчинялся султан Махмуд, любил своего подчиненного. Султан слал халифу письма, в которых обещал истребить всех неверных, а также шиитов, мутазили-тов и прочих сектантов-вероотступников. Это были не пустые обещания. Султан истреблял их с таким рвением, что трупы несчастных иногда не успевали закапывать в землю. Но все же он был единственным крупным правителем, способным дать большую плату, и к нему отправился Фирдоуси со своей поэмой.

Махмуд читал поэму несколько дней. Ему не понравилась гениальная «Шахнаме». Слишком вольные мысли были в поэме. И поэтому султан переслал Фирдоуси смехотворную сумму денег.

С этими деньгами Фирдоуси тут же пошел в баню, выпил в бане шербета, а оставшиеся деньги разделил поровну между банщиком, продавцом шербета и гонцом, который принес награду.

Султан об этом узнал в тот же день. Он приказал разыскать старого поэта и бросить его под ноги слонам. Но поэт исчез. Его искали во многих городах и не могли обнаружить. Зато появилась сатира, которую сочинил Фирдоуси на султана. Сатиру передавали шепотом друг другу.

Обидчика поэт сатирой пригвоздит,
И будет жить она, покуда мир стоит, —

такие были в ней строки.

Эта история имеет конец. Пройдет лет двадцать. Хусайн уже будет везиром при дворе хамаданского правителя Шамса уд-Даула. И в те годы Хусайн узнает, что гениальный поэт Фирдоуси вернулся в свой родной город Тус, чтобы умереть там. Стихи из поэмы станут к тому времени известны каждому землепашцу и воину. И даже султан Махмуд будет вынужден отправить караван, груженный драгоценностями, в подарок старцу поэту. И в тот час, когда караван войдет в ворота города Туса, из других ворот вынесут тело мертвого Фирдоуси.

Несколько раз в дом к Хусайну стучались гонцы от султана Махмуда. С ними разговаривал брат Хусайна.

— Наш великий султан сам очень образованный человек, — говорили гонцы. — В свободное от походов время он даже пишет книги по богословию. Его ученость в этом предмете известна всем.

— Мой брат на службе, он занят, — отвечал Махмуд. «И угораздило же меня получить то же имя, что и у султана», — думал он.

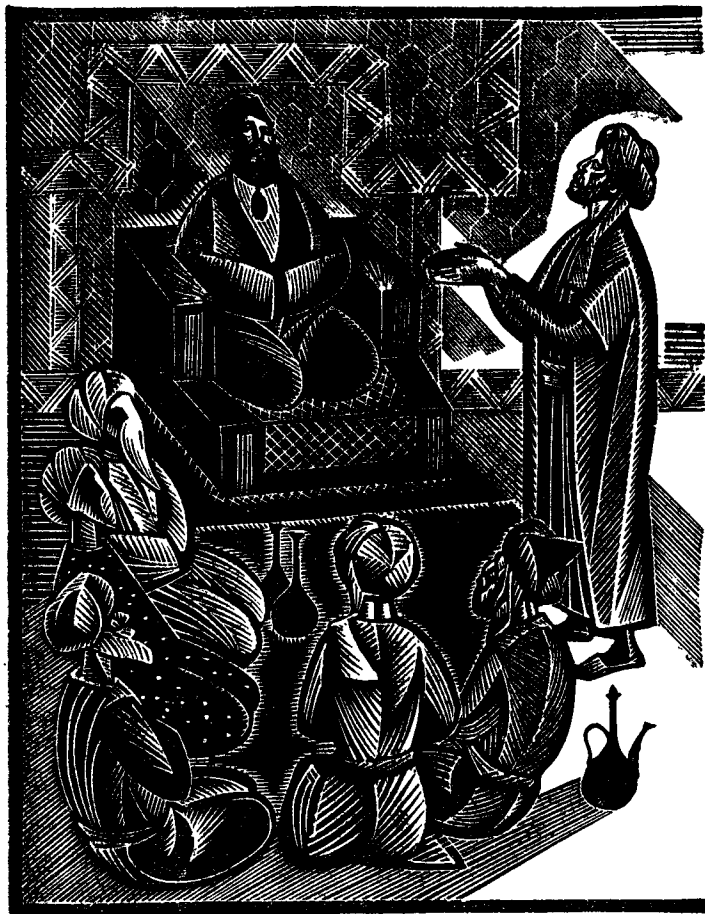
— Наш султан призывает к себе ученых, поэтов и архитекторов. А также богословов, правоведов и астрологов. Наш султан поклялся искоренить всех неверных, шиитов и вольнодумцев. «Только бы Хусайн не попал к султану! — думал Махмуд, успевая вежливо улыбаться гонцам. — Иначе смерть или тюрьма».

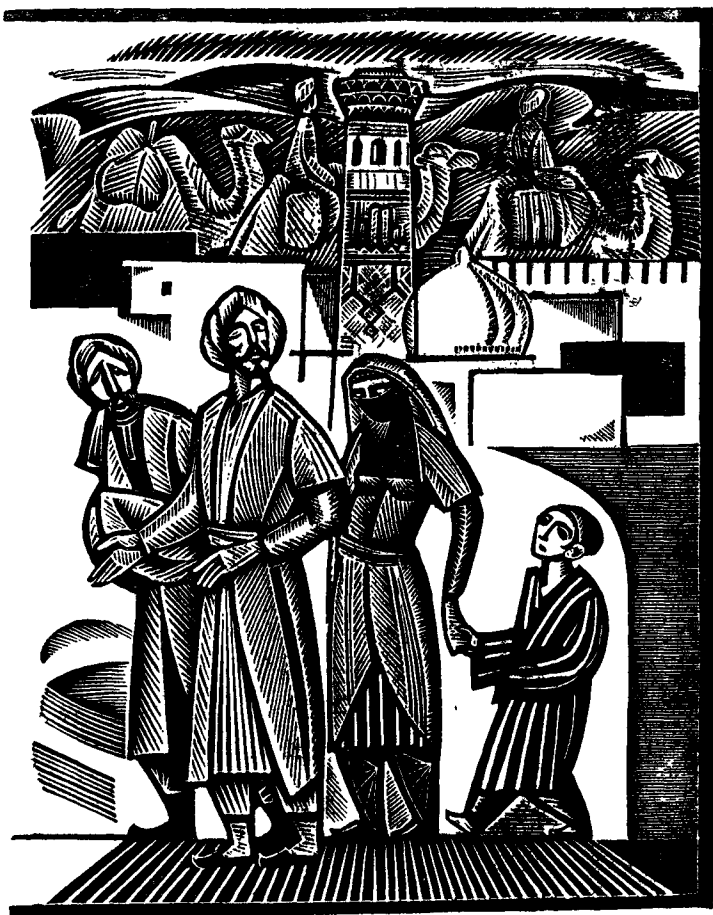
— Почему бы твоему брату не переехать на службу к султану? — уговаривали гонцы. — Султан осыплет его милостями. Щедрость султана безгранична к тем, кто умеет угадывать его желания.

«Никогда Хусайн не станет угадывать желаний. Он тот самый вольнодумец и почти шиит, которых вы искореняете», — думал Махмуд.

— Но того, кто отказывается от милостей султана, постигает тяжелая кара, как бы далеко он ни жил, — говорили гонцы.

«Ого! — думал брат Махмуд. — Надо Хусайну уходить из Бухары».

Годы в Хорезме

Знакомый ал-Барки, того самого соседа, для которого Хусайн написал книги с разъяснениями законов, был купцом. Он жил в Гургандже, в столице Хорезма, но иногда приезжал в Бухару. Он согласился довезти Хусайна до Гурганджа и даже отказался взять деньги.

— Это с меня следовало бы взять плату за удовольствие от общения с человеком, слава которого далеко опередила его пути.

Все нужные слова были сказаны дома вечером, все необходимые книги и вещи были собраны заранее.

У семьи осталось достаточно денег, чтобы прожить при нынешних ценах полгода. А там, поступив на службу, Хусайн снимет дом и вызовет семью.

Бухара осталась за спиной. Стены и крыши домов слились, и не видны уже Хадширунские ворота, от которых начиналась дорога в Хорезм, минареты; и уже не различить, где соборная мечеть, выстроенная Кутайбой.

— Когда-то и я оглядывался на свой город, — сказал купец, — когда отец первый раз послал меня с караваном в Египет.

Дорога до Гурганджа была длинна. Через селения и рабаты, через степь и пески к Амударье, к рабату Джигербент. Там была переправа с правого берега на левый

по мутной желтой воде, по широкой реке, глубины которой неизвестны. В низинах реки росли рощи, зрели фрукты в садах, а стоило отойти на несколько переходов — фарсагов, начинались пески, голодные и сухие. Джигербент — это уже Хорезм. Здесь свои обычаи и привычки, и даже язык иной — хорезмийский, слегка отличающийся от таджикского.

Хусайн спал в рабатах, ел вместе с купцами, с погонщиками верблюдов и воинами, охранявшими товар от случайных людей.

Наконец они подъехали к воротам Гурганджа. Заплатили въездную плату. На минуту стало страшно. Незнакомые улицы, неизвестные дома, неизвестные люди.

— Пока остановишься у меня, — предложил купец. — Я буду счастлив дать кров ученойшему человеку.

На центральной площади продавали баранов. Эта площадь походила на Регистан в Бухаре. С двух сторон площади стояли дворцы. Первый построил хорезмшах Мамун. Хусайн долго рассматривал ворота этого дворца. Торговцы, бродяги в грязном тряпье крутились около ворот, закидывали головы, разглядывали росписи. Напротив, перед дворцом отца построил свой дворец нынешний хорезмшах Али, сын Мамуна.

Совсем недавно Гургандж не был столицей Хорезма. Столицей был Кят. Кят стоял километров на двести выше по течению на правом берегу Амударьи, у самой воды.

— Наш город великолепен. В нем много знатоков изящной литературы, строители домов отличаются искусством, в нашем городе у чтецов корана самые красивые голоса, и нет им равных по благородству и познаниям. В нашем городе много богачей, много красивых

вещей и хороших товаров! — так говорили жители Кята. — В нашем городе — дворец хорезмшаха.

И это было справедливо.

— Ваш город — вонючая лужа. Его в любое время года заливают вода. Нечистоты проникают во все места. Не один приезжий утонул в ваших ямах грязи с наступлением темноты. — Так говорили жители Гурганджа жителям Кята.

И это тоже было справедливо.

Но главным городом был Кят.

В 995 году эмир Гурганджа Мамун осадил Кят. Жители долго сопротивлялись. Многие погибли. Мамун, получив Кят, получил и титул хорезмшаха, что значит — царь Хорезма. Город был жестоко разгромлен. Многие жители покинули дома, переселились в другие места. До последних сил вместе со всеми сопротивлялся, а потом ушел из города и молодой Бируни.

Сын Мамуна хорезмшах Али был образованным человеком. При его дворе собирались математики и философы, врачи и правоведы — факихи. Это собрание позже стали называть «Академией Мамуна».

— Может быть, пойти прямо к хорезмшаху, дожидаться его выхода из ворот? — советовался Хусайн с купцом.

— Лучше сделай иначе: пойди на прием к везиру ас-Сухайли и скажи, что ты знаток законов. Он известный правовед — факих — и потому любит факихов, принимает их ласково.

Для похода к везиру Хусайн оделся особо. Конечно, он надел лучший халат. Но главное было надеть, как нужно, чалму, не забыть тайласан. Чалму полагалось повязать так, чтобы оставался длинный конец. Этот конец проходил под подбородком, перекидывался через правое плечо за спину. На другом плече лежал длинный

кусок ткани — тайласан. Тайласан можно было превратить и в накидку. Так одевались факихи в те дни. По одной только одежде становилось ясно: этот человек ученый, факих.

Идя на прием, Хусайн обдумывал, как начать разговор. Надо было сразу убедить везира, что перед ним не случайно заброшенный судьбой юноша, а человек, глубоко знающий законодательство, образованный в других науках и не имеющий никаких дурных намерений, наоборот — желающий приносить только пользу везиру и хорезмшаху Али ибн-Мамуну.

От первых фраз зависело многое. Например, если Хусайна возьмут на службу, то ведь положат и жалование. А если на службу не возьмут, то, естественно, жалования ждать неоткуда. А деньги кончались...

Говорить придуманные по пути фразы Хусайну не пришлось. Везир ас-Сухайли, узнав имя молодого факиха, заулыбался, сам стал перечислять его достоинства:

— Удивительное лечение эмира Нуха ибн-Мансура. Ну как же, это только незнающие люди считают Хорезм окраиной мусульманского мира. Мы узнаем новости часто раньше других. Двадцать томов разъяснений к фикху для ал-Барки. Говорят, благодаря им ал-Барки стал лучшим правоведом в Бухаре. Только жаль, что читает он их в одиночку и никого к этим книгам не допускает. А так полезно было бы размножить их...

Вероятно, везир переписывался с ал-Барки или с его знакомыми.

Везир пригласил Хусайна на собрание ученых.

— Это собрание удостаивает посещением сам хорезмшах, и ему будет интересно послушать рассуждения образованнейшего человека.

А главное — везир назначил Хусайну жалование.

Он сказал, что не станет обременять Хусайна долж-

ностью. Пусть Хусайн занимается науками. И везир надеется, что своими открытиями Хусайн прославит и Хорезм, и двор хорезмшаха.

Жалованье было даже больше, чем ожидал Хусайн. Хусайн с трудом удержал радостную улыбку, когда везир ас-Сухайли назвал сумму. Но, видимо, все-таки лицо Хусайна выдало многое, потому что везир тут же, как бы между прочим, позвал писца, продиктовал ему и протянул бумагу Хусайну.

— Деньги можно получить сегодня.

Хусайн почти бежал по улице, так ему было радостно. Он тут же решил снять дом для семьи и написать письмо брату Махмуду, чтобы тот распродал имущество, собрал мать, слуг и отправлялся сюда, в Гургандж.

На ученое собрание сошлись люди разных возрастов. О некоторых Хусайн слышал раньше. Пришел Абу-ал Хайр Хуммар — известный врач. Пришел главный судья — кади. Судья поздоровался со всеми уважительно, но ни разу не улыбнулся. Он хмуро сел на свое место и сидел молча. Среди всех выделялся красивый юноша в очень дорогой одежде из египетского шелка. Везир ас-Сухайли шепнул Хусайну, что это Абу Наср Аррак, племянник хорезмшаха, талантливый математик.

Везир подвел Хусайна к Арраку и проговорил:

— Разреши, Абу Наср, представить тебе этого молодого человека, Абу Али ибн-Сину, о чьих способностях в деле врачевания давно уже ходит слава.

Аррак удивился:

— Оказывается, ты врач, — сказал он Хусайну. — А я подумал, что наш везир привел еще одного факиха.

— Абу Али образован в фиххе не менее, чем в медицине, — сказал везир.

— А в математике? — спросил Аррак. И начал говорить Хусайну о математической работе Бируни.

А когда Хусайн сказал, что он тоже знает об этой работе, Аррак обрадовался, и они наперебой стали рассказывать о книге Бируни «Хронология древних народов». Главный кади сидел около и недовольно морщился. Потом Аррак стал рассказывать о новом астрономическом приборе, который Бируни изобрел вместе с математиком ас-Сахри. Судья повернулся к ним и вдруг пробубнил:

— Изучать то, что не написано в коране, лишне и преступно.

Но в это время вошел сам хорезмшах Али ибн-Мамун, не старый, крепкий мужчина. Все замолчали. Хорезмшах сел и предложил сесть собравшимся.

В тот день главное выступление делал везир. Он рассказывал об истории права наследования. Как наследовали имущество в Древней Греции, в Византии, как наследуют у мусульман.

Иногда везир ошибался.

Потом, когда его выступление стали обсуждать, Хусайн заметил уважительно:

— Вероятно, наш ученейший и образованнейший везир еще не успел прочитать книгу Бируни, иначе бы он не допустил некоторых неточностей.

И тут в зале внезапно наступила жуткая тишина. Потом везир как-то странно кашлянул, а Аррак дернул Хусайна за рукав.

Но Хусайн закончил:

— Бируни по ряду вопросов придерживается другого мнения.

Молчание продолжалось. На Хусайна никто не смотрел. Все смотрели на хорезмшаха. Хорезмшах тоже молчал. Потом он улыбнулся.

— Кто этот юноша? Вероятно, он впервые на нашем

собрании, иначе он не назвал бы так невпопад имя пособника наших врагов.

Теперь могло произойти все, что угодно.

Хусайн знал многих ученых, жизнь которых оборвалась в момент, когда они обратили на себя гнев тирана.

Но хорезмшах продолжал улыбаться.

— Подойди же, назови нам свое имя.

Хусайн пошел. Ноги его почему-то плохо двигались...

— Это молодой Абу Али Хусайн... — начал везир.

— Мы думаем, если у него хватило смелости произнести в нашем дворце это имя, то хватит смелости называть и себя.

Хусайн подошел ближе, поклонился и назвал свое имя.

— А теперь расскажи нам, о чем же говорит тот человек в своей книге.

Слушающие задвигались.

Хусайн коротко пересказал главы Бируни о религиях и законах греков, римлян, персов. Заодно он исправил несколько неточностей в выступлении везира.

Никто его не перебивал. Все внимательно слушали.

— Однако знания твои глубоки в этих вопросах, — сказал хорезмшах. — Мы довольны твоим первым выступлением на нашем собрании. И вот что... ты имеешь книгу того человека? — Хорезмшах никак не хотел проносить имя Бируни, потому что когда-то сам запретил называть это имя.

— У меня есть эта книга, — сказал вдруг громко Абу Наср Аррак, племянник хорезмшаха.

Все посмотрели теперь на Аррака.

— Ты первый человек, который произнес имя Бируни вслух при хорезмшахе, — сказал Аррак, когда они выходили из дворца. — Могло бы все кончиться печально. Восемь лет назад, когда войска моего деда ворва-

лись в город, Бируни ушел оттуда последним. Потом он придумал о деде несколько оскорбительных шуток. Появись он здесь раньше, не выйти бы ему из тюрьмы.

На собрании у хорезмшаха все обращались друг к другу почтительно. У кого не было титула, того звали по кунье — почетному прозвищу по имени сына. Можно было звать человека и по нисбе. Хусайн мог себе взять нисбу Бухари. Из Бухары, значит. Но до него уже был историк с нисбой ал-Бухари.

У Хусайна была кунья — Абу Али.

— Уважаемому человеку необходим титул — лакаб, или кунья, или нисба, — говорил везир. — Представьте, вхожу я в помещение, где сидят десять Хусайнов, и зову: «Хусайн!» Все десять вскакивают, крича: «Я! Я! Я!» Так благородные люди себя не ведут. Лучше я войду и скажу: «Абу Али». И тот Хусайн, к которому я обращаюсь, сразу откликнется. Остальные станут молчать.

На собрании всех звали почетно: отец Исмаила, отец Касима, отец Али.

Хусайн не был отцом. У него не было сына и не было жены. Но скоро он привык к этому почтенному обращению. Его никто уже не называл по имени. Только Абу Али.

Абу Али любил бродить по городу. Он вставал рано утром, задолго до первого призыва к молитве — намазу. Он по-прежнему много занимался, изучал химию, астрономию, физику. Он задумал несколько книг, делал к ним наброски.

Жил Абу Али пока в доме того же купца, с которым приехал из Бухары. Купец отказывался брать с него деньги. Поэтому Абу Али решил заниматься с младшим сыном купца, с десятилетним мальчиком. Купец снарядил новый караван и отправился в неизвестные ему

места на реку Волгу, в государство Булгар. Оттуда, с севера, от Булгар, привозили в город удивительные товары. Раз в неделю по четвергам открывался пушной рынок. Всевозможные меха продавали в этот день торговцы: соболей, горностаев, хорьков, лисиц, бобров, зайцев. Поблизости был другой базар, там тоже продавались невиданные славянские товары: березовая кора, рыбий клей, огромные острые гладкие кости, которые назывались рыбьими зубами, а на самом деле были моржовым клыком. О моржах Абу Али никогда не слышал и не читал. И не мог представить себе рыб, имеющих такие длинные зубы.

Иногда он с радостью узнавал товары родного города. До Хорезма довозили даже знаменитые на весь мир бухарские дыни. Их везли в свинцовых ящиках со льдом. Конечно, в Хорезме было много своих арбузов и дынь, но даже хорезмшах предпочитал бухарские.

Скоро у Абу Али появились ученики. Это были люди взрослые. Он объяснял им непонятные места в философии, или в фикхе, или в фигурах Эвклида. И конечно, очень часто к Абу Али обращались больные.

Однажды на базаре он заметил, что за ним все время идет какой-то бедно одетый человек. Абу-Али оглянулся, но человек спрятался за верблюда. «Уж не человек ли это султана Махмуда?» — подумал Абу Али. Он прошел шагов сто, несколько раз сворачивая в разные стороны. И повсюду, прячась, человек шел за ним. Тогда Абу Али зашел в тесное помещение к цирюльнику. Подождав несколько минут, он вышел на улицу. И тут же столкнулся с тем неизвестным человеком.

Человек вздрогнул и отступил назад. А потом вдруг заговорил:

— Прости меня, Абу Али, что я нарушаю твой покой. Я знаю, ты приехал недавно из Бухары. Я тоже

приехал из Бухары, и я не всегда был так бедно одет. Обстоятельства и страсть к познанию довели меня до этой жизни. Прощу тебя, пойдем к моему дому, и по дороге я все тебе объясню.

«А если это ловушка и меня поймут в сеть, как глупую птицу?» — подумал Абу Али, идя следом за ним.

Этот человек оказался алхимиком. Он читал древние книги магии и заклинаний. С помощью заклинаний он хотел добиться чудесного превращения дешевых металлов в золото. Когда-то в библиотеке эмира Абу Али тоже просматривал эти книги и сразу понял, как невежественны их авторы.

— Осталось совсем немного, — говорил человек по дороге к своему дому, — вставить два-три верных слова в формулу заклинаний, и я превращу в золото сплав олова и меди.

Абу Али вошел в дом этого человека. Дом был пуст. Не было ковров, не пахло пищей. В углах выросла мохнатая паутина. Всюду валялся мусор, обрывки бумаги.

Зато соседняя комната была забита всевозможными ретортами, горелками, химическими принадлежностями.

В саду, в яме горел огонь. Над огнем висел котел, и в нем густой сероватой жидкостью колыхалось расплавленное олово.

— Я увидел тебя, когда ты шел по моей улице, — сказал человек, — все бросил и побежал следом. Но так и не решился бы обратиться...

Абу Али вынул кошелек и протянул ему все деньги, какие были там.

— Как я буду счастлив отблагодарить тебя! — сказал человек. — Ты увидишь, еще несколько дней, и я узнаю тайну получения золота. Я буду получать золото в любых количествах. Я куплю большой дом и заполню его книгами, о которых сейчас лишь мечтаю. Я тебе

сразу верну свой долг. В десять раз больше верну! А может быть, ты вступишь со мною в долю? Хочешь, треть всего золота будет твоя?

Абу Али лишь покачал головой. Он не верил в силу заклинаний и магических формул. Он знал, что олово невозможно превратить в золото, как верблюжий помет невозможно превратить в верблюда.

— И все-таки я верну тебе в десять раз больше, чем ты дал мне! Я докажу всем! — говорил человек, прощаясь.

Однажды хорезмшах сказал на собрании:

— Мы прочитали книгу Абу Райхана Бируни. В ней много интересных, хотя и вольных мыслей. К тому же нам сказали, что Абу Наср поддерживает с Бируни переписку? — Хорезмшах повернулся к племяннику.

— Да, я переписываюсь с ним.

— И Абу Али тоже поддерживает переписку?

— Я переписывался с Бируни еще в Бухаре, и у меня нет причин прервать ее, — ответил Абу Али.

— Нам думается, будет неплохо, если и Абу Наср и Абу Али, оба от своего имени посоветуют Бируни переехать в Гургандж. Нам говорили, что Бируни еще занимается и наукой орошения. Орошение необходимо на наших полях. И Бируни может с пользой приложить свои знания. Как думает об этом ас-Сухайли?

— Мои мысли идут по той же тропе, что и мысли моего государя, — ответил везир.

Разговор перешел на другую тему, но Абу Али плохо прислушивался. Он радовался, что наконец увидит Бируни. И уже обдумывал письмо, которое напишет ему.

Наконец они встретились!

Аррак прислал своего слугу с запиской к Абу Али. Аррак просил скорее прийти к нему во дворец.

Абу Али быстро собрался.

Часто Абу Али забывал о знатном происхождении Аррака. Аррак и сам не требовал особого к себе почтения. Он был математиком и художником, любил веселые компании и ни за что не согласился бы стать шахом, чтобы не отвлекаться от любимых дел.

Дворец Аррака был роскошен. Росписи на стенах (некоторые росписи делал сам Аррак), богатые самаркандские ковры на полу. Слуги Аррака одевались не хуже многих знатных господ.

В большой комнате для гостей, кроме Аррака, сидели еще двое людей. Один — очень пожилой, с усталым лицом. Другой моложе — лет тридцати трех.

Абу Али мгновенно узнал пожилого и сразу же понял, кто молодой.

— Я не знаю, надо ли вас знакомить? — спросил Аррак.

— Надо ли знакомить меня с Хусайном! — воскликнул пожилой неожиданно бодрым голосом. — Да я знал его в то время, когда он был мальчиком, когда его домашний учитель хвастал, что Хусайн — хафиз.

Это был Абу Сахл Масихи, конечно же, он. Теперь он приехал вместе с Бируни из Джурджана.

А второй — да ясно же, кто второй... — Бируни!

А через несколько минут Бируни уже наступал на Абу Али и на Аррака.

— Из ваших писем я понял, что вы по-прежнему стоите на своем мнении. Вы оба уверены, что Земля находится в покое, а Солнце, звезды и вся небесная сфера движутся вокруг Земли!

— Конечно, этому нас учили Птолемей и Фараби.

И я сам проверил их логические выводы. Земля находится в покое, — сказал Абу Али.

— Даже святым книгам не всегда можно верить, — отмахнулся Бируни.

— Ого! — засмеялся Аррак.

То, что Бируни упорный спорщик, Абу Али давно уже понял из писем. Обо всем Бируни старался иметь собственное мнение, любой вывод пытался проверить на практике. Этим они оба были похожи. И хотя часто они не соглашались друг с другом, оба рвались к истине.

— Пора идти на ученое собрание, — сказал Аррак и оглядел одежду Бируни. — Вы, вероятно, устали, станете отдыхать сегодня или переоденетесь и пойдете на собрание тоже? — спросил он Масихи и Бируни.

— Я готов, — сказал Бируни. — А другой одежды у меня нет. Моя нисба Бируни — человек из предместья, и этим сказано все.

Аррак засмеялся и позвал слугу.

— Принеси этим людям новое платье из моего гардероба, — сказал он.

Но Бируни вдруг запротестовал:

— Я недостойн принять этот драгоценный подарок...

— Это еще почему? — удивился Аррак. — Надо быстрой собираться и идти, мы опаздываем.

— Я бы мог надеть платье, подаренное мне рабом, потому что рабом раба быть невозможно. Но платье, подаренное членом семьи хорезмшаха, не приму. Иначе каждый скажет обо мне: посмотрите, это идет раб хорезмшаха. А раб не может быть другом. Лишь оставаться свободным, можно питать искренние чувства верно. — Он начал почти шутя, а закончил серьезно: — Я пойду в своей одежде, какая есть. А завтра куплю новую.

— Ну хорошо, — сказал Аррак. Он позвал другого слугу. — Есть у тебя запасная новая одежда?

- Есть, мой господин, — ответил слуга растерянно.
- Подари ее этому человеку.
- Хорошо, господин, — ответил слуга.
- Сдаюсь, — засмеялся Бируни.

Может быть, ученые услышали, что приехали Бируни и Масихи, может быть, это получилось случайно, но на собрании было необычно много людей.

— Я надеюсь, когда войдет хорезмшах, к нему не бросятся придворные поэты, не станут читать ему прямо в лицо касыды? — спросил Бируни у Абу Али.

— У нас не султан Махмуд, у нас пока таких порядков нет...

Везир ас-Сухайли подвел Бируни и Масихи к хорезмшаху, представил. Оба низко поклонились.

— Мы рады, что наше собрание обогатится двумя блистательными умами, — сказал хорезмшах.

Через полчаса Бируни уже забрасывали вопросами.

— Верно ли, что Бируни в своей книге отвергает известное предание — хадис — о том, что пророк однажды остановил солнце, и оно по его воле стояло над головой пророка три часа? — спросил человек в одежде богослова.

— Солнце не может остановиться ни на минуту, потому что это противоречит естественным законам природы.

Хусайн и Аррак переглянулись. Смело говорит Бируни. Одно дело — излагать свое мнение в книге, другое — отстаивать его вслух на собрании у хорезмшаха.

— Верно ли, что в книге Бируни есть такие слова: «Да покарает аллах всех тех, кто радуется, причиняя мучения другому существу, одаренному чувствами и не причиняющему вреда!»? — спросил личный врач хорезмшаха Хуммар.

— Да, верно, именно эти слова, — ответил Бируни. Тут все радостно зашумели. Всем эти слова понравились, даже главному кади.

— Занимается ли Бируни изучением фикха — законоведения? — спросил везир ас-Сухайли.

— Меня больше интересуют физика, история, математика, астрономия, наука о минералах, — ответил Бируни.

— Хорошо, что задавали не слишком много вопросов, касающихся религии, иначе был бы скандал, — шепнул Аррак, когда собрание закончилось.

Бируни был ироничным человеком.

В то время в моду входили титулы. Каждый человек старался заполучить титул. Например, у султана Махмуда были титулы «меч державы» и «десница державы, хранитель веры». Судей — кади — могли звать «честь ислама» или «меч сунны». Даже никудышный человек порой добивался титула «мухтасс» — «избранник» или «муваффак» — «помощник». Главный кади, который сидел на всех ученых собраниях у хорезмшаха, носил титул «сейф ас-сунна», что значило — «меч сунны». Чаще всего он хмуро молчал, лишь поворачивал голову в сторону говорящего. Дома он старательно записывал каждое крамольное изречение, услышанное на собрании.

«Наступит день, и они у меня взвоят, как собаки, они заплатят за каждое свое умствование».

Он ненавидел и Абу Али и Бируни. Даже самого хорезмшаха презирал за мягкотелость.

«Так их распустить! — думал он о хорезмшахе. — Была бы моя власть, я бы их всех посадил на цепь и повез бы по городам напоказ, чтоб другим неповадно было рассуждать. Знания им подавай! Мало им откровения божьего, корана! Была бы моя власть!»

Но власть была не его.

Конечно, все ученые догадывались о жестокой ненависти кади. И никто открыто не смел ему перечить.

Только Бируни однажды особо уважительным тоном обратился к кади:

— Сейф ал-улама, меч ученых, скажи нам, пожалуйста...

Все заметили оговорку Бируни и, конечно, поняли ее тайный смысл. И посмеялись про себя, а потом дома — вслух. И только кади понял не сразу. Сначала он даже надулся важно. Лишь утром, вспоминая весь разговор, он заскрипел зубами от злости. Но теперь между собой ученые только так и называли кади — «меч ученых».

Часто Бируни шутил над друзьями. В то время многие люди, чтобы подчеркнуть свою образованность, старались говорить изящно. Уметь говорить красиво был обязан при дворе каждый. Без этого человека просто не пустили бы на ученое собрание. Бируни издевался над этой красотой. Он любил делать ее смешной.

Например, Абу Али получил однажды такую записку от Бируни, может быть, выписанную из арабской книги, может быть, сочиненную им самим.

«Мы собрались, о господин, в компании, где есть все, кроме тебя, всем довольны мы, исключая того, что нет тебя. Здесь раскрылись глаза нарциссов, зардели щеки фиалок, благоухают курильницы цитрусов, открыты коробочки померанцев, заговорили языки лютней, поднялись проповедники струн, повеяли ветерки кубков, открыт базар вежества, встал глашатай веселья, вззошли звезды сотрапезников, раскинулось небо амбры. Клянусь моей жизнью, когда ты придешь, мы очутимся в райском саду вечности, и ты будешь центральной жемчужиной в ожерелье».

Когда «центральная жемчужина», постигнув, что ее приглашают срочно прийти в гости, прибыла в дом Бируни, они вдвоем хорошо посмеялись над запиской.

Иногда Абу Али получал письма от брата.

Их привозили верные люди.

Заболела мать. Она заболела в тот день, когда брат Махмуд собрался продавать дом и имущество, чтобы ехать к Абу Али в Гургандж. Мать не вставала. За ней ухаживала служанка. Абу Али давал советы, как правильнее лечить, но одних советов было, конечно, мало.

«Только не возвращайся в Бухару, — писал брат Махмуд, — тебя постоянно ищут люди султана. Несколько раз они входили в наш дом, обшаривали углы. Искали даже на женской половине. Говорят, что султан приказал силой доставить тебя к нему во дворец».

Махмуд не писал о том, что его самого приводили во дворец наместника илиг-хана Насра. Там его долго допрашивали, пытались узнать, куда делся Хусайн.

На письме брата не было пометок, кому оно адресовано. Брат не подписывался. Если бы письмо перехватили шпионы султана, они бы не догадались, кто адресат.

Абу Али любил бродить с Бируни по улицам. В детстве Бируни не знал отца и образование добыл с трудом.

— В нашем городе жил грек-христианин, — рассказывал Бируни, — мне тогда было семь лет. Я приносил ему разные растения, а он говорил их названия, перечисляя их свойства. Потом грек познакомил меня с Масихи. Масихи называл мне книги, которые надо прочесть, объяснял непонятное. Часто он давал мне свои книги. Даже арабский, грамматику и стилистику я выучил сам. Днем работал, помогал матери вести хозяйство, а ночью занимался науками.

— А мой учитель... — говорил Абу Али и рассказывал о Натили.

Однажды Абу Али узнал от случайного человека, что Натили похоронен здесь, за городской стеной.

Вместе с Бируни они сходили на кладбище. Абу Али оставил сторожу денег, чтобы тот берег могилу.

Только вдвоем Абу Али и Бируни могли разговаривать свободно обо всем.

— Однажды со мной весь день спорили богословы, говорили, что вода поднимается в фонтанах по причине божественного желания. Это же смешно — прикрывать свое невежество заявлением, что аллах всемогущ, — утверждал Бируни.

— Но может быть, он все-таки был? — колебался Абу Али.

— Кто был? — возмущался Бируни.

— Бог. Может быть, он дал толчок всему развитию вселенной. А теперь жизнь идет по своим законам, сама по себе.

Если бы этот их разговор подслушал главный кади, не спас бы их головы даже сам хорезмшах.

Сомневаться в существовании бога! Это значит, что и Моисей ошибался, и Христос, и другие пророки! Это значит, что не было божественного откровения Мухаммаду?! И коран сотворил он сам, а не продиктовал ему бог с помощью архангела Гавриила. Это значит, что пять раз в день миллионы людей, становясь на молитву, обманывают сами себя. И пять раз в день обманывают имамы, хатибы и прочие священнослужители. Это значит, что в том главном, на чем строятся вера, государство, жизнь, в самом главном есть какой-то обман, ошибка!

Да за такие мысли не только главный кади, любой правоверный мусульманин немедленно бы пресек жизни и Абу Али и Бируни, отправил бы их обоих на свидание

с богом, пусть бы там и разбирались — есть он на свете или нет.

Поэтому Абу Али и Бируни вели свои разговоры только наедине.

А кругом по площадям бродили гадатели и колдуны. Люди верили им. Невежественные «святые люди», безумные прорицатели были в почете. Каждое утро на базарах передавали друг другу новости о чудесах.

Однажды во время такой прогулки по городу Абу Али и Бируни услышали грохот. И сразу в ближнем дворе поднялось пламя. Абу Али узнал это место. Здесь жил алхимик, который с помощью кабалистических заклинаний хотел получить золото из дешевых металлов.

Люди заливали пламя водой. Воду носили в мешках — бурдюках, в кувшинах. Человек жил недалеко от городских ворот, а прямо к воротам подходили каналы от Амударьи.

Невдалеке валялся, тлея, рукав от халата. Его затапывал ногами какой-то старик.

Потом из груды металлических обломков и углей вытащили изуродованное тело несчастного алхимика.

Дом его не пострадал. Бируни подобрал листки бумаги. На листах алхимик вел записи. Абу Али стал читать их.

Вместо золота путем химических превращений алхимик шел к получению страшного взрывчатого вещества — гремучей ртути. Видимо, он и погиб от ее взрыва.

Алхимик открыл несколько способов получения металлов из окислов. Одно это составило бы ему славу. Но алхимик и не догадывался. Думая, что стремится к золоту, он стремился к своей смерти.

На научное собрание хорезмшах пришел в хорошем настроении. В тот день спорили богословы.

Каждая сура — глава корана — начинается со слов: «Во имя аллаха милостивого, милосердного». Каждый богослов понимал смысл этой фразы по-своему. Каждый по-своему ее толковал. А один ученый, который собрал больше ста толкований этой фразы, принялся их перечислять.

Бируни и Абу Али было скучно. Они тихо заговорили о другом.

— Сегодня я наконец начал книгу о происхождении гор и пустынь, — сказал Абу Али.

— О происхождении? — удивился Бируни.

— Понимаешь, я знаю, насколько это неожиданно. Все мусульмане считают, что мир на земле сотворен однажды и навсегда. Даже самые мудрые ученые говорят, что горы всегда были горами, а пустыня — пустыней.

— Я тоже задумывался над этим, — сказал Бируни, — но не нашел фактов, опровергающих их слова.

— Помнишь, когда ты занялся орошением сухих земель и я стал ездить с тобой по Хорезму, ты все удивлялся, зачем я роюсь в обрывах у рек, спускаюсь в пропасти ущелий? Тогда я решил скрывать до времени свои мысли. Ты, вероятно, тоже наблюдал, что земная кора, словно слоеный пирог, состоит из разных, не похожих друг на друга отложений? В полувыветренных пустынных холмах я находил вдруг морские раковины, остатки окаменелых растений. Как они могли попасть сюда, на вершины когда-то высоких гор? Значит, эти высокие горы были еще раньше морским дном. Здесь проплывали рыбы, колыхались морские травы. Но ведь все богословские книги говорят другое. Они говорят, что мир создан совсем недавно, всего несколько тысяч лет назад, по желанию бога и за несколько дней. Ни один ученый не отвергал это мнение богословов.

— Попробовали бы они отвергнуты! — Бируни грустно улыбнулся.

— Но факты, природа, обычный здравый смысл — все кричит о другом! — Абу Али говорил с волнением. — О том, что многие пустыни, несомненно, были когда-то морским дном, писать надо обязательно. А те места, которые сейчас глубоко опущены под воду, когда-то, возможно, были плоскогорьями и долинами, на них росли горные травы, по ним струились ручьи. Все на земле постоянно изменяется. И тот слой почвы, который высоко поднят наверх, в котором я обнаружил остатки морских животных, был дном океана не две и даже не десять тысяч лет, а еще раньше. Ведь гора выветривается долгие тысячелетия. Хотя, — тут Абу Али заулыбался, — надо, конечно, не обидеть и богословов. О каждом явлении я решил писать, что оно, конечно же, происходит по воле аллаха.

В этот момент его позвал хорезмшах, которому, вероятно, тоже стало скучно слушать спор богословов.

— Мы слышали, Абу Али по-прежнему живет в чужом доме? — спросил хорезмшах. — Это не соответствует званию ученого, которое Абу Али занимает при нашем дворе. Мы даруем Абу Али пять тысяч динаров. Пусть он приобретет себе все необходимое.

«Самый плохой человек — тот, кто ест один, ездит верхом без седла и бьет своего раба» — такая была поговорка.

Лошади у Абу Али не было. Раба тоже. Но он собирался покупать дом, а жить одному в доме не полагалось. Нужно было подыскивать слугу.

— Хочешь, я подарю тебе кого-нибудь из своих слуг? — спросил Аппак.

— «Раба, который в другом месте был любимцем,

не бери, ибо, если не будешь его баловать, он или сбежит, или в сердце тебя возненавидит», — вместо ответа напомнил Абу Али другую поговорку.

Абу Али отправился на невольничий рынок. Его сопровождал старший сын купца.

— Многие думают, что покупать раба — дело торговое. Покупка раба и наука об этом относятся к философии, потому что покупатель должен знать психологию, — важно рассуждал купеческий сын по дороге.

Он бубнил весь путь, прочитал Абу Али длинную лекцию о породах рабов, удивлялся неопытности Абу Али.

— Признаки раба умного и удачливого, — говорил сын купца, — такие: он должен быть стройный, с умеренными волосами и умеренным мясом, белый, розоватый, с широкой ладонью, большим промежутком между пальцами, широким лбом, темно-серыми глазами, открытым лицом, безгранично склонным к смеху. Такой раб годится для обучения наукам, выполнению переписки, работ по казне, и во всяком деле он — человек верный.

Абу Али слушал его с неприязнью.

— А если у раба широкие брови, глаза навывкате, веки толстые и красные, губы и зубы длинные и широкий рот, то такого раба не бери хоть задаром. Такой раб очень бесстыж, и нахален, и невежлив, и зол, и ищет раздоров.

Наконец они пришли на невольничий рынок.

Это было четырехугольное пространство, огороженное невысокой стеной. А внутри — обычные узкие улочки, дома. Ночью рабы спали в этих домах, днем их выводили в лавки на продажу.

У входа Абу Али оглушил визгливый голос зазывалы.

— Девушки на любой вкус! Девушки, обученные пению, вывезенные из Индии; белые девушки-славянки,

черные девушки из Нубии, девушки-тюркчанки, гречанки и берберийки! На любой вкус, продаются только в хорошие семьи!

— Мужчин продают в дальней половине, — сказал купеческий сын.

Они пошли мимо девушек, одетых в белые и розовые одежды. На лицах девушек было тупое равнодушие.

И вдруг Абу Али заметил юную девушку. Она утешала мальчика лет пяти. Мальчик был босой, в длинных чужих штанишках. Он громко плакал, а девушка говорила ему что-то, улыбалась, но в глазах у нее были горе и страх.

— Хорошая девушка, знает грамоту, умеет варить еду, может петь и плясать, — подошел работорговец, — от приличной хозяйки. Хозяйка недавно умерла, счастливых ей дней в раю, а родственники продают все имущество. Прогонишь ты, наконец, своего мальчишку! — закричал он на девушку. — Это брат ее, — работорговец снова повернулся к Абу Али. — Его я уже продал. Сейчас за ним придут.

Мальчик услышал эти слова и снова заплакал, и девушка перестала улыбаться, принялась кусать губы.

— Нам нужен мужчина, домоправитель, — сказал купеческий сын.

— А-а, — махнул рукой работорговец и сразу стал равнодушным, — домоправителей продают в том углу.

Дальше продавали мужчин средних лет. Работорговцы громкими голосами расхваливали их образованность и природный ум.

Рабов было много, но Абу Али шел мимо них, глядя себе под ноги.

— Что же ты? — сказал купеческий сын. — Смотри вот на этого — и взгляд открытый, и кожа чистая. И, торговец говорит, знает он языки.

Абу Али прошел мимо. Он не мог посмотреть в глаза ни одному продающемуся здесь человеку. Он привык смотереть в испуганные глаза больных, своим уверенным взглядом вселяя в них надежду.

— Нет, не стану я покупать людей!

Абу Али повернул назад, к выходу.

— Сколько времени зря потеряли! — ворчал купеческий сын. — Завтра я один пойду на рынок и приведу тебе раба.

Они снова проходили мимо той девушки. Мальчика уже не было. Его, видимо, увели новые хозяева. Теперь плакала девушка. А торговец зло ругал ее.

— Для чего тебе румянили утром щеки! — кричал он. — Смазывали душистыми маслами! Чтобы ты сбивала сама себе цену?! Да за тебя сейчас дирхема никто не даст.

Покупателей близко не было, и поэтому торговец мог кричать все, что думал.

— Остановись, я куплю эту девушку, — сказал Абу Али.

— Зачем тебе девушка? — удивился купеческий сын. — Мы ведь шли покупать мужчину, а если тебе нужна девушка, так мне и сказал бы, я бы тебе давно выбрал самую подходящую.

— Я хочу купить именно эту девушку, — проговорил Абу Али. — И ее брата я куплю тоже.

Девушка перестала плакать и прислушалась к разговору.

— Как тебя зовут? — спросил ее Абу Али.

— Ширин, — тихо сказала девушка.

— Имя-то у нее красивое, — вмешался торговец.

— А цена какая? — спросил купеческий сын.

Торговец замолчал, притворяясь, что размышляет.

— Сто динаров.

Абу Али сразу полез за кошельком.

— Это дорого, — сказал купеческий сын, — пошли. Мы найдем другую девушку.

Абу Али неприятна была эта торговля.

— Десять динаров скинешь, берем, — сказал купеческий сын. — А нет — уходим.

— Да ты потрогай ее волосы, настоящие, некрашенные и неподвязанные. И зубы. Иным приходится отбеливать смесью угля с толченой солью, а у нее — сами белые. И по-хорезмийски она понимает. Девяносто два динара — только из уважения к хорошим людям.

Абу Али заплатил деньги. Торговец выписал кабалу — купчую расписку. В этой расписке говорилось, что полным хозяином девушки является теперь он, Абу Али ибн-Сина. Потом торговец сказал адрес тех людей, которые купили мальчика.

— Пойдем, Ширин, искать твоего брата, — сказал Абу Али.

Они вышли с базара. Купеческий сын пошел рядом с Абу Али. Ширин немного отстала.

Сын купца продолжал ворчать:

— Девяносто два динара! Почти две тысячи дирхем! Да прежде за такие деньги можно было год прожить супружеской чете! Как подскочили цены! И все потому, что мы мало воюем. Султан Махмуд ходит священной войной — газаватом — на Индию, так у него рабы за даром. А тут сотня динаров.

— Ты не мусульманка? — спросил Абу Али девушку.

— Нет, — ответила девушка, — я христианка. Мои родители были из Греции.

Они нашли нужный дом. Торговаться отправился купеческий сын. Абу Али слышал его громкий голос.

Купеческий сын торговался долго.

— Нам понравился этот мальчик, — говорили во дворе.

— Да я даю за него вдвое больше! — убеждал купец.

— Я верну тебе, господин, стоимость денег, я отработаю, только выкупи брата, — сказала девушка. — Ты можешь не дарить мне подарков, я буду мало есть, и брат мой тоже будет есть мало.

Абу Али улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Там мы посмотрим. Наконец купеческий сын вышел красный и злой.

— Двадцать динаров! А сами купили за девять.

Он взял у Абу Али деньги и через несколько минут вывел мальчика.

Мальчик подбежал к сестре и схватил ее за руку.

— Ну вот, — торжественно объявил Абу Али, — а теперь, Ширин, ты свободна. И брат тоже свободен.

— Почему? — сказала девушка испуганно.

А купеческий сын даже заморгал от удивления.

— Теперь, когда ты снова соединилась с братом, вы можете идти куда желаете.

— Нам некуда идти, — сказала девушка. — У нас нет дома, нет денег. Любой человек нас обидит. Ты наш господин и ты должен поселить нас у себя, а мы должны удовлетворять все твои желания.

— Прости, Абу Али, но ты в самом деле предлагаешь девушке странный путь. Если ты делаешь доброе дело, так делай его до конца. Посели их в своем доме и защищай их жизнь.

Хорошо, что Абу Али уже успел присмотреть дом. И о цене он тоже договорился. Дом стоил две тысячи динаров. Еще полторы тысячи стоили ковры, различная утварь, посуда.

Покупками занимался сын купца. Он делал это увлеченно, громко торговался, спорил.

Через два дня Абу Али, Ширин и ее маленький брат Али въехали в новый дом.

На одном из вечеров у хорезмшаха Масихи прочитал отрывки из только что оконченной им медицинской книги. Все выступающие книгу хвалили.

И все-таки сам Масихи был недоволен.

— Ар-Рази написал медицинскую книгу, но в ней двадцать томов. Ее надо возить на верблюда, — говорил Масихи Хусайну. — К тому же в этой книге многое упущено, многое бездумно переписано из Галена и Гипократа. Нужна иная книга, но никто еще не смог написать ее. И я не сумел. Надо, чтобы она охватила все медицинские знания, но была небольшой. Такую книгу может написать лишь мудрый человек с глубокой памятью, острым умом и огненным сердцем. Мне уже не написать такую книгу.

Хусайн хотел рассказать Масихи о набросках своей медицинской книги, но удержался.

Часто вместе с Масихи они принимали больных. Масихи удивлялся умению Хусайна ставить точный диагноз, по еле заметным признакам узнавать причины болезни. Вместе с Масихи они делали хирургические операции. И тут учился Хусайн. Хотя Масихи уверял, что уже и сейчас Хусайн превосходит его.

Вместе они работали в химической лаборатории у Аррака. Сам Аррак химию забросил, он все больше уходил в математику, но лаборатория осталась и была богатейшей. Иногда к Абу Али и Масихи присоединялся Бируни. Там они ставили всевозможные опыты. Вместе с Бируни Абу Али занимался еще астрономией.

В этот вечер Абу Али делал первые наброски к большой медицинской книге. К той самой, о которой думал он все последнее время. В комнате горел светильник.

За стеной ходила Ширин. Она негромко напевала что-то, ее брат уже спал.

Вдруг прибежал человек из дома купца.

— К нам приезжали люди, они еще не знают, где твой новый дом. Тебя срочно требуют во дворец к хорезмшаху, — сказал запыхавшийся слуга.

«Что там случилось, — думал Абу Али, одеваясь. — Уж не заболел ли хорезмшах?»

У входа во дворец Абу Али столкнулся с Масихи. Старого ученого позвали тоже. А в зале они увидели и Бируни, и Аррака, и даже врача хорезмшаха Хуммара. Тут же был везир ас-Сухайли.

Вышел хорезмшах.

— Слуги отосланы? — спросил он везира.

— Никого, — ответил ас-Сухайли.

Он достал лист бумаги с несколькими печатями.

— Почерк Мишкана, начальника придворной канцелярии султана Махмуда, — тихо сказал Бируни, — так красиво может писать только он.

— От султана Махмуда Газневи сегодня прибыл именитый человек с письмом, — начал везир. — Завтра утром хорезмшах даст ему аудиенцию. Здесь грамота, посланная султаном хорезмшаху.

— Читай ее, — сказал хорезмшах.

Везир стал читать. Сначала шли разные титулы, их везир читал быстро, а потом приступил к самому главному.

— «Слышали мы, что в собрании хорезмшаха есть несколько ученых мужей, коим нет равных. Подобаает, чтобы хорезмшах направил их к нашему собранию, дабы они обрели почеть присутствия на нашем собрании,

а мы будем покровительствовать их знаниям и способностям и будем благодарны хорезмшаху».

Везир кончил читать, и все несколько минут молчали.

— Слышали мы о его покровительстве, — сказал Бируни.

— Не дай аллах никому такого покровителя.

Заговорил хорезмшах.

— Никого нельзя силой заставить служить себе. И вы — свободные люди. Особенно те, которые приехали к нашему двору недавно. Но вы знаете, что султан Махмуд всесилен, власть его процветает, держава высока, он захватил Хорасан, часть Индии и зарится на Ирак. Не по доброй воле мы поддерживаем дружбу с ним. Лишь для того, чтобы сохранить покой для нашей страны, мне пришлось взять в жены его сестру. Мы не можем ослушаться его приказа и повеление его не обрывать в действие. Решайте и скажите немедленно, как каждый из вас решил поступить.

Несколько минут все молчали.

— Я не могу поехать ко двору султана. Я христианин, поехать к нему, значит, поехать в тюрьму, — сказал Масихи.

— Я тоже не поеду к султану Махмуду. Его люди уже ищут меня в Бухаре. — Это сказал Абу Али.

— Вам можно ослушаться приказа султана, — проговорил врач Хуммар. — Вы не хорезмийцы. Если ослушаюсь я, будет плохо Хорезму.

— И я вынужден подчиниться, — сказал Аппак.

— Я тоже из Хорезма, — сказал Бируни, — я подчиняюсь, чем бы мне это ни грозило.

— Хорошо, — сказал хорезмшах. — Мы знали, что именно так и получится. Вы двое — Абу Али и Масихи — должны скрыться сегодня же. Завтра утром мы

даем аудиенцию посланнику султана, осыпем его дарами, скажем, что вас в городе нет.

Хорезмшах простился и вышел.

— Вам надо немедленно покинуть город, — сказал везир, — если посланник узнает, что его обманули, будет еще хуже.

— Я готов, — сказал Абу Али, — только не выбрал еще пути.

— Я думаю, лучше ехать назад, в Джурджан к эмиру Кабусу. Если хочешь, поедем вместе, — предложил Масихи.

— Кабус хорошо примет тебя, — сказал Бируни. — Я напишу письмо.

— Мой человек знает дорогу до Джурджана через пески, — вставил везир. — Через два часа он будет ждать вас с тремя верблюдами и снаряжением у главной площади.

Бируни вышел, через несколько минут он вернулся с письмом к эмиру Кабусу.

Все попрощались друг с другом, быстро разошлись.

Абу Али собрал свои записи, книги. Написал грамоту о том, что дом и имущество принадлежат Ширин. Оставил Ширин деньги, на которые можно было прожить около года. Написал письмо своему брату.

Ширин не могла понять, почему Абу Али уезжает надолго, почему не может взять ее и брата с собой, оставляет одних. Объяснить же ей Абу Али не мог. Он не мог даже назвать ей город, в который ехал. Он только сказал, что напишет письмо ей. И будет присылать деньги. И пусть она наймет домоправителя — пожилого честного человека, ей будет не так страшно в пустом доме.

Маленький брат Ширин спал. Абу Али не стал будить его.

С тюком в руках он вышел из дому на темную улицу.

Через два-три фарсага началась пустыня. Обычный фарсаг — это час пути на верблюде. В эту ночь они проходили фарсаг за полчаса.

В черном высоком небе блистал острый месяц. Чуть вздрагивали звезды.

Они ехали близко друг к другу. Поднимались на бархан, спускались с бархана. Объезжали редкие кусты колючего саксаула, возникающие неожиданно из темноты.

«А ведь мы в эту ночь хотели наблюдать за движением Луны», — подумал Абу Али.

Вместе с Бируни они сконструировали новый прибор и собирались составить уточненные таблицы лунного движения.

Сейчас Абу Али хотел сказать об этом старику Масихи, но Масихи молчал, о чем-то раздумывая, и Абу Али промолчал тоже.

Да и трудно было разговаривать в сплошной темноте, приходилось постоянно напрягать глаза, вглядываться вперед.

Подул ветер. Стало прохладно.

Прямо перед лицом иногда пролетали светящиеся точки — жуки.

Звезды постепенно бледнели. Стало светать.

— Еще немного и дойдем до колодцев, — сказал проводник.

Это были его первые слова за ночь.

Звезды растаяли вовсе. Наступило время первой молитвы.

Даже в пути полагалось исполнять все пять молитв — намазов. Но сейчас о молитве никто не вспомнил, не заговорил.

Утром пустыня оживает. Всюду на песке следы. Длинные полосы — проползла змея. Жук скарабей катит, пятясь задом, драгоценный шарик овечьего помета. Грузно ступая, выбежит на бархан песчаный крокодил-варан. Раза два прямо под ноги верблюду из-под куста бросился маленький пушистый зверек — песчанка.

Наконец, когда невысоко над беловатыми песками появилось утреннее прохладное солнце, они достигли колодцев.

Это была небольшая низина. Здесь росло сразу десятка три саксаульных кустов.

— Будем отдыхать, — сказал проводник, — верблюды устали.

Они прыгнули на песок, с трудом разминая ноги.

Проводник откопал крышку колодца, откинул ее, поднял большой сосуд из почерневшего металла. Вода была слегка солоноватая.

Дали напиться и верблюдам. Верблюды сразу легли.

Проводник походил вокруг кустов, набрал сухих палок, развел огонь. Пламя от саксаульных палок было жаркое, вода закипела быстро. Проводник вытащил лепешки.

— Поедим и будем спать, — сказал он потом, — пятнадцать фарсагов прошли. Это дорога старая, по ней давно уже не ходят. А колодцы стоят. Когда их вырыли, кто вырыл — один аллах знает.

Масихи достал астрологический календарь. Полистал его, отложил в сторону.

— По этому календарю я не сберегу своей жизни, — сказал он, — потому что в эти два дня на мою судьбу будет влиять звезда Альтаир. А она для меня убийственна.

— Ложь все это, выдумки невежественных людей! — ответил Абу Али. Масихи молчал.

Когда жара спала, они подняли верблюдов и отправились дальше. Сначала они не чувствовали ветра. Он дул им в спину. Потом проводник озабоченно оглянулся.

— Буря! Сейчас будет буря! — сказал проводник.

Они едва успели прыгнуть на песок, уложить верблюдов. Снимать поклажу было уже некогда.

Темная стена пыли надвигалась на них. Она закрыла солнце, и стало темно. А поблизости не было никакого укрытия, лишь слабые кусты. Там, где они сидели сейчас, затаившись, было безветрие, тихое и страшное. Но ветер приближался. Он был уже рядом. Потом налетел на них, ослепил, оглушил. Абу Али прижался к верблюду. Песок забивался в уши, в нос, не давал вдохнуть воздуха.

Ветер затих так же внезапно, как и налетел.

Когда Абу Али поднял голову, над ним уже было ночное небо и звезды. Рядом с ним встали из песка старый Масихи и проводник.

Одного из верблюдов не было. Не было того самого верблюда, который нес основной запас воды и пищи.

Масихи остался стеречь верблюдов, Абу Али и своего. А проводник и сам Абу Али пошли искать исчезнувшего. Они ходили кругами, приглядываясь к каждому бугру, к каждой тени, громко кричали.

Верблюд исчез.

— Сначала он был рядом, — говорил проводник, — а потом как будто дьявол его забрал. Один мех с водой у нас остался, — успокаивал он, — будем идти от колодца к колодцу, наполнять водой.

Теперь проводник шел впереди, а Масихи и Абу Али ехали за ним следом. Потом проводник сел на верблюда, а пешком пошел Абу Али.

Стало светать.

— Должны быть колодцы, — сказал проводник.

Он оставил Абу Али и Масихи, а сам пошел в сторону восхода.

Скоро он вернулся.

— Нет колодцев, — проговорил он растерянно.

Все вместе они двинулись на запад. Там тоже не было колодцев.

Тогда по своему следу они пошли назад.

Колодцев не было нигде.

Солнце поднялось и уже начинало жечь.

У голого куста они сели, выпили воды из единственного оставшегося меха.

Масихи зачем-то снова начал листать астрологический календарь.

— А я ошибся, — неожиданно сказал он, — по таблицам видно, дни звезды Альтаир наступят через неделю.

— Хорошо бы астрология хоть в этот раз оказалась права, — засмеялся Абу Али.

В лепешки набился мелкий песок. Он противно хрустел на зубах. Другой еды не было.

Когда стало совсем жарко, старый Масихи предложил выпить немного воды.

— Я не хочу, — сказал Абу Али, едва раскрывая высохший рот, — пей ты, учитель.

Масихи тоже не стал пить.

Если воды запасено вдоволь, пить хочется не так сильно. Мысль о том, что воды нет, не хотела уходить из головы, заслоняла все другие.

К вечеру они опять двинулись вперед. Теперь они шли просто в южную сторону, глядя на звезды. Там, на краю пустыни, должен находиться город Джурджан, а может быть, и другой город. Это неважно. Лишь бы был город, селение, арык. Хотя бы один дом или куст, но обязательно, чтоб колодец, чтоб вода.

Масихи хрипло дышал, едва сидел на верблюде.

Абу Али заставил выпить его несколько глотков воды.

Вода не помогла.

— Ненужная трата, — сказал Масихи, — вода еще пригодится вам.

Абу Али хотел ему ответить бодрыми словами, но выдал из сухого горла лишь несколько хриплых звуков.

На другой день Масихи уже не смог подняться.

Потом он стал бредить. Иногда он приходил в себя и, стараясь ясно выговаривать слова, просил оставить его здесь. Им надо идти дальше, не терять время и остаток сил, а он уже никуда идти не сможет.

Абу Али сидел рядом, беспомощно сложив руки, молчал. Никакие лекарства тут не могли помочь. Самое это страшное — чувство беспомощности, когда лежит рядом, мучается человек, и ты ничего не можешь сделать, чтобы облегчить его страдания.

...Вместе с проводником они закопали умершего Масихи глубоко в песок, чтобы не терзали его гиены.

Через день они потеряли второго верблюда. Возможно, верблюд был где-то близко, но у них не было сил искать его, и они двинулись дальше на юг.

Теперь шел первым Абу Али, рядом брел проводник. Оба держались за оставшегося верблюда.

Когда солнце уже закатывалось, на горизонте появились три огромные фигуры. Две фигуры были человеческие. Фигуры надвигались на них, держась за третью, верблюжью. Проводник упал на колени и закрыл глаза. Одна из фигур тоже мгновенно упала на колени.

— Это бог выслал нам своих духов, чтобы призвать нас к себе, — бормотал проводник, — я чувствую: моя душа сейчас растает с телом.

— Вставай, это пустынные видения. Я слышал о подобном от путешественников, — говорил Абу Али.

Но проводник уже ничего не понимал.

Он бормотал лишь бессвязные слова.

— И редко совершал намаз, — бормотал он, — и был неблагодарным...

— Вставай, — сказал Абу Али, дернул его и сам чуть не упал от слабости.

Они пошли дальше. Проводник продолжал шептать обрывки фраз, видимо, он представлял себя уже на небе.

— Отец мой! — шептал проводник. — Как сладко поют гурии! Ах, какой аромат!

Проводник брел, держась за верблюда, мотаясь из стороны в сторону, прикрыв глаза, и все шептал.

Вдруг они наткнулись на верблюжьи следы. «Кто-то еще прошел по пустыне», — подумал Абу Али.

Верблюд давно уже шел по дороге. Кругом лежали возделанные земли. Абу Али это понял не сразу.

Проводник перестал шептать. «Лучше бы он говорил, — подумал Абу Али, — под его слова легче представлять ноги».

Потом он подумал: «Еще несколько шагов, и я упаду».

Верблюды остановились.

Перед ними был дом. Рядом светилась, отражая свет месяца, городская стена.

Абу Али подошел к дому, уперся в дверь. У него уже не было сил поднять руку и постучать.

Это был город Абиверд.

Утро, весь день и всю ночь лежал Абу Али в темной комнате.

Рядом лежал проводник.

Иногда они просыпались, пили воду из пиалы, поставленной кем-то рядом с ними, забывались снова.

Потом Абу Али понял, что за ними ухаживает пожилой, весь высохший человечек. Абу Али напрягал глаза, но не мог разглядеть его лицо.

Наконец утром, через два дня, они встали, огляделись.

Верблюды привели их к самым воротам города. В маленьком домике около ворот жил одинокий человек — смотритель кладбища.

— И отец мой был смотрителем, и дед, — рассказывал человечек, — а в аллаха они не верили. И я тоже не верю.

Проводник при таких словах сразу затыкал уши. После скитаний он исправно стал совершать намаз все пять раз в день.

— Какая может быть загробная жизнь, — смеялся смотритель кладбища, — все они здесь лежат.

Проводник уходил из дому вон, чтобы не слушать эти дурные слова.

— А во что же ты веришь? — спрашивал Абу Али.

— А верю я в человека. Аллах не поможет, а человек человеку всегда поможет. А если не поможет, то, значит, он зверь, а не человек.

По вечерам смотритель ворчал:

— Опять сегодня похоронили одного. Раньше хоронили иначе: место долго выбирали, чтоб и сухо ему там было лежать и тепло. А сегодня вырыли кое-как яму — да в воду. Нет, не те пошли времена, — вздыхал смотритель кладбища.

Через несколько дней и Абу Али и проводник окрепли. Из Абиверда снаряжали большой караван в Хорезм. Проводник решил примкнуть к этому каравану.

— Последний раз иду по пустыне, — говорил он. — Стану теперь цирюльником. И дальше мечети от дома никуда не уйду.

Джурджан был далеко на западе. Смотритель помог нанять верблюда в караване, который шел на запад, и Абу Али отправился в путь.

С проводником он послал три письма. Одно — везиру с благодарностью и с описанием блужданий. Другое — Бируни. Третье — Ширин.

— Если на караван нападут, эти письма ты обязательно разорви на клочки и пусти по ветру, — наказывал Абу Али.

Проводник стал совсем трусливым человеком. Однажды он увидел нескольких всадников и решил, что они сейчас нападут. Он мгновенно порвал письма, разбросал клочки.

Те всадники были вполне мирными людьми.

Абу Али ничего не знал. Он был уже в пути.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сегодня на географической карте легко отыскать Бухару. Но Гургандж найти уже сложнее. После нашествия войск Чингисхана Гургандж стал называться городом Ургенчем. Он много раз разрушался, пустели его дома. Сейчас недалеко от места, где был Гургандж, стоит город Хива.

Вовсе не существует теперь Абиверда, который был когда-то древнейшим городом. Его развалины находятся в Туркменской республике, недалеко от железнодорожной станции Каахка.

Караван, с которым вышел Абу Али из Абиверда, иногда пересекал города. На пути была Ниса, тоже древнейший город. В Нисе до новой эры хоронили многих парфянских царей. Но сегодня ее тоже не найти на карте. В восемнадцати километрах от Ашхабада, рядом с туркменским аулом Багир, находятся полузасыпанные развалины города Нисы.

Нишапур — это город ученых, философов-богословов.

Нишапур — первый город, в котором построили высшую школу — медресе.

В Нишапуре глубоко под землей был настоящий водопровод.

«Каким прекрасным городом был бы Нишапур, если бы его каналы находились на поверхности, но зато его жители были бы под землей» — так шутили в разных странах ислама в то время.

В Нишапуре жил знаменитый философ — старец Абу Саид. В городе устроили долгий философский диспут между Ибн-Синой и Абу Саидом.

В Нишапуре Абу Али задержался на несколько дней.

От Нишапура прямая дорога вела к Джурджану.

В ворота Джурджана входил длинный караван. Все въезжающие, как полагалось, платили въездную пошлину. Абу Али приготовил кошелек. Кошелек стал совсем уже легким.

Вдруг со стороны улиц показались гулямы — воины.

— Посторонись! Посторонись! — кричали они купцам.

Проезжие прижимались к стенам.

Всадники везли пожилого человека, богато одетого. На руках у него были цепи.

— Кто этот несчастный? — спросил Абу Али у прохожего.

— Это наш бывший эмир Кабус, — ответил житель. — Вчера его место занял сын эмира Манучихр.

— Почему? — растерянно спросил Абу Али.

Письмо Бируни к эмиру Кабусу было по-прежнему с ним.

— Об этом не нам с тобой рассуждать, господин, — сказал житель. — Мы люди небольшие.

Абу Али въехал в город. Сюда стремился он с той ночи, как покинул Гургандж. Он прошел пески, горные перевалы и зыбкие болота. Он мечтал, что снова станет жить спокойно. Ему надоело валяться ночами в рабатах на засаленных подстилках. В дороге он обдумал немало научных проблем.

«Эмир примет меня на службу, — мечтал Абу Али в дороге. — Пусть жалование будет небольшим, но я сумею нанять скромный дом, выпишу брата Махмуда, Ширин и маленького Али. Станем жить вместе. И главное — я сразу смогу заниматься науками!»

«Придется расстаться и с этим городом», — решил Абу Али.

Прожив лишь несколько дней в караван-сараях, он отправился в Дихистан, к берегу Каспийского моря.

В Дихистане за недорогую цену он снял комнату над мастерской портного. Он одевался скромно, скромно ел. Мало бывал на людях.

Здесь цвели сады. Воздух был всегда теплый, густой от испарений.

В этом городе всем хватало воды: и людям, и растениям. Воды было даже больше, чем нужно.

Абу Али просыпался, как всегда, рано утром. К утру от влажного воздуха одежда становилась сырой и холодной. Абу Али делал несколько гимнастических упражнений и садился за работу.

Он писал сразу несколько книг по тем наброскам,

которые сделал еще в Гургандже. За день перед ним вырастала большая стопка исписанных листов бумаги.

Портной, у которого снимал он комнату, едва умел писать. Иногда, в то редкое время, когда Абу Али выходил в город портной крадучись поднимался наверх. Он пробовал читать те листы, которые мелким плотным почерком исписывал постоялец. Буквы были известные. Они сочетались в известные слова. А вот дальше все было невероятно сложно. Портной пробовал разобратся хотя бы в нескольких фразах, но у него сразу заболела голова: мудрые книги писал постоялец.

«Пусть пишет, — думал портной. — Может быть, станет известным богословом или философом и прославит мой дом. Главное, что за комнату он платит исправно».

У Абу Али не было лишних денег, и он не мог жечь светильник. Иначе бы он работал и ночью. Зато ночью можно было думать. Иногда разрешение неясных проблем приходило именно ночью. Однажды вечером Абу Али почувствовал сильный холод. На улице было душно, это Абу Али понимал. Холод шел изнутри, дрожали руки и ноги. Он пытался пересилить внезапную слабость и этот холод, потом лег. Он сложил на себя всю одежду, которая была только в комнате, но дрожь не проходила.

«Если после холода в теле начнется жар, значит, у меня болотная лихорадка, малярия», — подумал Абу Али.

Вскоре начался жар. Смутные мысли блуждали в голове. Абу Али сжимал зубы, чтобы не потерять сознание. После жара снова подступила слабость. Была уже ночь. Абу Али лежал мокрый от пота, обессиленный.

Диагноз поставить было несложно.

— Я говорил, у нас многие страдают лихорадкой, — объяснял на другой день хозяин. — Место такое. Уезжать тебе надо, в нашем климате не вылечишься.

Абу Али принялся лечить себя сам. Сам готовил лекарства. Приступ повторился через три дня. Абу Али почувствовал приближение приступа и готовился к нему, как к бою.

Все наблюдения над своею болезнью он записывал.

Потом он напишет отдельную книгу, используя эти наблюдения, и назовет ее «О лихорадках». Она принесет большую пользу врачам, исцелит многих больных.

Когда приступы ослабли, стали едва заметными, Абу Али решил переехать.

Деньги у него кончались. «Надо возвратиться в Джурджан. Стану лечить больных, как-нибудь прокормлюсь», — думал Абу Али.

Была еще тайная надежда: вдруг вернется эмир Кабус. Письмо, написанное Бируни, Абу Али по-прежнему возил с собой.

В Джурджан он приехал с пустым кошельком.

Абу Али остановился в караван-сараях. Он продал новую одежду, которая уцелела еще со времен Гурганджа.

Этих денег должно было хватить на несколько недель жизни.

О своем трудном положении он написал касыду.

Когда я стал большим, нет для меня широкого простора,
Когда стала дорогой цена моя, лишился я покупателя —

так начиналась эта касыда.

Эмир Кабус умер в крепости. В Джурджане строили огромную гробницу для эмира. Кабус начал строить ее

сам для себя. Живой сын, отправивший отца в темницу, завершал это строительство.

Абу Али питался только лепешками. Лепешки он покупал самые дешевые.

В тот вечер он исписал последний лист бумаги. Он писал мелко, как только мог, но и этот лист кончился.

За стеной громко, с хрипом, стонал человек.

Абу Али спросил о нем у хозяина караван-сарая.

— Это несчастный купец из Балха, — сказал хозяин, — попил, наверно, ледяной воды и простудился. Нет у него здесь родственников, а где знакомые, тоже не знаю.

У Абу Али оставались кое-какие лекарства. Он нашел те, что укрепляют сердце и изгоняют из тела жар.

Он сидел у постели купца до утра. Лекарство помогло. Купец постепенно затих, стал дышать ровнее.

Надо было накормить его, и Абу Али купил дорогую пшеничную лепешку. Сам он в это утро решил не есть.

Через два дня купец встал на ноги и отправился снаряжать караван.

Для Абу Али он принес в подарок халат, заплатил деньги.

— Поедем со мной в Балх. Ты будешь желанным человеком в моем доме, — звал купец.

Абу Али отказывался. Он не мог объяснить купцу, что Балх слишком близко от Газны, от столицы султана Махмуда. В Балхе правил наместник султана.

Раньше Абу Али отказался бы от приношения. Сейчас же он взял и халат и деньги с благодарностью. На деньги можно было купить бумагу.

У хозяина караван-сарая болел сын. У него чесались ноги. Мальчик расчесывал их до крови. Временно зуд

утихал, потом начинался снова. С сыном отказывались играть соседские мальчишки.

— Хороших врачей в Джурджане нет. Был когда-то большой врач — хаким у эмира Кабуса на службе — Абу Сахл Масихи. Ученейший человек. Может быть, вы слышали о таком? — говорил хозяин караван-сарая. — Так он переехал в Гургандж. Ну к нему бы я не посмел обратиться. Но у Масихи были ученики. Конечно, их теперь нет. Не стало эмира Кабуса, не стало и близких ему людей. Сын Кабуса, новый эмир, мечтает о дружбе с султаном Махмудом.

Абу Али нашел нужный корень. Корень рос в земле тут же, рядом с караван-сараям. Растер этот корень, попросил немного бараньего жира. Приготовил мазь.

Хозяин смазал этой мазью ноги своего сына всего три раза — и зуд прекратился вовсе. Но Абу Али велел мазать ею дней десять, чтоб лечение было законченным. По секрету от всех хозяин и себе стал мазать ноги — на будущее — вдруг и у него зачесутся.

Абу Али мог теперь жить в караван-сараях у хозяина хоть всю жизнь — и бесплатно.

Слух о чудесном враче — хакиме — пошел по всему кварталу. Каждое утро сходились к Абу Али больные люди.

— Очень знающий хаким, — передавали они друг другу, — моего соседа излечил, брата моей жены вылечил. И берет недорого. Сколько дашь, столько и возьмет. Больше не спросит.

У Абу Али появились небольшие деньги.

«Может быть, я и достиг всего, для чего был рожден, — думал он иногда. — Лечу людей. Люди радуются и благодарят. Ни от кого не завишу, никому не обязан. Могу продолжать труды в науке. Жаль, вот только не с кем посоветоваться, поспорить».

Жил в Джурджане человек, которого звали Абу Мухаммад аш-Ширази. Он был богат, имел большое поместье. Любил поговорить о науках. Однажды он вывихнул руку, упав с лошади. Абу Али приходил к нему в дом накладывать лечебную повязку.

В доме у Ширази Абу Али увидел метафизику Аристотеля. Ту самую, ключи к пониманию которой дал ему Фараби.

— Очень трудная книга, — сказал аш-Ширази, — путаная и непонятная.

Абу Али объяснил ему несколько основных положений.

— Вот как, — удивился хозяин богатого дома, — оказывается, ты не только хороший врач, ты еще и глубоко изучил философские науки. Подобной глубиной знаний обладали лишь два известных мне человека. Однажды мне посчастливилось даже побеседовать с ними...

— Бируни и Масихи? — спросил Абу Али.

— Да, — еще больше поразился аш-Ширази. — Тебе тоже известны их имена? Хотя, постой... Не удивляйся моей просьбе, подойди к окну и повернись правой стороной лица.

Абу Али удивился, но к окну подошел.

Аш-Ширази вглядывался в него несколько минут.

— Неужели счастье посетило мой скромный дом, — внезапно заговорил он, — и я вижу самого Абу Али Хусайна ибн-Абдаллаха ибн-Хасана ибн-Али ибн-Сину?

— Как ты узнал мое имя? Те, кто знает меня в этом городе, зовут меня просто Абу Али.

— Свет радости коснулся моих глаз! — продолжал аш-Ширази. — Значит, я первый должен сообщить тебе приятную новость?

— Какую новость? — спросил Абу Али и тут же по-

думал: «Может быть, брат приехал и разыскивает меня?»

— Тебя приглашает к себе на службу сам султан Махмуд Газневи!

— Как он может меня приглашать?

— Вероятно, ты давно не был в нашей соборной мечети. Сходи, сходи. Ты увидишь на стене мечети самого себя. Собственное изображение. Это изображение прислал султан Махмуд нашему эмиру Манучихру. А Манучихр велел вывесить его на стене соборной мечети. Ну, что же ты не радуешься?

— И там есть надпись?

— Еще какая! «Султан Махмуд Газневи приглашает к себе на службу мудрейшего и ученейшего (далее идет твое имя). А всякого, кто увидит тебя, султан Махмуд просит немедленно сообщить хатибу, или имаму, или эмиру, за что и получит полагающуюся награду».

— Спасибо, — сказал Абу Али.

Он пытался сказать это радостным голосом, но не получилось.

— Мне кажется, тебя беспокоит моя новость, — сказал аш-Ширази. — Считай, что ты находишься в доме друга. Я слышал, что Бируни и Масихи отправились из Джурджана на службу к хорезмшаху. Что же заставило тебя покинуть друзей и оказаться здесь?

Терять было нечего. Абу Али ответил прямо:

— Приглашение султана Махмуда. Ты ведь слышал, как он поступил с поэтом Фирдоуси, и знаешь о его жестокости и коварстве. Султан потребовал наше собрание к себе, и нам пришлось уйти из Хорезма. Старый Масихи погиб в песках. Он отправился в Джурджан вместе со мной. А Бируни должен быть у султана. — Абу Али смотрел прямо в глаза аш-Ширази.

От того, что решит теперь аш-Ширази, зависело многое.

«Неужели сегодня же придется нанимать верблюда и уходить? А куда уходить? Руки у султана Махмуда длинные».

— Я все понял, — сказал аш-Ширази. — И ты напрасно остановился в караван-сараях. Тебе надо меньше бывать на людях. Не я, так другой узнал бы тебя. Ты должен купить дом и жить в нем незаметно, если хочешь оставаться в нашем городе. — Аш-Ширази задумался. — Мой сосед продает дом, уезжает в Нишапур. — Аш-Ширази снова умолк. — Я не знаю, как лучше обратиться к тебе с такой просьбой. Вероятно, лучше было бы начать издали... Всю жизнь я мечтал наслаждаться беседой с образованными людьми. Если я куплю этот дом для тебя, ты согласишься хотя бы изредка разъяснять мне непонятные места в сложных книгах? Или, быть может, ты написал бы специально для меня книгу о своих знаниях? Имя твое я сохраню в тайне. Я готов молиться дни и ночи, лишь бы снизошел до моей просьбы.

Через несколько дней Абу Али простился с хозяином караван-сарая и перешел в дом, купленный аш-Ширази.

У мусульман было не принято рисовать людей. Можно изображать птиц, сказочных зверей, цветы и фрукты. Но как можно было нарисовать, например, женщину, если свое лицо она прятала от посторонних взглядов под покрывалом?!

Племянник хорезмшаха Аррак однажды во время веселой беседы набросал портрет Ибн-Сины.

Теперь такой портрет висел на стене соборной мечети. Конечно же, портрет делал сам Аррак. Значит, он

уже при дворе султана Махмуда. И конечно же, не по доброй воле пришлось ему рисовать портрет друга. Однажды Абу Али подошел к соборной мечети, когда там не было людей.

«Что стало с твоими друзьями, Хусайн? Как Бируни? Он не привык покоряться, а султан требует полного подчинения. О Хорезме мало известий. Говорят лишь, что хорезмшах скоропостижно умер, и теперь на престоле его брат, Мамун, другой дядя Аррака».

Абу Али отправил еще одно письмо в Гургандж. Письмо должен получить его друг — купец. Он уж передаст послание Ширин, а может быть, брату Махмуду. Абу Али даже деньги переслал им вместе с письмом. Небольшая, но все же поддержка.

А форму бороды и усов надо изменить. И чалму придется иначе повязывать. Тогда узнать его будет сложнее.

Еще в караван-сарай Абу Али познакомился с юношей Джузджани, который охотно взялся помогать ему готовить лекарство. Абу Убейд ал-Джузджани был шиитом. Он бежал от служителей Махмуда. Он не знал еще тогда, что станет учеником Абу Али на всю жизнь, что двадцать пять следующих лет будет следовать повсюду за учителем.

Пока он только робко входил в дом. Если Абу Али в это время писал, ученик замирал, старался, чтобы даже дыхание не мешало думать учителю. Незаметно для себя он перенимал от Абу Али все: походку, порывистые движения, привычку щурить глаза, задумавшись.

Абу Али пересказывал ему главы из «Альмагеста». Рассказывал, как он по-своему понимает многие мысли древнего греческого астронома Птолемея. Иногда,

увлекшись, вспоминал споры с Бируни. Бируни так и не отказался от мысли о движении Земли вокруг Солнца. Абу Али и сейчас, при ученике, начинал спорить с Бируни. Причем, словно играя с самим собой в шахматы, он то приводил доказательства за Бируни, то за самого себя. Джузджани внимательно слушал все, сидя на ковре рядом. Однажды Бируни переспорил, и Абу Али вдруг смущенно замолчал. Он искал точные, практические доводы, чтобы победить соперника, но доводы оказывались зыбкими, уплывали...

Потом Джузджани попросил продиктовать учителя книгу по логике. Четким, красивым почерком он аккуратно записывал под диктовку мысли учителя. Так появилась книга «Среднее сокращение по логике».

Для благодетеля аш-Ширази тоже полагалось написать книгу.

Аш-Ширази приходил каждый вечер и внимательно выслушивал новые страницы из книги, которые Абу Али ночью писал для него. Абу Али увлекся и вместо одной книги написал две. Философскую — «Появление и возвращение». И книгу о явлениях, которые наблюдал он сам, — «Совокупные наблюдения».

Самую главную свою книгу, книгу всей жизни, книгу, которая была необходима каждому врачу, он тоже наконец начал писать. «Канон врачебной науки» — называлась она.

Так день проходил за днем.

Утром — «Канон».

Днем — занятия с Джузджани.

С ним очень хорошо работалось. Он не просто записывал то, что диктовал учитель. Он еще и старался понять каждую фразу. Поэтому, если Абу Али говорил слишком сложно, Джузджани тут же просил объяснить. Абу Али принимался говорить проще. Книга по логике,

которую Абу Али продиктовал ученику, была очень доступной.

После занятий с Джузджани Абу Али обдумывал новые работы. Он всегда писал несколько книг сразу.

Вечером приходил аш-Ширази.

Потом наступала ночь, и Абу Али писал книги для аш-Ширази.

А потом начиналось утро.

Из Гурганджа не было никаких вестей.

Абу Али написал снова. На этот раз он написал два одинаковых письма и отправил их с разными людьми.

Не знал Абу Али, что купец давно уже погиб во время переправы через Волгу. А старший сын купца, продав отцовский дом, уехал в другой город вместе со всей семьей.

Аш-Ширази прибежал к Абу Али утром. Он всегда приходил вечером, и его утренний приход был непривычен.

— Все пропало, — сказал аш-Ширази. — Кто-то узнал тебя и донес эмиру Манучихру. Эмир давно хочет подтвердить свою любовь к султану Махмуду. В любой час сюда могут прийти гулямы и отвести тебя к эмиру. Я без твоего позволения раскрыл наш секрет родственнику. Родственник соседствует с везиром эмира. Везир рассказал по секрету родственнику о том, что эмиру донесли о твоём проживании в нашем городе. Родственник сразу известил меня. А я — тебя.

— Придется перейти снова в караван-сарай, — сказал Ибн-Сина.

— Нет-нет. Я уже приготовил для тебя коня. А родственник — он даже написал рекомендательное письмо к правительнице Рея, Сайиде. Ты поедешь в Рей.

В это время в дом вошел Джузджани.

— Это мой ученик, и мне нечего скрывать от него, — сказал Абу Али. — Придется тебе заканчивать занятия с другим учителем, — сказал он Джузджани. — Я должен срочно уехать. Эмиру донесли обо мне.

— Я поеду с тобой, учитель, — тихо сказал Джузджани.

— Ты подумай как следует. Ты можешь приехать позже, если так захочешь.

— Я уже решил.

— Но я не могу обещать тебе спокойную жизнь. Абу Али говорил, складывая одновременно книги:

— Ты все-таки подумай.

— Я уже думал, — Джузджани сказал это твердо, — тебе ведь нужен друг и помощник?

— Кто в нашей жизни откажется от дружбы...

— Тогда я поеду с тобой, учитель.

Через час они уже выезжали из Джурджана.

Сайида — это значит «госпожа». Так зовут правительницу города Рея. Город большой, ему принадлежат многие окружные земли.

Раньше правителем был муж Сайиды. Потом он умер. У них остался маленький болезненный мальчик Маджд. Сайида стала править за Маджда.

Это немного нелепо, когда женщина, прячущая лицо от посторонних взглядов, руководит государством. С нею советуются везир, военачальники, кади, вельможи. Она раздает им указы.

Евнухи, ее послушные слуги, нашептывают об исполнении этих указов, пересказывают городские сплетни.

В этой же комнате в углу сидит мальчик Это ее сын.

Мальчику скучно. Официально он правитель государства, эмир. Но вместо сына, пока он не повзрослеет, руководит мать.

Мальчик подросток. Он уже юноша. Чуткие слуги следят за каждым его шагом. Вот он странно моргнул, когда проходил мимо везира. Надо доложить госпоже. Не заговор ли надумал ее сын. Не хочет ли он забрать власть. Вот он бродит по парку и все кружит мимо одного куста. Надо потом проверить этот куст, не прячется ли там кто, не шептались ли они.

И как он спит — надо проверить. И как он ест — подсмотреть.

А лучше будет, если вообще из дворца его не выпускать.

— Говорят, он стал сидеть в своей комнате один, заперев двери?

— Так и сидел весь день, никого не впуская.

— А что он делал там, в комнате?

— Ничего.

— Да-да. Он уже давно таким стал: не выходит никуда, никого не хочет видеть. Сидит и молчит один в своей комнате. День молчит, пять дней может отмолчать.

— Не может быть.

Тут Сайида испугалась. А вдруг сын серьезно болен? Конечно, хочется и повластвовать, но без наследника и власть впустую. Надо ведь сыну передать власть, не чужому же.

А везир как раз докладывает, что в Рей прибыл известный врач и философ Ибн-Сина.

— Он самый, — говорит везир. — И похож на тот портрет, который прислал султан Махмуд. Что с ним, с Ибн-Синой, делать? Может быть, окружить почетом, приставить гулямов и отослать к султану?

— Почетом окружить, — решает Сайида, — а отсылать к султану не надо. Мы султану не подвластны. Султану до нас далеко. А если мы пошлем к нему Ибн-Сину, султан решит, что мы хотим ему подчиниться. Пусть-ка лучше врач полечит сына, может, и вылечит. Наши доктора признают болезнь, но не находят ее причину. Быть может, приезжий найдет.

Первый раз за долгое время Абу Али не скрывается. Он легко идет по улицам города. И с ним уже здороваются встречные. Потому что это добрый человек. О нем говорят, что он лечит всех. А особенно охотно берется он лечить сложные болезни. Говорят, он даже сына госпожи взялся вылечить от меланхолии.

Портрет Ибн-Сины, присланный султаном, Сайида держит у себя. Оставаясь одна, она часто разглядывает его.

На портрете — молодое лицо: лет тридцать, а может, и меньше. Говорят, о мудрости его уже ходят легенды. Такой молодой... Хотя пророк был еще моложе, когда женился на Хадидже. А могла бы быть и у Хадиджи такая же вдовья судьба, как у нее, у Сайиды. Красивое, благородное лицо у этого Абу Али. Надо спросить евнухов, как он там лечит сына.

А евнухи докладывают забавное.

Водит новый врач Абу Али ее сына по парку. И сидят они там, в тени деревьев, беседуют. Абу Али рассказывает истории, Маджд слушает, евнухи тоже — подслушивают...

Маджд жил в большом дворце один. Кругом было много слуг, но он оставался одиноким. Мать не подпускала к нему детей. У него не было ни товарищей, ни собеседников.

Абу Али почти не лечил его лекарствами. Давал лишь общеукрепляющие. Зато стал с ним много гулять.

Потом пришел во дворец рано утром и заставил его, самого Маджда, делать гимнастику.

Потом попросил слуг убрать мусор со дна бассейна. Этот бассейн был вырыт посреди сада, и долгие годы его не заполняли водой. Абу Али принялся учить сына Сайиды плаванию.

Через несколько месяцев ничто не угрожало здоровью Маджда. Он стал нормально разговаривать с людьми, иногда даже сам вступал в беседы.

В Рее Абу Али написал «Книгу возвращения».

Рано утром приходили к Абу Али больные, и он лечил их.

Потом Абу Али отправлялся во дворец и занимался с Мадждем.

Потом он возвращался домой, занимался с учениками. Вместе с учениками сидел и Джузджани.

Некоторые ученики приходили дважды в день — рано утром, когда Абу Али принимал больных, и вечером — на занятия философией, математикой, физикой.

Ночью Абу Али оставался один. «Канон врачебной науки» продвигался медленно.

«Хорошо бы лет пять-шесть спокойной жизни», — думал Абу Али.

Но спокойной жизни быть не могло.

Случилось самое страшное.

К Рею приближались войска султана Махмуда Газневи.

— Мало ему ежегодных походов на Индию, — говорила Сайида, — он еще и нас хочет прибрать к рукам. Он требует, чтобы мы платили ему дань, славили его в мечетях. Чтоб на наших монетах стояло его имя.

Везир Сайиды вызвал Абу Али во дворец для секретного разговора.

Абу Али знал, о чем пойдет речь. Джузджани уже с утра укладывал книги.

— Наша госпожа полна благодарности к Абу Али за излечение ее сына Маджда. И она была бы рада, если бы Абу Али остался гостем в ее городе на всю жизнь. Но Абу Али сам видит, что происходит. Город в опасности. И, как она понимает, Абу Али не хотел бы оказаться пленником султана Махмуда. Поэтому госпожа написала письмо к брату своего мужа, к Шамсу у-Даула. Он правитель Хамадана. Здесь письмо и деньги на дорогу. Лошади и слуги готовы отправиться в путь.

Так Абу Али расстался с еще одним городом.

Вместе с Джузджани они отправились в Хамадан.

Умной Сайиде все же удалось договориться с султаном Махмудом.

Писатель Кай-Каус, внук эмира Кабуса, так рассказывает об этом в своей книге «Кабус-наме»: «Султан Махмуд ибн-Себюк-тегин послал к Сайиде гонца и сказал: «Нужно, чтобы ты ввела хутбу, и чеканила монеты на мое имя, и согласилась на дань, а если нет, я приду, возьму Рей и разрушу его». Сайида ответила: «Скажи султану Махмуду — пока был жив мой муж, я все опасалась, как бы не привел тебя сюда и не напал бы ты на Рей. Но когда муж умер и обязанность легла на меня, эта забота ушла из моего сердца. Теперь, если ты придешь, я в бегство не брошусь, а пой-

ду в бой. Ведь исхода может быть только два: из двух войск одно будет разбито. Если я тебя разобью, я по всему миру разошлю донесения, что я разбила султана Махмуда, который ранее разбил сто царей; если же ты меня разобьешь, что ты сможешь написать? Скажешь, женщину я разбил. Не достанется тебе ни донесений, ни победных стихов. Ибо разбить женщину — невелика слава. Скажут: «Султан Махмуд женщину разбил».

И пока она была жива, Махмуд ее не тревожил, не нападал на Рей».

Но Абу Али и Джузджани были уже далеко за перевалами. Они пришли в Хамадан.

Везир в Хамадане

«**М**не уже тридцать четыре года, — думал Абу Али, идя во дворец правителя Хамадана. — Это возраст, когда подводят первые итоги. Это возраст, когда уже построен фундамент и стены построены — остается лишь крыша да внутренняя отделка, чтобы было готово здание жизни. А где мой фундамент? Как высоко мое здание? Я еще многого не успел и почти ничего не сделал из того, что задумывал. Зачем я тогда живу?»

Он вспомнил стихи, которые сочинил недавно, в дороге:

Спокойно зажил бы, отраду обрета,
О, если бы познать, кто я! Хотя бы раз
Постигнуть, для чего скитаюсь я сейчас?
А нет — заплакал бы я тысячами глаз.

— Плакать? — сказал он самому себе. — Нет, надо не плакать.

И хотя на душе было тоскливо, он ответил самому себе своими же стихами:

Плохо, когда сожалеть о содеянном станешь,
Прежде чем ты, одинокий, от мира устанешь,
Делай сегодня то дело, что выполнить в силах.
Ибо возможно, что завтра ты больше не встанешь.

А эти строки он сочинил во время бедственной своей жизни в Джурджане в караван-сараяе. Он пересчитывал тогда несколько раз в день свои монеты, и голодные мысли уговаривали его, что лучше купить лепешку из дешевого ячменного хлеба, чем несколько листов бумаги.

Во дворец Абу Али не пустили.

— Наш господин занят, — сказали ему, — он пирует, празднует победу над Хилалом.

— Но у меня к нему важное дело, — пробовал спорить Абу Али.

— Ничего, подождет твое дело, не такое уж оно важное, не важнее нашего господина Шамса.

Потом вышел какой-то вельможа.

— Это Тадж ул-Мулк, приближенный самого эмира Шамса, обратись к нему, он посмотрит, какое у тебя дело, — сказали Абу Али.

Тадж ул-Мулк презрительно посмотрел на Абу Али и стал вскрывать грамоту, написанную Сайидой.

— Госпожа говорила мне, чтобы это письмо я отдал лично в руки эмиру, — сказал было Абу Али.

Но Тадж ул-Мулк сразу перебил его:

— Мой господин позволяет мне читать любые письма.

Он бегло прочитал послание, потом взглянул на Абу Али.

— Госпожа пишет, что ты большой ученый и известный врач. Мне ты не известен. А если ты не известен мне, значит, не такой уж ты и известный. При дворе нашего эмира много врачей. И все они бездельники, ни за что получают деньги. Эмир здоров благодаря воле аллаха, и еще один врач ему не требуется. Тебе придется поискать службу в другом месте. Разве что взять тебя

писцом. Но и писцов у нас слишком много, грамотные все стали. Подожди, кто-нибудь из писцов умрет, тогда я тебя назначу на службу.

Абу Али не стал слушать продолжение этих речей...

Он вышел из дворца и направился к караван-сарая.

«Врач, по крайней мере, требуется не одним правителям», — подумал он.

Они поселились в караван-сарай.

И уже через несколько дней стали приводить, приносить на носилках к Абу Али больных людей.

Джузджани помогал учителю.

— Я не перестаю удивляться, учитель, твоему умению, — говорил он. — Сейчас был мужчина, он даже не мог толком объяснить свою болезнь, а ты обнаружил у него зарождающуюся опухоль в желудке. Ты ведь не заглянул ему внутрь?

И Абу Али вновь объяснил ученику. Он рассказывал Джузджани о пульсе.

— Пульс — это движение сосудов, слагающееся из сжатия и расширения, — говорил Абу Али. — Некоторое время я упускал период сжатия. Я повторял исследования до тех пор, пока не почувствовал все его признаки. После этого передо мной открылись врата познания пульса. Я различаю особенности пульса ровного и неровного, — продолжал он.

Джузджани напрягал память, старался все запомнить.

— Пульс может быть волнообразный и веретенообразный, двухударный, долгий, дрожащий, короткий, малый, медленный, муравьиный. И все это надо уметь отличать. Пульс бывает также мягкий, напряженный, нервный, низкий, пилообразный, полный, пустой.

— Этого я не читал в медицинских книгах! — удивлялся Джузджани.

— В книгах этого нет, — соглашался Абу Али. — О пульсе я напишу особый трактат, возможно, он войдет в «Канон». Жаль, что редкие врачи пока могут различать движения сосудов. Некоторые болезни, особенно скрытые от глаз, я определяю только по изменению пульса. Природа пульса сходна с природой музыки. По нарушению гармонии пульса можно отыскать тайную болезнь.

Недалеко от Хамадана жил мелкий правитель Кадбанувейх.

У правителя шатались зубы. Они были слабы с детского возраста, а сейчас он не мог даже раскусить яблоко.

Хозяин караван-сарая был дальним родственником Кадбанувейху. Однажды они встретились, и хозяин рассказал об удивительном враче, который поселился у него в караван-сараяе.

— Руками его управляет сам аллах, — повторял он с восхищением.

Кадбанувейх написал письмо к Абу Али. В письме он приглашал врача со всеми домочадцами переехать к нему на службу, описал свою болезнь.

Домочадцев у Абу Али по-прежнему не было. Был лишь ученик, друг и помощник Джузджани.

Вместе они переехали к Кадбанувейху.

Лечение оказалось простым.

Слуга привез из Хамадана смолу «зифт». Абу Али приготовил смесь из смолы, воска и меда. Это средство Кадбанувейх должен был жевать постоянно. Полезные вещества из смеси переходили в десны. Зубы закреплялись.

Кадбанувейх забросил все дела, сидел в комнатах и жевал лекарственную смесь.

Иногда он, смеясь, подзывал слугу и предлагал:

— Омой руки и потрогай вот этот мой зуб.

Слуга нерешительно трогал передние зубы Кадбанувейха.

— Трогай, трогай, не бойся.

Слуга трогал смелее.

— Видишь, вовсе перестали шататься. Оказывается, не все врачи обманщики.

Кадбанувейх был совсем мелким правителем. И, может быть, поэтому он особенно важничал. Всем подчиненным своим он давал звучные титулы. Абу Али он тоже хотел одарить званием — «знаменитое солнце славы».

Теперь ему полюбилися врачебный осмотр. Ежедневно приходил к нему Абу Али. Кадбанувейх ложился, садился, замирал, начинал шумно дышать. При этом он старался сохранить важное, торжественное лицо.

Абу Али изучил все шумы организма Кадбанувейха. Как и в каком месте отзывается на простукивание грудная клетка. Все изменения пульса хорошо помнил Абу Али. И любил удивлять своего правителя.

— Сегодня правитель плохо спал, а утром он был немного взволнован, — говорил Абу Али.

— Верно, — удивлялся Кадбанувейх проницательности своего врача, — всю ночь выли собаки, а утром я за это ругал своих слуг.

— Правитель съел мясо молодого барана. Мясо было слишком поджаренным, — говорил на другой день Абу Али, пощупав желудок и прослушав пульс.

— Верно! — снова удивлялся Кадбанувейх. — Я уже велел наказать своего повара.

Зубы у властителя совершенно окрепли. Абу Али вылечил головную боль у начальника канцелярии, хронический понос у сына начальника канцелярии.

По утрам он по-прежнему принимал больных. К нему приезжали многие из тех, кого он начал лечить в Хамадане. Город был недалеко. Дорога длилась два-три фарсага.

В хамаданском караван-сараяе он мог делать лишь простые операции — вправлять вывихи, исправлять искривленные позвоночники. Здесь, в хорошем светлом помещении, он удалил камень из мочевого пузыря больному, который приходил к нему в караван-сарай несколько раз. Хирургические инструменты были у него старые. Те, которые еще подарил ему в Бухаре Камари. И те, которые сделали Абу Али в Хорезме и Гургандже опытные мастера по его собственным чертежам.

Оперировать помогал Джузджани. Нескольким больным Абу Али вырезал полипы в носу, пятилетнему мальчику заправил глазную фистулу. Операциями на глазах он особенно гордился.

— Я обязательно должен описать их в «Каноне», — говорил он вечером ученику, — чтобы каждый врач научился делать эти операции.

Вечером Абу Али продолжал писать «Канон».

Джузджани переписывал набело.

— Учитель, я переписал сегодня двадцать страниц и ни разу не обнаружил упоминания об аллахе, — иногда говорил Джузджани.

— Да, это ты верно заметил. Вставь его раза два там, где найдешь это нужным.

И аккуратный Джузджани фразу «и такая болезнь излечивается описанным мною лекарством» исправил на: «и такая болезнь благодаря аллаху излечивается описанным мною лекарством».

Иногда во время осмотра Кадбанувейх спрашивал:

— Абу Али, это верно, что ты тот самый Ибн-Сина, которого приглашает на службу сам султан Махмуд? Говорят, он даже разослал сорок твоих портретов по разным городам. Говорят, и у нашего правителя Шамса уд-Даула тоже есть твой портрет.

— Да, меня приглашал султан, — отвечал Абу Али.

— Сам султан тебя приглашает, а ты к нему не едешь, — начинал смеяться Кадбанувейх, а потом надувался от спеси еще сильнее. — Султан приглашает, а ты служишь у меня.

У эмира Хамадана Шамса уд-Даула начались рези в животе.

Недавно он пировал во дворце, праздновал свои военные победы, кругом бродили хмельные вельможи. А теперь во дворце было тихо.

Слуги ступали едва слышно и шипели друг на друга:

— Тихо! У правителя болит живот!

Кричал лишь один человек — сам правитель.

Правитель Шамс боялся смерти. Он хватал своих приближенных за руки и спрашивал, заглядывая в глаза:

— Что сказали врачи? У астрологов спрашивали? Где мой гороскоп?

Показывать Шамсу гороскоп стеснялись.

По предсказаниям астрологов Шамсу на эти дни выпадали крупные боевые успехи и достижение желаний.

А он лежал в подушках, корчился от боли, кричал и ругался.

Тадж ул-Мулк вдруг вспомнил об Ибн-Сине.

«Надо сказать о нем Шамсу, — решил Тадж ул-Мулк. — Если этот врач вылечит, мне выпадет награда за то, что я привел его. Если не вылечит, тут уж наказание выпадает на самого врача. Мое дело привести».

В промежутке между приступами, когда правитель Шамс лишь слабо охал, Тадж ул-Мулк рассказал ему об Абу Али, приходившем с рекомендательным письмом от самой Сайиды.

— О чем ты думал все время! — закричал Шамс, забыв про боль. — Ты тоже, как и они, — он показал на своих придворных врачей, — уморить меня хочешь. Быстро его разыскать!

Помчались всадники по караван-сараям.

— Да, был такой врач, — сказал хозяин самого бедного караван-сарая, — уехал теперь на службу к Кадбанувейху. Многих больных излечил. Некоторые теперь ездят лечиться туда.

— Кадбанувейх — мой подчиненный. Забрать у него врача! — командовал Шамс.

На другой день Абу Али и Джузджани выехали вновь в Хамадан.

Их везли воины Шамса. Воины так торопили во время сборов, что Абу Али заподозрил обман.

— Совсем недавно Шамс был здоров. Может, мы нужны ему как подарок султану Махмуду? — советовался он с Джузджани. — Хотя до сих пор Шамс сторонился дружбы с султаном... Попробуем сбежать по дороге?

Воины следили за ними, и сбежать не удалось.

Джузджани остался ждать около дворца.

Абу Али ввели во дворец. Его встретил тот же Тадж ул-Мулк. Теперь Тадж ул-Мулк радостно кивал. Абу Али уже из дальних комнат услышал крики больного Шамса. Он понял, что его не обманули.

Картина болезни была ясна. Язвы в желудке и в кишечнике. Та же история, что и с эмиром в Бухаре. Слово все крупные властители договорились болеть одинаковой болезнью.

Абу Али велел сразу приготовить болеутоляющее. Оно состояло из тмина, семян петрушки, семян моркови, горького миндаля на меде.

Абу Али проследил сам, как придворный врач готовил это средство.

Через полчаса Шамс уже проглотил шарик величиной с плод боярышника и запил теплой водой.

Скоро Шамсу стало лучше. Абу Али велел приготовить еще и мятный отвар, успокаивающий боль в кишечнике.

— Так это ты — тот самый врач, который приехал из Рея от вдовы моего покойного брата? — спросил Шамс, когда Абу Али стал осматривать его более внимательно.

— Да, это я. — Абу Али хотел достать рекомендательное письмо.

— Не надо писем. То, что ты сейчас сделал, говорит лучше всяких писем.

Абу Али обдумал план лечения. Он выписал испытанное много раз лекарство. Оно состояло из клубней сыти, семян тмина, мелкого ладана, смолы терпентинового дерева, масла хны и других веществ.

В это время Шамсу принесли в кубке вино. Вино поставили и перед Абу Али.

— С этим придется подождать до полного излечения, — сказал Абу Али. — Я не враг вину, но только когда оно приносит пользу. Сейчас после вина к тебе вернутся боли, и даже я не сразу смогу помочь.

— Ладно, неси назад, — скомандовал слуге Шамс, — только смотри, по дороге не выпей.

Абу Али поднялся.

— Куда ты? — удивился Шамс. — Сначала вино запретил пить, теперь сам уходишь. Если я болен, значит

ты должен быть при мне. Если здоров — тогда разреши вино.

— Но около дворца меня ждет мой... родственник, — сказал Абу Али. — Ему некуда деться.

— Чего же ты молчал? — удивился Шамс. — Сказал бы сразу. Все только и делают, что вытягивают из меня деньги. А ты молчал. О родственнике твоём позаботятся. Снимут дом. А тебе отведут комнату в моем дворце.

Долго лечил Абу Али Шамса уд-Даула, правителя Хамадана.

Боли, которые иногда возникали, были уже слабыми. Потом прошли совсем.

— Ну, сегодня ты позволишь мне пить вино? — спрашивал каждый день Шамс.

Лекарства действовали хорошо. Абу Али чувствовал, что язвы уже затянулись. Хотя лечение надо было продолжать.

Скрепя сердце на сорок первый день Абу Али разрешил Шамсу выпить половину кубка молодого виноградного вина.

В тот же день его проводили домой. Этот дом сняли для него и для Джузджани. Дом был большой, с богатым убранством.

Джузджани давно уже расставил все книги, необходимые для работы.

Рукопись «Канона» лежала открытая как раз на том месте, на котором прервал ее сорок дней назад Абу Али.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рождение города Хамадана теряется во мраке тысячелетий. Редкий житель знает, что Хамадан назывался когда-то иначе — Экбатана. Город Экбатана был столицей великой страны — Мидии.

Дарий Первый разъезжал в колеснице по своему главному городу. Знаменитый Искандер — блистательный полководец Александр Македонский захватил Экбатану приступом, победив войска Дария Третьего. Тайные сокровища, роскошную казну получил тогда Александр Македонский. А было это в 324 году новой эры, за тысячу триста лет до жизни Абу Али. И провел Александр Македонский в Экбатане конец лета и осень.

Полуграмотные медники и сапожники, хатибы и кади ежедневно проходят мимо огромных развалин — широких стен и не догадываются, что на этом месте стоял великий храм — Акрополь, описанный древним историком Геродотом.

Зато прохожие любят пинать мощного каменного льва — тысячу лет этот лев стоял на постаменте. А когда в Хамадане воцарились деды эмира Шамса, они повелели сбросить его на землю как ненужную языческую скульптуру. Там он проваляется без присмотра следующую тысячу лет. И не знают прохожие и мальчишки, pinaющие каменное изваяние для забавы, что через тысячу лет после их жизни иранское общество по охране памятников в 1909 году снова поставит льва на особую площадку.

Шамс опять собирался в военный поход.

Он хотел отправиться в гористую местность, где расположен город Кирманшах. Он надеялся победить правителя Кирманшаха, завладеть его казной и пополнить казну свою, совсем опустевшую.

Абу Али было приказано следовать вместе с Шамсом.

— Ты мой личный врач, и ты будешь всюду со мной, пока я жив, — повторял несколько раз Шамс.

За несколько дней до выхода войск Шамс сказал Абу Али:

— Всюду только и рассказывают о твоей учености. Приезжал шейх из Багдада, спрашивал: верно ли, что в моем городе живет сам Ибн-Сина — великий философ.

Я говорю — верно. Он у меня служит личным врачом. Он только что осматривал мой живот.

— Да, я получил несколько писем от багдадских ученых. И сам написал им. Они читали мои работы...

— В астрологии ты, конечно, тоже образован? — спросил Шамс.

Абу Али неопределенно кивнул. Не убеждать же Шамса в бесполезности предсказаний по звездам, если его с детства учили верить в астрологию.

— Подготовь-ка мне гороскоп. Благоприятное ли я время выбрал для похода? Мои астрологи говорят, что самое лучшее. Но все они жулики и в науке о звездах смыслят мало. Вот мы с тобой их и проверим.

Вечером, разговаривая с Джузджани, Абу Али принялся составлять гороскоп. Джузджани удивился этому. Он знал, что учитель всегда смеялся над астрологами.

— Бируни тоже составлял гороскопы для эмира Кабуса, — сказал Абу Али, — хотя с его предположениями о движении Земли вокруг Солнца только гороскопы составлять!

Придворные астрологи предсказывали удачу, победу, наживу.

А Абу Али наоборот — неудачи, поражения.

«И без гороскопа ясно, что Шамс проиграет, — подумал Абу Али. — Незнакомая горная страна. Народ ее силен. А даже если Шамс и победит ненадолго, то кому от этого будет польза — алчным военачальникам? Только им. Пытаясь отговорить Шамса от похода», — решил Абу Али.

— Врач ты, конечно, хороший, — сказал Шамс, когда Абу Али пришел к нему с гороскопом. — И философ ты знаменитый. И в поэзии ты образован — это я тоже понял на своих вечерах. Но в астрологии ты не смыс-

лишь. Зря я тебя заставил ею заняться. В этот раз победа будет моей. И астрологи мои на этот раз сказали правду. Ты и сам поверишь, когда с моими войсками войдешь в Кирманшах.

Абу Али молчал.

— Что ты молчишь? — удивился Шамс. — Неужели ты думаешь, что я — полководец, о военном искусстве которого гремит повсюду слава, — тут Шамс гордо выпятил выздоровевший живот, — неужели ты думаешь, что я потерплю поражение от какого-то мелкого властителя? Да он будет кататься у моих ног, молить о милости.

Абу Али пробовал перевести разговор на другое. Он говорил, что люди в деревнях едят требуху. Что земли пересыхают. Что лучше бы сократить войско, а лишние деньги истратить на орошение. О том, что он, правитель Шамс, становится рабом собственных гулямов. Чем больше войско, тем больше денег уходит им на жалованье...

— Запутался ты, — оборвал Шамс. — Занимайся своим делом, лечи меня, и этого будет с тебя достаточно. А уж о жалованье войскам я и сам позабочусь.

Скоро войска Шамса уд-Даула вышли в поход на горную страну Кирманшах.

Через полтора месяца остатки этих войск, неся с собою позор, вернулись назад. Подъезжая к Хамадану, Шамс робко смотрел на ворота своей столицы. Правителя, потерпевшего поражение, могли и не пустить в город. И тогда он превращался в жалкого скитальца. Ворота города были открыты.

После проигранных сражений Шамс снова начал пить вино. Он запустил государственные дела, и без того уже запутанные.

«Разве так надо править страной! — думал Абу Али

часто. — Когда в руках у человека власть, перед ним открываются два пути. Первый путь — сделать свой народ зажиточным и просвещенным. Первый путь — это проводить каналы в голодные земли, освобождать от налогов обедневших крестьян. Первый путь — это путь к знанию. Надо открывать медресе и школы, строить больницы, поощрять искусства, ремесла, торговлю. Страна станет процветающей, народ ее — сильным. А слава правителя останется на века. И все будущие люди захотят изучать его дела, следовать его примеру. Но есть и другой путь — допустить к власти тупоумных и алчных. Они станут отнимать последний хлеб у крестьянина. Им не нужны ни знания, ни ремесла. Вся их забота о войске. Лишь на воинов их надежды, потому что народ ропщет. Алчные славят своего правителя, хотя могут в любой момент отказаться от него, стоит лишь кому-то пообещать им большую выгоду. «Отечество — там, где мне хорошо» — такую поговорку придумали они. Неужели никогда так и не придет к власти правитель мудрый и образованный? Неужели никогда не будет государства справедливого и процветающего?» — думал Абу Али.

Однажды между попойками у Шамса болела голова. Он вызвал к себе Абу Али. Абу Али лечил его специальным питьем.

— Я не вижу в твоих глазах должного к себе уважения! — сказал вдруг Шамс.

— Отчего же, я благодарен тебе. Ты снял для меня дом. У меня есть возможность заниматься наукой, учениками, больными...

— Ты думаешь, я забыл твой гороскоп? Все тогда ввали мне, ты один не боялся сказать правду. Я помню, как ты отговаривал меня от похода.

— Я могу лишь советовать, а все решает сам эмир...

—Кругом жулики, дураки и обманщики!

«Каков правитель, таковы и подчиненные», — подумал Абу Али, но промолчал.

— Что ты все молчишь? Или ты со мной не согласен?

— Я слушаю тебя, — сказал Абу Али.

— А я вот что решил... — Шамс замолчал на секунду. — Если ты такой ученый, ты должен разбираться и в государственных делах. Говорят, ты написал даже несколько книг для правоведов. Так?

— В молодости я увлекался толкованием законов, — сказал Абу Али задумчиво. Он пытался догадаться, куда приведут капризные мысли эмира Шамса.

— Если ты так хорошо знаешь законы и в других науках образован тоже, то тебе надо заняться делом.

— Я занимаюсь делом. Я слежу за здоровьем эмира, — начал Абу Али.

— Следи, следи. Хорошо следишь. Ну а чем ты еще занимаешься? Книги пишешь?

— Пишу. Сейчас кончаю первую книгу «Канона». Помнишь, я рассказывал однажды. Пишу еще две другие медицинские книги — книгу о сердечных лекарствах и книгу о коликах, желудочных резях.

— О коликах — это хорошо, — оживился Шамс. — Напиши ее так, чтобы каждый мог с ними справиться. И это все твои дела?

— Принимаю больных, занимаюсь с учениками.

— Больные и ученики могут подождать.

Абу Али снова промолчал.

Шамс вдруг засмеялся.

— Я считал тебя более проницательным. Полчаса я веду с тобой беседу, и любой придворный давно понял бы, к чему я клоню. Таджу ул-Мулку одного слова бы хватило.

Абу Али молчал.

— Или ты не рад моему предложению? Я хочу сделать тебя своим везиром, вторым человеком в державе, а ты даже не благодаришь меня.

— Это слишком высокое звание, — не сразу ответил Абу Али. — Оно потребует много сил, а я всю жизнь мечтал заниматься наукой...

— Хватит! — перебил его Шамс. — Ну почему так? Когда предлагаешь порядочному человеку заняться государственными делами, он обязательно отказывается. А жулики сами лезут отовсюду на должности. И после ты же считаешь, что не так правят страной. Ведь думаешь? Скажи честно.

— Думаю, — сказал Абу Али.

— Вот и начинай править так, как ты считаешь нужным. Человеку, который вступает на высокую должность, по закону полагается дарить халат. Завтра утром на тебя торжественно наденут этот халат и ты приступишь к делу.

— Я согласен, — сказал Абу Али. — Но я буду поступать только так, как я сам считаю нужным. Конечно, посоветовавшись с тобой, — добавил он. — И многие будут недовольны.

— Недовольных я беру на себя, — захохотал Шамс. — Иди, иди, голова моя прошла от твоего лекарства. Готовься к завтрашней церемонии.

На небольшой площади перед мечетью Абу Али попались два бродячих проповедника. Абу Али хотел объехать их. Внезапно проповедники преградили коню дорогу.

— Это он! Он! — закричал высокий проповедник, тыча рукой в сторону Абу Али. Глаза проповедника расширились от ненависти. — Это он околдовал нашего эмира Шамса! Это он плодит неверие в своих книгах.

Это он твердит ученикам, что мир вечен, а судьбы людей не зависят от воли аллаха. Жгите его книги, жгите! Казните его самого, казните! Или он принесет нам не-
счастья! Хватайте его!

Проповедник захлебывался в крике.

Прохожие останавливались. Некоторых прохожих Абу Али хорошо знал, он их лечил.

— Хватайте его, или беды свалятся вам на голову! — кричал проповедник.

Абу Али спокойно объехал его и направился к своему дому.

Везирство Абу Али ибн-Сины было недолгим.

В первый же день он предложил эмиру Шамсу несколько реформ:

1. Освободить от налогов крестьян, которые совсем обнищали.

2. Сократить войско вдвое, а освободившихся воинов направить на строительство каналов.

3. Заложить первые медресе и дом исцеления.

Шамс был трезв и старался выглядеть торжественно.

— Казна пуста, последние военные неудачи вовсе истощили ее, — доказывал Абу Али. — Войску нечем платить.

— А я возьму заём у купцов. Схожу в поход, возьму Тарим — богатый город около Кирманшаха. Войско будет довольно, и казна пополнится, — сопротивлялся Шамс.

— Тогда на твоей земле не останется крестьян, потому что они вымрут. А купцы не дадут займа в следующий раз. Если же ты сейчас, распустив половину войска, используешь деньги на орошение, то деньги эти вернутся в твою казну в следующем году. И казна твоя будет наполнена, а население сыто.

— Говоришь, казна точно наполнится? — спрашивал Шамс недоверчиво.

— Обязательно наполнится без всяких военных походов. А тех военачальников, которые будут недовольны, придется сместить.

— Это я сделаю, — важно проговорил Шамс.

На другой день войска восстали.

Военачальники не хотели покидать сытые должности.

Воины не хотели строить каналы. Они привыкли воевать и при этом грабить.

Эмир задолжал войскам жалование за полгода.

— Это все новый везир! — кричали военачальники. — Его поставил эмир, чтобы он заплатил нам жалование, а он деньги присвоил!

— Слышали, что о нем говорят? Неверный он и неверие вокруг себя плодит. Везир этот эмира нашего околдовал!

— Эмира околдовал, а жалование наше припрятал!

— Идите, идите, пощупайте его дом, — шептали военачальники своим воинам.

Абу Али ехал во дворец к Шамсу.

«Сегодня эта земля похожа на тяжелобольного, но первое лекарство уже готово, — думал Абу Али по дороге. — Сложные болезни отступают не сразу, с ними надо долго бороться. Страну тоже придется лечить долго. Но пройдет несколько лет, и все почувствуют, что она начинает выздоравливать».

А в это время воины ворвались уже в дом Абу Али. Растаскивали ковры, дрались из-за халатов.

«Только бы они не взяли книги учителя!» — молил про себя Джузджани.

— Вы сами видите, мы живем небогато, — пытался

втолковать он воинам. — Все лишние деньги учитель отдает больным, тратит на пищу и лекарства для них.

Воины не верили.

— Под деревьями рыхлая земля! — закричал вдруг один.

Все бросились в сад.

Джузджани сложил быстро книги, которые учитель писал ночами, в трепанные мешки. Мешки поставил у стены.

Навстречу Абу Али мчались всадники. Их было человек десять.

— Вот он! — закричали они. — Куда едешь?

Абу Али удивился. К везиру полагалось обращаться почтительно.

— Я еду во дворец к эмиру.

— Мы тебе поможем. Проследим, чтобы ты не убежал по дороге.

Вокруг дворца ходили, ездили верхом, сидели на земле воины.

Покои Шамса были набиты военачальниками.

— Привели наконец! — закричали они, когда Абу Али вошел.

Посреди военачальников сидел трясущийся Шамс. Вокруг кричали, махали руками, грозили кулаками, громко лязгали оружием.

— Отдай его нам, и мы казним его! — требовали военачальники. — Иначе мы не отвечаем за свое войско, за твой дворец и за твою жизнь.

— Казнить его! Казнить!

— Спасем эмира от колдовства! Казним неверного!

И тут Шамс внезапно нашелся.

— Вы уже опоздали со своими советами, — сказал он военачальникам. — Я сам еще утром решил сместить

везира. Он человек ученый, но в государственных делах разбирается плохо. Идите спокойно к своим воинам и скажите, что везир смещен.

— И наши должности останутся при нас, а все приказы везира будут отменены?

— Да. Все будет так, как хотите вы и хочу я. Идите, успокойте своих гулямов.

— И мы пойдем в новый поход?

— Я давно уже обдумал новый поход, но пока это должно быть тайной.

Военачальники пошумели еще немного и разошлись.

— Вот видишь, к чему привели твои советы, — сказал Шамс, когда они остались вдвоем. — А теперь тебе надо немедленно скрыться. У тебя много друзей, поживи тайно у них, пока все не успокоится. Ты сам видишь, что под угрозой была не только твоя жизнь, но и моя.

У выхода из дворца ждал Джузджани. Он повел Абу Али к зажиточному человеку Абу Саиду ибн-Дахдуку.

Когда-то Абу Али вылечил Абу Саида от лихорадки. Это было в те дни, когда Абу Али и Джузджани еще только прибыли в Хамадан и жили в караван-сараях. Абу Саид был образован. Ходили слухи, что он потомок одного из праведных халифов, сподвижников пророка.

Абу Саид сам пришел к разграбленному дому Абу Али и предложил Джузджани укрыться у него.

— Обычно говорят: «Находя одно, мы теряем другое», — сказал Абу Али, оглядев комнату и свои книги. — Я потерял должность везира и государственные заботы, зато смогу спокойно заниматься наукой.

Джузджани даже успел разложить книги учителя в том порядке, в каком они стояли там, в прежнем их доме.

Сорок дней жил Абу Али в доме Абу Саида.
Абу Саид ходил по дому осторожно и шепотом ругал близких за каждое громкое слово.

Из дома Абу Али не выходил ни разу.

Часто по улицам проезжали воины. Возможно, они искали его.

Абу Али писал не отрываясь все дни.

За сорок дней он закончил книгу о сердечных лекарствах. Сделал добавления в первую книгу «Канона врачебной науки».

Однажды Абу Саид сказал:

— Несчастный человек мой сосед. Стал плохо видеть. Мы с ним вместе росли. Всегда был зрячим, а теперь слепнет.

— Приведи сюда своего соседа, — предложил Абу Али.

— Но тогда все узнают, где ты скрываешься. Сосед не удержится и станет хвастать, что лечился у самого Абу Али. Ты забыл, что тебе угрожает месть военных.

— А твоему соседу угрожает слепота. Приведи его, быть может, удастся спасти ему зрение.

Абу Али долго осматривал глаза больного, направлял зеркальцем прямо в глаз острый солнечный зайчик.

— Хорошо, что я вовремя узнал о твоей болезни, — сказал Абу Али соседу. — У тебя начинается катаракта. В ранней стадии катаракта поддается лечению. У меня было несколько подобных случаев, и все они кончались успешно. Я выпишу тебе глазную мазь. Ее называют индийской, или, иначе, царской. Ее применял древний индийский врач Чараки. Ты обратись к хорошему аптекарю, и он тебе приготовит эту мазь. А через месяц постарайся найти меня, я тебя вновь осмотрю и думаю, что уже тогда зрение твое улучшится.

На сороковой день к дому Абу Саида подъехал сам Тадж ул-Мулк. Кто-то все же донес ему, где прятался Ибн-Сина. Тадж ул-Мулк ехал в сопровождении телохранителей Шамса. Одна красиво оседланная лошадь была свободной.

— Эмир Шамс уд-Даула просит передать извинения мудрейшему Абу Али. Эмир также просит Абу Али немедленно прибыть во дворец.

— Учитель, прошу тебя, останься, — тихо сказал Джузджани. — Они погубят тебя, особенно этот Тадж ул-Мулк. Ты сам знаешь, какой он недобрый и хитрый.

— Что могло случиться с эмиром? — спросил Абу Али.

— Эмир тяжело болен. К нему вернулась старая болезнь — рези в желудке.

— Я оставил лекарство придворным врачам, — удивился Абу Али, — и оставил подробные указания, как лечить эмира.

— Эмир хочет, чтобы лечил ты сам, — сказал Тадж ул-Мулк, отводя глаза в сторону.

Шамс лежал на подушках. Увидев Абу Али, он даже перестал охать.

— Приготовь мне скорее лекарство, чтобы прошли эти боли.

— Но у врачей стоит готовое лекарство.

— То лекарство я пить боюсь. В него могли подмешать яд, — это Шамс сказал шепотом. — Я тебя поэтому и вызвал.

Абу Али быстро приготовил новое лекарство.

— Я же говорил, — втолковывал он Шамсу, — надо беречь желудок, пить меньше вина, слушаться своих врачей.

— Что их слушать! Кругом обманщики — и врачи, и

чиновники, и военачальники. Трудно уже понять, кто над кем властвует — я над ними или они надо мной. — Шамс посмотрел на Абу Али внимательно. — А теперь я стану тебя упрашивать. Раньше приказывал, повелевал, а сейчас прошу. Ты единственный честный человек. Государство погибнет, его разворуют, если ты не поможешь мне. Даже Тадж ул-Мулк — и тот жулик. Помоги мне, стань снова моим везиром.

— А твои военачальники? На следующий день они снова взбунтуются.

— Самых недовольных я уже убрал. С остальными как-нибудь справлюсь. Ты тоже будешь осмотрительнее.

Шамс долго уговаривал, упрашивал Абу Али.

Наконец Абу Али согласился.

Из дворца он вернулся в свой старый дом.

Снова на него торжественно надели халат.

Снова появились мечты о государственной перестройке.

Но теперь Шамс осторожно относился к каждому решению. Единственное, что он позволил пока, — это строительство медресе.

Древний грек Аристотель писал свои книги лишь на основе догадок и предположений. Ученые люди мало знали тогда о земле и о небе. Тысячи лет на земле совершали открытия, подтверждая мудрые догадки Аристотеля.

Каждый ученый находил в книгах древнего философа свое — то, что искал. Старались и священнослужители. Из всех сил они выискивали каждое слово, подтверждающее существование бога. А так как о боге Аристотель думал смутно и противоречиво, то священнослужители охотно пользовались этими противоречия-

ми. Они писали свои толкования к книгам гениального философа, еще больше запутывая и без того неясные места в этих книгах.

Однажды Джузджани попросил Абу Али написать или хотя бы продиктовать собственное толкование к книгам Аристотеля.

— Ты видишь, — ответил Абу Али, — я очень занят. Но я задумал книгу, которая будет полезна всем. У меня нет времени спорить с противниками и заниматься их опровержением. В свою книгу я включу только то, что считаю верным. Все свои знания, научные и философские, я постараюсь вложить в нее. Там будет и мое понимание Аристотеля.

Эта книга называлась «Китаб-уш-шифа» — «Книга исцеления души».

Абу Али решил, что «Книга исцеления» будет состоять из семнадцати томов. Все достижения научной мысли того времени хотел внести в книгу Абу Али: геология, геофизика, метеорология, физика и оптика, химия, ботаника, зоология. Отдельно Абу Али решил рассмотреть математические дисциплины и теорию музыки.

Государственные дела отнимали много времени.

Он вставал до зари и сочинял два листа из «Книги исцеления». А когда начиналось утро, принимал учеников.

Маленькую площадь перед домом Абу Али заполняли люди. Бывали здесь именитые, знатные. Но больше было больных, ждущих исцеления от чудодейственных рук знаменитого врача Абу Али ибн-Сины. Больше было бедных крестьян, ремесленников и торговцев, которые приносили с собой жалобы на сборщиков податей, раз-

ных мелких правителей. Вместе с учениками Абу Али обходил больных, назначая лечение, диктуя лекарства. Затем он садился на коня, чтобы ехать в диван, и иссохшие люди в лохмотьях целовали перед ним землю, бежали за ним следом, мечтая о правильном решении своих жалоб. Абу Али, как мог, восстанавливал справедливость. Но с каждым днем убеждался, что может он очень немного. Для больных и голодных повар Абу Али готовил в огромном котле ежедневную пищу. После полуденного намаза Абу Али возвращался из дивана, и начинался общий обед.

Вечером снова приходили ученики.

Джузджани читал новые главы из «Книги исцеления». Затем другой ученик читал главы из «Канона».

«Когда-нибудь будет построено, наконец, медресе», — мечтал Абу Али.

Эмир Шамс решил все-таки отправиться вновь в военный поход на страну Кирманшах, на город Тарим. Иначе военачальники могли опять затеять смуту.

— Первый раз я ухожу из города спокойно, я знаю, что в городе надежный человек, — говорил Шамс.

— Хорошо бы, чтоб этот поход был последним, — отвечал Абу Али.

— Обещаю тебе, что он будет последним, — сказал Шамс.

Когда войска Шамса подошли к Тариму, эмир внезапно почувствовал себя плохо. В походе он не соблюдал наставлений Абу Али. Возможно, и приближенные помогли ускорить его смерть. Не зря так боялся их в последнее время Шамс.

Войско вернулось в Хамадан, неся в паланкине мертвого эмира.

Теперь власть перешла к мальчику, к сыну и наследнику Шамса. Временно править при нем стал хитрый Тадж ул-Мулк.

— Я думаю, что мудрейший Абу Али и впредь останется на должности везира, — говорил Тадж ул-Мулк и, как всегда, сладко улыбался.

Он как будто забыл, что всего несколько лет назад гнал Абу Али от дворца, предлагая подождать, пока освободится должность писаря.

— Если этого требуют интересы государства, я остаюсь, — ответил Абу Али.

— Требуют, очень требуют, — сказал Тадж ул-Мулк. — Я думаю, настала пора обложить крестьян дополнительными налогами. Хозяйства их окрепли. Надо пополнить казну, да и наше собственное хозяйство укрепить тоже...

— Я буду действовать так же, как действовал раньше, — ответил Абу Али.

— Но я не знаю, что сказать военачальникам. После неудачного похода они очень возмущаются. Только покойный эмир умел с ними ладить. Придется все-таки объявить о новых налогах.

— Тогда я отказываюсь быть везиром.

Абу Али давно уже разочаровался в возможностях государственного правления. Каждый приказ, направленный для добра, для народа, оборачивался злом тому же народу. Даже в случае с медресе.

На строительство медресе согнали сотни крестьян. Крестьяне не успели собрать урожай. Дети их слонялись голодными по дорогам, питались объедками, умирали.

«Кому нужны такие знания, такое добро, если путь к ним ведет через страдания?» — все чаще думал Абу Али.

В соседнем государстве, в Исфагане, правил эмир Ала уд-Даула.

Несколько раз приезжали в Хамадан ученые, передавали приглашения от него Абу Али.

Теперь люди Таджа ул-Мулка следили за каждым шагом Абу Али. «Человек, который не захотел разделить со мной доходы от новых налогов, должен быть большим хитрецом. Ему, вероятно, показалось мало своей половины, он думал забрать и мою. Но я проницательнее его и постараюсь от него избавиться», — такие мысли были у Таджа ул-Мулка.

Абу Али тайно передал письмо к правителю Исфагана Ала уд-Даула. Абу Али просил разрешить переехать ему в Исфаган.

В ту же ночь Абу Али и Джузджани незаметно ушли из своего дома в дом одного друга.

— И снова я свободен от государственных обязанностей и смогу, наконец, кончить «Книгу исцеления», — сказал Абу Али верному Джузджани.

Джузджани так рассказывает о работе учителя в эти дни:

«Учитель попросил бумагу и чернильницу... Затем он разложил стопы бумаги перед собой, брал листы и рассматривал каждую проблему, писал объяснение ее. И он писал каждый день по пятьдесят листов, пока не кончил разделов о естественных и богословских науках, исключая книги о животных и растениях, и пока не начал логики, написав из нее один раздел.

При этом у него под рукой не было ни одной книги, и он не обращался ни к какому источнику, а писал все по памяти и наизусть».

— Я никогда не работал так хорошо, — говорил Абу Али ученику. — Я решил включить в книгу и свой трактат

тат об образовании гор, тот, который писал когда-то в Гургандже.

Вечером, тайно, в доме собирались и другие ученики. Читали новые страницы из «Книги исцеления».

Иногда Абу Али рассказывал им о своей молодости. Споры с Бируни... Их общие вечера с Арраком и Масихи... Всех разбросала судьба. Давно нет старого Масихи. Бируни то ли в тюрьме у султана Махмуда, то ли сослан в Индию. Про Аррака вовсе ничего не известно. А Гургандж, завоеванный всадниками султана Махмуда, разграблен. Многие жители уведены в плен. И лучше не думать о том, где близкие. Постараться забыть о Ширин, о младшем брате ее, вряд ли когда-нибудь станет о них известно. Даже собственного родного брата Абу Али потерял. Остался лишь Джузджани, да другие ученики, да книги и письма от именитых и ученых людей.

Однажды около дома слышались громкие голоса. Среди них Абу Али сразу узнал голос Таджа ул-Мулка.

— Здесь он скрывается. Вот в этом доме... И ученики к нему сюда ходят, такие же неверные, как и он. — Это говорил хатиб, проповедник из мечети.

В доме все мгновенно замолчали, поднялись.

— Учитель, спасайся, я задержу их, — сказал Джузджани.

— Но куда я от них убегу? Лучше я их встречу лицом к лицу.

Первыми вошли гулямы. За ними — Тадж ул-Мулк. Последним вошел хатиб.

— Я еще покойному эмиру несколько раз жаловался, — говорил хатиб. — Страшно слушать, что он рассказывает своим ученикам. А в книгах что пишет?!

Тадж ул-Мулк едва прислушивался к словам хатиба. Он не улыбался. Лицо его было непроницаемо.

— Абу Али, тебя вызывает во дворец наш новый эмир.

Абу Али спокойно вышел.

— Я с тобой, учитель! — бросился за ним Джузджани.

— Останься. Около моих книг ты нужнее, — сказал Абу Али.

Во дворце сидел юный эмир. Там же было несколько вельмож. Тех самых, которых так ругал и боялся Шамс. Теперь они опять были у власти.

— Нами перехвачен человек, который вез письмо к нашему врагу, эмиру Исфагана Ала уд-Даула, — сказал Тадж ул-Мулк. — Так вот почему ты отказался от должности везира. Мало того, что все священнослужители хором говорят о твоём неверии, ты решил ступить к тому же на путь измены.

Вельможи хмурились. Они отворачивались от пронизывающего взгляда Абу Али.

— Покойный эмир Шамс получил однажды письмо от султана Махмуда. Это было лет двенадцать назад. К письму был приложен твой портрет. Султан просил выслать тебя к нему, если ты появишься в границах нашего государства. Покойный эмир оставил это письмо без внимания, а мне приказал сохранять его в тайне от подданных. Эмир считал, что служба твоя полезна нашему государству. Но сейчас, когда перехваченное письмо говорит о твоей измене, нам стало ясно, что ты неблагодарный. Ты забыл о добром отношении к тебе покойного эмира, о том, что он возвысил тебя на службе до звания личного врача, а потом и до звания везира. Мы, все собравшиеся здесь, выполняя волю ново-

го эмира, решили, что временно ты будешь проживать в замке. А потом твою судьбу решит суд.

В подвале на ноги Абу Али надели цепи.

Ночью незнакомые всадники перевезли его в замок. Абу Али узнал этот замок. Из Фардиджана не смог бы убежать ни один человек.

В тот день, когда Абу Али был схвачен воинами Таджа ул-Мулка, в ворота Хамадана въехал человек. Ему было лет тридцать пять. Он остановился в небогатом караван-сараях. У хозяина он спросил о Хусайне ибн-Абдаллахе ибн-Али ибн-Сине.

— У нас был только один Ибн-Сина, Абу Али, — сказал хозяин. — Очень ученый человек. Говорят, к нему обращались за советами многие философы и врачи из разных городов. Даже из Багдада ему писали. Потом его покойный эмир сделал везиром. А после смерти эмира он исчез. А тебе зачем он нужен, тоже для совета или для дела какого? — спросил хозяин караван-сарая.

— Я его брат, — ответил человек.

Если бы начальник стражи замка не был тугоухим, жизнь Абу Али стала бы очень тяжелой.

Начальник стражи был долгие годы верным воином у Шамса. Глухота его усиливалась. И теперь он был на спокойной службе.

На третий день заключения Абу Али осмотрел уши начальника стражи, промыл их, вытащил серные пробки. Уже после промывания начальник стал различать привычные звуки. Абу Али предложил надежное лекарство.

Начальник велел освободить ноги Абу Али от цепей.

За это Абу Али поклялся начальнику, что не будет пытаться бежать.

Начальник даже принес бумагу из собственной канцелярии, чернильницу и тростниковое перо — калям. По вечерам начальник любил рассказывать о своей длинной жизни, о деревенской юности, которую он хорошо помнил и теперь, в старости.

За четыре тюремных месяца Абу Али написал «Книгу о правильном пути»; заново переделал «Книгу о коликах». Там же, в тюрьме, он написал еще одну книгу — философскую повесть «Живой, сын Бодрствующего».

Хайи ибн-Якзан — так звали начальника стражи. «Живой, сын Бодрствующего» — переводится это имя.

Это была первая повесть Абу Али. Герой повести встретился с простым и добрым, вечно бодрствующим стариком. И старик рассказывает герою о своих странствиях, о том, как он сумел познать окружающий мир. Добрая душа старика проникает повсюду: и опускается в ад, и поднимается до высших сфер мира.

Книгой этой будут зачитываться потом многие люди. Они будут говорить, что каждая страница книги полна мудрых раздумий, философских мыслей. Через двести лет после жизни Ибн-Сины писатель Ибн-Туфайл создаст роман с тем же названием, и роман будет во многом повторять повесть Ибн-Сины. Литераторы считают, что и бессмертный Данте творил свою «Божественную комедию» под влиянием Абу Али ибн-Сины.

Через четыре месяца сам Тадж ул-Мулк вместе с юным эмиром поселились в той же тюрьме.

Войска правителя Исфагана, того самого, к которому писал Абу Али письмо, взяли город Хамадан.

Тадж ул-Мулк решил укрыться в замке.

— Теперь ты видишь, Абу Али, как я позаботился о твоей безопасности, — сказал Тадж ул-Мулк. — Если бы я вовремя не спрятал тебя в замке, жители Хамадана, узнав о твоей переписке с правителем Исфагана, могли бы убить тебя.

Правитель Исфагана Ала уд-Даула решил оставить у власти сына Шамса. Юный эмир и Тадж ул-Мулк перешли к правителю в подчинение. Он разрешил вернуться им в город.

Скоро вернулся в Хамадан и Абу Али. Тадж ул-Мулк, сладко улыбаясь, просил:

— Если ты станешь писать письмо к Ала уд-Даула, обязательно сообщи ему о моей верности.

У ворот города Абу Али встречал Джузджани и какой-то человек...

Абу Али на минуту замер, вглядываясь в лицо этого человека, потом братья бросились обнимать друг друга.

— Я все приготовил для побега из города, — сказал в этот же день Джузджани. — От Таджа ул-Мулка можно ожидать чего угодно. Правитель Исфагана знает о твоём желании переехать к нему и будет рад тебя встретить. Тюки с твоими книгами уже переправлены в Исфаган с надёжными людьми.

Рано утром, переодевшись в чёрные одежды суфиев, Абу Али, Джузджани, брат Махмуд и двое слуг выехали из ворот Хамадана.

Иногда навстречу им попадались воины Таджа ул-Мулка.

На всякий случай слуги заслоняли собой Абу Али от глаз воинов. А сам Абу Али глубже прятал лицо в чёрный плащ суфия.

По дороге братья рассказали друг другу о своих скитаниях.

Брат Махмуд приехал из Бухары в Гургандж. Он разыскал Ширин, пришел ко дворцу хорезмшаха.

Бируни, врач Хуммар и Аррак уже отправились к султану.

Люди везира ас-Сухайли сказали брату, что Абу Али надо искать в Джурджане на службе у эмира Кабуса.

Брат Махмуд пошел с караваном в Джурджан, но не нашел там ни Абу Али, ни эмира Кабуса. Абу Али в это время жил в Дихистане на берегу Каспийского моря и болел лихорадкой.

Потом Махмуд объехал несколько городов. Он решил вернуться снова в Гургандж.

Город был разгромлен войсками султана. Вместо дома, где жила Ширин, брат нашел лишь обгорелые обломки.

Где Ширин, где имущество, соседи не знали. Соседи были новыми людьми. Старых увели в плен, в Газну.

Кончились деньги. Он поехал в Нишапур, поступил там на службу.

Вокруг ученые люди читали философские труды Ибн-Сины. Устраивали диспуты, обсуждали эти труды. Но ни-

кто толком не знал, где живет их автор, в каком он скрывается городе. Разные люди называли разные города, в которых якобы видели Ибн-Сину.

Однажды на диспуте по законоведению — фикху заезжий факих клятвенно утверждал, что всего лишь два месяца назад видел Ибн-Сину.

— Где? В каком городе ты его видел? — Брат бросился к факиху.

— В Хамадане, — сказал факих. — Или ты не знаешь, что Абу Али уже не скрывается от султана. Абу Али стал везиром при дворе Шамса уд-Даула и султану до него не дотянуться. А случаи, которые там рассказывают об исцелении им болезней, превосходят сказания о святых.

Так Махмуд нашел старшего брата.

У ворот Исфагана произошла торжественная церемония.

Прибытия Ибн-Сины ждали придворные и вельможи, их выслал навстречу сам эмир Ала уд-Даула. Ждали ученые, врачи и поэты, они пришли сами.

Ибн-Сина приготовил было кошелек, чтобы уплатить въездную плату.

— Мы счастливы видеть тебя, аш-шейх ур-раис, в нашем городе, — закивали, запели, заулыбались придворные.

— Они называют меня «старейшина — глава ученых». Это что же, титул такой придумали? — удивился Ибн-Сина.

— Правитель нашего города эмир Ала уд-Даула жалует тебя этим титулом, — вновь закивали придворные. — Он награждает тебя ценной одеждой, верховыми конями и значительной суммой денег. Он приготовил для тебя дом в квартале Гун-и-Гунбаз. В том доме из

утвари и ковров есть все, в чем только можно нуждаться. После того как ты устроишься, эмир приглашает тебя к себе во дворец.

Наконец придворные отступили, и Ибн-Сину окружили люди, которые переписывались с ним, которые читали его книги, те, которые давно мечтали встретиться с автором этих книг.

На следующий день, едва только стало светать, Ибн-Сина поднялся, сделал привычные гимнастические упражнения и сел заканчивать «Книгу исцеления души».

Днем он должен был поехать во дворец к Ала уд-Даула и беседовать с ним о государственных делах.

— Верно ли, что в то время, когда ты жил при дворе хорезмшаха, ученые часто собирались на диспуты прямо во дворце? — спросил Ала уд-Даула в первом их разговоре.

— Да, мы часто собирались. Делали доклады, обсуждали их.

— Я тоже повелю собираться у себя во дворце каждую пятницу. Пусть и о моем ученом собрании пойдет слава, — сказал Ала уд-Даула.

На первое собрание пришли ученые люди всего города. Было так тесно, что некоторые стояли в дверях, не поместились в зале.

Ибн-Сина рассказал о последней своей математической работе. Эту работу он писал параллельно с «Книгой исцеления» и с «Каноном». Он сделал сокращенное изложение «Начал геометрии» Эвклида, многие теоремы доказал по-своему, короче и проще. Добавил также несколько своих теорем, которые раньше не существовали, хотя были необходимы.

Ибн-Сина всегда старался говорить просто и корот-

ко. Он говорил ровно час, и за этот час не двинулся с места, не шевельнулся ни один человек.

Эмир Ала уд-Даула сидел довольный. Перед собранием он долго спрашивал Абу Али, где садился хорезмшах на своих «академиях» — посередине ли или у стены. А может быть, ему приносили специальный трон?

— Нам кажется, что аш-шейх ур-раис проявил глубокие познания в области математики, — сказал Ала уд-Даула. — В честь первого выступления мы решили одарить шейха еще одним дорогим халатом.

Ибн-Сина поклонился.

Несколько человек хотели задать вопросы.

— Как, разве в академии хорезмшаха было принято задавать вопросы? — удивился Ала уд-Даула.

— Да, там часто задавали вопросы друг другу.

— Хорошо, задавайте и вы, желающие.

Молодой человек, очень бледный, худой, заикаясь от волнения, спросил Ибн-Сину об «Альмагесте» — астрономической книге Птолемея.

— Верно ли, что шейх в своем изложении «Альмагеста» по-иному истолковал многие положения Птолемея и включил в «Альмагест» десять новых фигур различного вида, а также добавил в конце книги такие вещи по астрономии, о которых раньше никто не знал.

— Это так, — сказал Ибн-Сина, — но, может быть, об этом лучше рассказать в следующий раз. Сейчас поздняя ночь.

Все стали просить, чтобы Ибн-Сина рассказывал сейчас. Потом замолчали, посмотрели в сторону эмира.

— Пусть рассказывает, — махнул рукой эмир.

Ибн-Сина говорил еще часа полтора. Увлекся, перешел к арифметике и рассказал о тонкостях, которые он добавил в нее. Потом рассказал о музыке, о том, что

музыку можно исследовать с помощью математики. Даже напел короткий мотив, чтобы было понятней слушателям.

— Многое из того, о чем вы сегодня слышали, — сказал в конце выступления Ибн-Сина, — затронуто в моей «Книге исцеления души», которую я на днях окончил.

Расходились рано утром. Даже сам эмир Ала уд-Даула досидел до конца собрания.

— Кажется, подобного собрания не было в Исфагане за всю жизнь, — говорили ученые.

— Не только за нашу жизнь, — говорили другие. — За жизнь Исфагана такого собрания не было.

Конечно же, Ибн-Сина и в Исфагане продолжал принимать больных.

Он заканчивал третью книгу «Канона». В последние годы у него накопилось много новых наблюдений. И он решил внести дополнения в первые две книги.

Случай с одним больным в Исфагане был таким редкостным, что о нем стали рассказывать во многих городах.

Знатный человек, двоюродный брат самого эмира Исфагана, сошел с ума.

Он вообразил себя коровой, стал бегать по комнатам своего богатого дома, громко мычать.

— Зарежьте меня поскорее! — кричал двоюродный брат эмира. — Сварите из меня суп! Я корова! Я корова!

Он отказался есть нормальную человеческую пищу.

— Я корова! — кричал он. — Я жирная корова. Я не ем мяса!

Он стал быстро худеть. И уже перестал бегать по комнатам, бодать слуг, а лишь лежал и жалобно мычал.

О болезни доложили эмиру Ала уд-Даула.

Больного лечил свой врач, но болезнь была такой странной, что врач ничего поделать не мог.

На беседе с Ибн-Синой Ала уд-Даула сказал:

— Мне трудно обращаться к тебе со своей просьбой. Возможно, болезнь моего двоюродного брата неизлечима. Так говорят все врачи. И все-таки я прошу заняться его лечением. Этот семейный позор мы уже скрываем несколько месяцев. И если тайна разойдется по городам, во всех городах станут смеяться над моим родом.

Ибн-Сина вызвал врача, который лечил больного. Подробно расспросил о болезни. Вызвал слуг и с ними тоже поговорил. Потом сказал:

— Идите к своему больному и передайте, что вы были у мясника и просили зарезать корову. Скажите ему, что мясник скоро придет.

Домашние вернулись, рассказали все сумасшедшему хозяину. Сумасшедший обрадовался, замычал веселее.

Ибн-Сина надел лучшие свои одежды, позвал двух слуг и отправился в дом больного.

Войдя в комнаты, он взял в руки огромный нож и зычно закричал:

— Где здесь корова, которую надо зарезать? Выведите ее на двор, я ее там зарезу!

Больной, услышав эти слова, заревел из глубины комнат.

— Принесите веревки и свяжите корове ноги! — продолжал важно командовать Ибн-Сина. — Сделайте все, как положено.

— Я сам! Я сам! — замычал больной.

Он даже поднялся от радости, хотя последние два дня совсем не вставал, вышел во двор и лег на бок.

Ибн-Сина подошел к нему, присел и поточил нож о

нож. Потом он пощупал больному бока. Потом поднялся и сказал:

— Эта корова очень худая, и ее резать нельзя. Давайте ей в течение нескольких дней обильную пищу, чтобы она пожирнела, а потом я приду и зарежу ее.

Больной растерянно поднялся. Он был слаб от голода, его шатало.

— Слышишь, корова, — сказал Ибн-Сина, — будешь хорошо есть, тогда зарежу, а будешь голодать — какой от тебя толк. Никто и есть не станет твое мясо.

В тот же день сумасшедший двоюродный брат эмира накинулся на пищу. В пищу Ибн-Сина велел подмешивать специальные лекарства.

Постепенно больной стал выздоравливать.

Ибн-Сина велел, чтобы никто из слуг не напоминал сумасшедшему о его мании.

Больной прибавлял в весе и мычал все реже.

Однажды утром он проснулся и позвал слугу:

— Станный мне сон сегодня приснился: как будто я вообразил себя коровой.

— Действительно, странный сон, господин, — откликнулся слуга.

— Я даже испугался: вдруг проснусь и окажусь в самом деле коровой. Но, слава аллаху, проснулся, смотрю — человек я.

Болезнь прошла окончательно.

Когда-то Ибн-Сина продиктовал для Джузджани «Среднее сокращение по логике». Один экземпляр этой книги попал в город Шираз.

Ученые Ширази долго изучали книгу. Некоторые места были для них непонятными.

Они написали письмо Ибн-Сине, а все свои вопросы выписали на листы бумаги. Таких листов было десять.

Вечером у Ибн-Сины сидели ученики, он разговаривал с ними, и в это время вошел посланник. Посланник передал письмо и толстый конверт с вопросами.

— Завтра утром я бы хотел уехать, — сказал посланник, — но если ты согласен написать ответ через несколько дней, то я подожду.

Ибн-Сина отпустил его. Он продолжал разговаривать с учениками и одновременно просматривал вопросы.

После вечерней молитвы Джузджани принес ему пачку бумаги, листов пятьдесят.

Ибн-Сина зажег светильники и принялся писать ответ. В комнате сидели Джузджани и брат Махмуд. Сначала они тихо переговаривались, потом отправились спать. Ибн-Сина писал.

Рано утром кто-то постучал в дверь Джузджани.

Это был слуга Ибн-Сины.

— Господин срочно просит прийти к нему.

Когда Джузджани вошел, он увидел, что вся бумага уже исписана мелким почерком учителя.

— Получилась целая книга, — сказал учитель смущенно. — Я решил сразу ответить на все вопросы, чтобы не задерживать посланника. И ученые в Ширазе ждут.

Когда Джузджани отнес эту книгу посланнику, тот и вовсе изумился.

Вернувшись в Шираз, он долго рассказывал ученым об этом случае.

«Канон врачебной науки» был окончен.

Пять тяжелых томов лежали в комнате Ибн-Сины. Все медицинские знания, которые накопили люди, вмещали эти книги. Они были написаны в трудные дни. Голодная жизнь в караван-сараях. В домах у друзей он

писал эти книги, прислушиваясь к каждому шуму на улице, — не за ним ли пришли.

Вот первая — теория медицинской науки. Анатомия, диагностика, физиология, хирургия. В первой книге рассмотрены острые и хронические болезни, рассказано, как лечить их.

Во второй книге описаны простые лекарства. Оказывается, любой корень, кора любого дерева могут помочь человеку бороться с болезнями. Растения живут рядом, но люди не знают об их полезных свойствах.

«Если прикладывать лекарственные повязки с редькой и медом, это исцеляет злокачественные язвы, а семена ее с уксусом окончательно исцеляют гангренозные язвы» — так говорит Ибн-Сина во второй книге «Канона» об обыкновенной редьке. — «Если скорпион ужалил человека, который поел редьки, то человеку вреда не будет».

Или еще: «Если выпить мяты с вином до отравления, она отразит действие смертоносных ядов».

Почти восемьсот простых лекарств описал Ибн-Сина во второй книге «Канона».

Третья и четвертая книги подробно разбирают болезни всех человеческих органов с головы до ног. Голова, мозг и нервы, глаз, ухо, горло и нос, зубы, легкие и сердце, пищевод и желудок, кишечник, печень и желчный пузырь, почки и мочевой пузырь — обо всем подробно рассказал Ибн-Сина, назвал способы лечения, методы операции. Как лечить переломы черепа, носа, челюсти, ключицы, ребер — об этом тоже рассказал Ибн-Сина в «Каноне».

В пятой книге он описал сложные лекарства. До тридцати семи веществ могут входить в них.

«Это лекарство применял Гален, — часто пишет Ибн-

Сина, — это — известное индийское лекарство, а это — открыто мной».

Ученые и врачи, читая книги «Канона», переписанные Джузджани, а потом размноженные переписчиками, поражались. Новое, неведомое раньше науке встречалось в этих книгах на каждой странице.

Ибн-Сина не знал, что пройдет больше восьмисот лет, и только тогда Пастер подтвердит его гипотезу о вирусах — о невидимых возбудителях болезней, которые живут не только в воде, но и в воздухе.

Ибн-Сина создал такое учение о пульсе, к которому с тех пор трудно было что-нибудь добавить.

В «Каноне» Ибн-Сина заботился и о всестороннем воспитании ребенка, о том, чтобы из него вырос добрый, умный, умелый и здоровый человек.

Ибн-Сина первый проанализировал причины, симптомы и способы лечения таких страшных болезней, как менингит и люэс, плеврит и язва желудка. Он первый отделил чуму от холеры, описал проказу, желтуху и сибирскую язву.

Первым в мире Ибн-Сина описал строение мышц глаза. До Ибн-Сины многие, даже великие ученые считали, что глаз, словно фонарик, испускает лучи. Эти особые лучи, отражаясь от предмета, идут назад и дают изображение.

Ибн-Сина не знал, что его «Канон» скоро станет медицинской энциклопедией во всех странах мира. В Европе будут учить по нему врачей. Лечебники и травники Древней Руси также постоянно упоминают его имя «Ависен», дают его рецепты.

Ибн-Сине по-прежнему приходилось отрываться от занятий наукой. Теперь он писал новую книгу — «Книгу справедливости».

Эмир Ала уд-Даула любил военные походы. Пока что ему везло.

С собою он обязательно брал Ибн-Сину. Ибн-Сина был главный врач и главный советчик. Ничего, что советы часто не выполнялись. Зато даже в Багдаде было известно, что советчиком у эмира Ала уд-Даула сам Ибн-Сина.

Ала уд-Даула доволен. Это ему посвятил Ибн-Сина новую свою философскую энциклопедию. «Даниш-намэ» («Книгу познания»). Наконец и сам Ала уд-Даула может разобраться в философии.

В этой книге мудрые вещи изложены так просто и понятно, что прочитать ее может даже полуграмотный ремесленник.

Однажды вечером в присутствии Ала уд-Даула кто-то сказал о вреде, который приносят календари, составленные неточно и давно устаревшие.

— У нас есть аш-шейх ур-раис, — отозвался эмир, — он составит новый календарь.

— Для этого нужны специальные приборы, — сказал Ибн-Сина, — надо долго наблюдать за звездами.

— Ничего, деньги я тебе даю. Ты, говорят, все равно не спишь по ночам, вот и смотри на звезды.

Ибн-Сина сам вычертил схему нужных астрономических инструментов.

Джузджани нанял знающих мастеров, и приборы скоро были готовы. Для того чтобы приборы были точнее, Ибн-Сина придумал особое устройство.

А через пятьсот лет после его смерти то же устройство вновь откроет в 1542 году португалец Педро Нуниец (по-русски Нониус). И с тех пор это устройство будет называться нониусом.

Этим устройством пользуются все инженеры при многих точных измерениях.

У эмира Ала уд-Даула был друг Абу Мансур.

Абу Мансур имел только два увлечения: охоту и арабский язык. Он считался крупным ученым в области арабского языка.

Однажды они сидели втроем: Ибн-Сина, эмир и Абу Мансур. Любый разговор Абу Мансур умел сводить или к охоте, или к арабскому языку. Сейчас они говорили о языке.

Ибн-Сине показалось, что Абу Мансур ошибся, и Ибн-Сина поправил его.

Абу Мансур взглянул на Ибн-Сину и вдруг спросил:

— Ты ведь, кажется, таджик?

— Да, я таджик, — ответил Ибн-Сина.

— Ты, конечно, большой философ, и мудрец, и врач, но в арабском языке ты не начитан, поэтому в следующий раз не поправляй меня.

Абу Али ибн-Сина решил подшутить над Абу Мансуром.

Он выписал из разных городов несколько лучших книг по арабскому языку и в течение трех лет изучил арабский до тонкостей.

Потом он сочинил три поэмы. Каждая поэма состояла из редких для разговора арабских слов. Каждая поэма не походила на другую, потому что все три были сложены в манерах трех разных знаменитых стилистов. Эти поэмы Ибн-Сина приказал переплести в старый полуистлевший переплет. А потом уговорил и эмира участвовать в этой шутке.

Как-то вечером эмир достал старую трепаную книгу, протянул ее Абу Мансуру и сказал:

— Сегодня мы нашли эту книгу во время охоты. Посмотри, стоящая она, или надо ее выбросить.

Абу Мансур долго изучал эту книгу.

— Я не все в ней понял, — ответил наконец большой

знаток арабского языка. — Некоторые слова я слышал раньше, но забыл их смысл. Книгу эту написал очень известный писатель — это я скажу точно.

Эмир не выдержал и засмеялся:

— Известный писатель сидит перед тобой.

А вскоре Ибн-Сина написал поэму «Урджуза». Поэма эта была особенная. Ее героем была медицина, все медицинские знания. «Она составлена в простом изложении, понятными стихами, так, чтобы было нетрудно ее читать», — написал сам Ибн-Сина в предисловии. По этой поэме даже школьник мог изучать медицину.

Очень скоро «Урджузу» перевели на латинский язык. А потом ее издали во многих странах.

600 лет изучали поэму во многих медицинских школах.

Поэма написана красивыми, образными стихами. В прозе начало ее звучит примерно так:

«Поэты — принцы вселенной; врачи руководят телом. Красноречие упомянутых выше радует душу; преданность последних исцеляет болезни.

Эта поэма содержит всю теоретическую и практическую медицину. И я в ней излагаю в стихах все мои знания этой науки.

Определение слова «медицина».

Медицина — это охрана здоровья и лечение болезней...»

Одновременно с «Урджузой» Ибн-Сина написал книгу по языкознанию. Она называлась «Язык арабов». Современники говорили, что подобную этой книге в области языка еще никто не писал.

Ибн-Сина долго откладывал переписку ее начисто. Джузджани был занят переписыванием двадцати томов «Книги справедливости».

«Язык арабов» так и остался в черновике. После

смерти Ибн-Сины книга эта, видимо, погибла. Или, быть может, хранится до сих пор в какой-нибудь мусульманской библиотеке среди других неизученных рукописей.

Есть такая легенда об Ибн-Сине.

Это было уже в то время, когда слава о нем разошлась по многим странам.

Но не слава была нужна Ибн-Сине. Всю жизнь он лечил больных людей, и количество их не уменьшалось. Его призывали в города, умоляли посетить деревни.

Деревень на его пути было много, и он не успевал осматривать всех больных.

И тогда он предложил: «Пусть каждый больной житель деревни возьмет в руки по веревке, а другие концы этих веревок возьму в свои руки я. И по натяжению веревки, по теплу ее и дрожанию я буду определять болезни того, кто держит свой конец».

В одной деревне была хитрая, насмешливая женщина. Она ничем не болела и решила испытать чуткость Ибн-Сины. Она взяла свою кошку, которая недавно окопалась, спрятала ее за пазухой, привязала к ее лапе веревку, а другой конец подала Ибн-Сине.

— Сейчас мы проверим, вправду ли он такой хороший врач, — шептала она соседям, хихикая.

Ибн-Сина называл болезни разных людей и наконец дошел до женщины с кошкой. Он на секунду сделал удивленное лицо, еще раз потрогал веревку и сказал:

— Эта больная пять дней назад принесла семерых котят. Она очень истощена, и ее требуется срочно напоить молоком. Никаких других лекарств ей не надо.

В 1028 году умерла правительница Рея Сайида.

Войска султана Махмуда сейчас же захватили этот город и все окрестные земли.

Наместником в Рее остался сын султана Махмуда — Масуд.

— Как бы он не пошел на нас войной, — сказал Ала уд-Даула. — Я решил выслать ему богатые подарки.

Подарки помогли. На два года установился мир.

Султан Махмуд был уже стар. Сыновья ждали его смерти, чтобы поскорее занять престол отца.

Однажды, когда Ала уд-Даула и Ибн-Сина остались вдвоем, эмир показал ему портрет. Этот портрет двадцать лет назад рисовал Аррак. На старого Ибн-Сину смотрел Ибн-Сина молодой...

Заодно Ала уд-Даула показал и толстую стопу доносов, которую за несколько лет написали на него имамы, хатибы и кади. «В своих работах Ибн-Сина подвергает сомнению основы священной книги», — писали хатибы. «Вредоносные труды Ибн-Сины необходимо сжечь, а самого его казнить или немедленно выгнать из государства», — требовали кади.

— Но я исправно посещаю мечеть, совершаю все пять намазов, — пробовал оправдать себя Ибн-Сина в глазах эмира.

— Мы-то с тобой знаем, что ты самый верующий из мусульман, жаль, они об этом не догадываются, — сказал, хитро прищурившись, эмир Ала уд-Даула.

Только теперь Ибн-Сина понял, какой мощной стеной был для него эмир эти годы.

Через два года войска Масуда внезапно оказались у стен Исфагана.

Возможно, Масуд просто хитрил, когда, принимая подарки, обещал мир.

Был апрель. Трава кругом оставалась еще зеленой, невыгоревшей. Отцвели яблони. Распустился жасмин...

Жители уходили из города спешно. В любую минуту могли ворваться воины Масуда. Об имуществе было некогда думать.

— Учитель, что делать с «Книгой справедливости»? Я как раз кончил переписывать последний том. Может быть, ее закопать во дворе? — спрашивал Джужджани.

В это время на ближних улицах слышались крики, лошадиный топот.

Они едва успели вскочить на коней и уйти от преследования.

— А я уж собирался остановиться и драться, чтобы задержать тех всадников, — сказал брат Махмуд, когда они подъезжали все вместе к замку, где укрылся эмир.

Эмир Ала уд-Даула укрывался километрах в десяти от города.

— Ты скажи мне, — спрашивал он у Ибн-Сины, — неужели все пропало? Неужели я потерял власть, а дети мои станут базарными бродягами?

— Я попробую написать Масуду письмо, — предложил Ибн-Сина. — Я знаю, что у него в последние годы нелады с отцом, с султаном Махмудом. Может быть, удастся сыграть на его самолюбии.

Ибн-Сина ушел писать письмо.

Внезапно его позвали назад.

— Важная новость, — сказал Ала уд-Даула. — Только что прибыл мой разведчик, послушаем, что он скажет.

— Сегодня Масуд получил тайное и срочное послание от своей тетки, от сестры султана. — Разведчик стал пересказывать послание. — «Наш государь, султан Махмуд, в час предвечерней молитвы, в четверг, когда оставалось семь дней до конца месяца раби ал-ахир, скончался, да смилуется над ним аллах, и счастье слуг его

пришло к концу. Мы вместе со всем гаремом находимся в газнийской крепости и послезавтра объявим о его смерти...»

— Пожалуй, мы спасены, — сказал Ибн-Сина. — Сейчас Масуду будет не до похода на Багдад и не до захвата власти в нашем городе.

— Почему ты так считаешь? — спросил эмир.

— Масуд — старший сын, и власть должна перейти к нему. Но султан завещал трон среднему — Мухаммаду. Мухаммад займет трон, а Масуд кинется этот трон отнимать. Так что я пойду и перепишу письмо заново.

Все случилось так, как предполагал Ибн-Сина.

От Масуда через несколько дней прибыл посол.

Он объявил, что Масуд оставляет правителем Исфагана Ала уд-Даула. Пусть только Ала уд-Даула платит ежегодно налог.

Масуд прислал для Ала уд-Даула почетный халат и жалованную грамоту.

— А у Масуда есть важные дела в Газне, и он уходит туда со всем войском, — так передал посол.

— Твое письмо возвратило мне власть, — повторял по дороге Ибн-Сине воспрянувший духом эмир.

Ибн-Сина подъехал к дому один.

Дом был пуст.

Ибн-Сина недоуменно осмотрел голые стены, пол.

Кому-то могли понадобиться ковры — это понятно.

Кто-то захотел прихватить утварь — это тоже понятно.

Даже чернильницу увезли с собой люди Масуда.

Это все поправимо.

Но грабители увезли с собою «Книгу справедливости». Все двадцать томов. Ту самую книгу, которую Ибн-Сина начал писать сразу после «Канона».

Эту книгу он вынашивал в сердце своем многие годы.

Эта книга была приговором всей западной и восточной философии, всем законам черной, яростной жизни.

И вот, как будто по иронии, жизнь еще раз доказала Ибн-Сине свою несправедливость. Навсегда пропала именно эта книга — «Книга справедливости».

Ибн-Сина сел на холодный пол.

И так одиноко ему стало. И руки ослабли, устали, и ноги вот подогнулись.

Пусто кругом. Одиноко и пусто.

Зачем, для кого он писал свои многотомные книги? Кто читает их? Несчастливая сотня грамотных людей в городе.

А потом приходит правитель, повелитель алчных воинов, и сажает этих ученых в ямы, выгоняет из дому. И книги горят, исчезают.

Так много все рассуждают о силе познания, о торжестве разума. А сила — вот она, в жестокости. И торжествует не разум, а невежество, злое, тупое невежество.

Да будет ли когда-нибудь время, когда они, ученые, станут необходимыми людьми. Когда правители будут советоваться со знаниями, а не со своей дикой волей. И весь мир будет объединен в единое, общее, справедливое государство. Без войн, захватов и убийств.

Но надо все-таки подниматься... Ведь завтра сюда придут ученики. И надо будет говорить им что-то о пользе знаний.

В последние годы здоровье Ибн-Сины ослабло. Когда-то он написал книгу о желудочных коликах. Теперь сам он страдал этой болезнью.

Ибн-Сина лечил себя успешно, до тех пор, пока Ала уд-Даула, находящийся в походе, не вызвал его к себе.

Врач, который готовил лекарство по рецепту Ибн-Сины, бросил в лекарственную смесь в пять раз больше семян сельдерея, чем полагалось. Возможно, он сделал это нечаянно, не по злomu умыслу. Но от такого лекарства язвы в желудке и в кишечнике, которые уже стали затягиваться, снова открылись, увеличились в размере.

Рядом с Ибн-Синой не было ни одного близкого человека.

Джузджани, который обязательно бы спас своего учителя, остался в Исфагане.

Ибн-Сина догнал эмира Ала уд-Даула по дороге в Хамадан. Он был слаб, и его несли в паланкине.

Он уже не принимал лекарств.

«Управитель, управляющий мною, бессилен управлять, и ныне бесполезно лечение», — сказал он самому себе.

Полузнакомый человек написал с его слов завещание. Все свое имущество Ибн-Сина велел раздать беднякам, слуг отпустить на волю.

Он умирал в полном сознании.

Возможно, в последние минуты он вспомнил юношеские мечты о бессмертии, потому что внезапно раскрыл глаза, усмехнулся и сказал:

От праха черного и до небесных тел
Я тайны разглядел мудрейших слов и дел.
Коварства я избег, распутал все узлы,
Лишь узел смерти я распутать не сумел.

Это были его последние слова.

18 июня 1037 года Ибн-Сина умер.

О последних часах Ибн-Сины есть такая легенда.

Великий врач, почувствовав приближение конца своих дней, решил дать бой смерти.

Не зря он дни и ночи многие годы изучал свойства разных растений, тайны лекарств.

Он решил победить смерть, оставшись в живых надолго.

Напрягая ослабевшие руки, он приготовил сорок разных лекарств, разлил лекарства в сорок разных сосудов. На каждом сосуде написал номер.

Потом он вызвал самого верного своего ученика.

— Слушай меня внимательно, — сказал он ученику. — Силы мои ослабли, и, вероятно, завтра я потеряю сознание. Но я не умру, если ты применишь все эти сорок лекарств в том порядке, как я тебе продиктую.

И он стал диктовать.

Первое лекарство полагалось влить в рот.

Вторым лекарством натереть грудь.

Третьим — спину.

Четвертым — ноги.

Пятое снова влить в рот.

И так до сорокового.

На следующий день аш-шейх ур-раис потерял сознание.

Перед учеником лежало безжизненное тело изможденного старика. Сухие слабые руки, щеки ввалились, и только высокий лоб говорил о глубоких тайнах ума Ибн-Сины...

Ученик, волнуясь, взял первый сосуд с лекарством.

Потом — второй, третий, четвертый. Он делал все так, как диктовал ему учитель.

Взял десятый сосуд, двадцатый, тридцатый.

Постепенно немощное старческое тело превращалось в цветущее тело юноши. Уже появилось дыхание, зарозовели щеки.

Перед учеником лежал сильный красивый юноша с полным благородства, мудрым лицом.

Осталось сороковое лекарство.

Последнее лекарство должно было укрепить ту жизнь, которую вдохнули в Ибн-Сину все тридцать девять лекарств.

Испив последнее лекарство, учитель должен был открыть глаза, глубоко вздохнуть, улыбнуться и встать.

И так поражен был ученик этим чудесным превращением, что внезапно из трясущихся от волнения рук выпал сороковой сосуд на землю и опрокинулся. Лекарство разлилось по песку, ушло в глубину земли...

Через несколько минут перед учеником лежало безжизненное тело дряхлого учителя.

Ибн-Сину похоронили в Хамадане, у южной стены.

Шли годы, проходили столетия.

На краю Хамадана, на левом берегу горной реки, среди давно заброшенного кладбища высокий кирпичный забор огораживал небольшой дворик с несколькими кипарисами. Там, среди кипарисов, стояло здание из самообожженного кирпича.

Сюда, к мавзолею, каждое утро собирались люди. Среди них были ученые — старики и молодые, лишь входящие в жизнь. Были и больные, верившие в чудесное исцеление от одних только прикосновений к древней могиле.

Внутри мавзолея, во мраке, на полу, устланном циновками, у надгробной плиты постоянно сидели старцы.

Так было из века в век.

Проходило двести лет, четыреста и семьсот...

И когда спрашивал какой-нибудь путешественник, проезжающий из Тегерана в Багдад:

— Кто похоронен здесь?

Ему негромко отвечали:

— Это могила Абу Али Ибн-Сины, великого врача и великого человека.

В 1952 году Всемирный Совет Мира постановил торжественно отметить во всем мире тысячелетие со дня рождения Авиценны.

28 апреля 1954 года в иранском городе Хамадане был поставлен памятник Авиценне. На открытии памятника среди многих ученых мира была и советская делегация.

29 апреля 1954 года был торжественно открыт новый мавзолей Авиценны.

Когда-то художник и математик Аррак по приказу султана Махмуда Газневи нарисовал сорок портретов Ибн-Сины. Эти портреты были разосланы в разные города. Но ни один из них до нашего времени не сохранился.

Советским ученым и художникам после трудной, длительной работы, на основании строгих научных данных удалось воссоздать портрет Авиценны.

СОДЕРЖАНИЕ

Детство и юность	8
Годы в Хорезме	92
Скитания	124
Везир в Хамадане	152
Итоги ,	184

Воскобойников В. М.

- В76** Великий врачеватель. Авиценна: жизнеописание. — 2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 206 с., ил. — (Пионер — значит первый. Вып. 68 (28)).

В пер.: 40 коп. 100 000 экз.

Повесть о жизни величайшего ученого древности — астронома, математика, геолога, философа, поэта и врача, чьими «Каноны врачебной науки» медицинский мир пользуется и поныне. Издается к 1000-летию со дня рождения Авиценны. Книга рассчитана на детей среднего школьного возраста.

В 70803—033
078(02)—80—061—80. 4800000000

ББК 72.3
001(09)

Для среднего школьного возраста

ИБ № 2075

Валерий Михайлович Воскобойников

ВЕЛИКИЙ ВРАЧЕВАТЕЛЬ

Редактор **Людмила Лузянина**

Художник **Владимир Носков**

Художественный редактор **Анна Романова**

Технический редактор **Зинаида Ходос**

Корректор **Галина Трибунская**

Сдано в набор 06.07.79. Подписано в печать 18.01.80. А01422.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Журнальная рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 9.1.
Уч.-изд. л. 8.6. Тираж 100 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 1225.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

20 коп.

68[28]

ВЫПУСК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ